

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

Маргарита
Менчинская

16+

Маргарита Менчинская
Тёмная сторона Луны

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Менчинская М.

Тёмная сторона Луны / М. Менчинская — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-96968-1

Пронзительная история школьной дружбы, пройдя серьёзные испытания временем и расстоянием, могла остаться нерасказанной, если бы не гибель одного из главных героев. Автор книги предлагает совершить увлекательное путешествие в мир самых разных человеческих чувств – от любви и благородства до зависти и ненависти, а заодно вернуться в конец семидесятых – начало восьмидесятых годов прошлого столетия, прославившихся не только очередями и дефицитами, но и музыкой, равной которой мир больше не создавал. Музыка в книге - это связка событий и своего рода действующее лицо. Название заимствовано у легендарной группы Pink Floyd. Тёмная сторона Луны – это больше, чем просто песня, вошедшая в их восьмой и самый успешный альбом и давшая ему название. Для человечества - это некий символ недосказанности, тайны, мистический образ, позволяющий заглянуть внутрь самого себя.

ISBN 978-5-532-96968-1

© Менчинская М., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	10
1	10
2	20
3	23
4	32
5	38
6	42
7	48
8	52
9	55
10	59
11	62
12	65
13	71
14	76
15	79
16	81
17	88
18	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Маргарита Менчинская

Тёмная сторона Луны

«Не оставайтесь должными никому
ничем, кроме взаимной любви; ибо
любящий другого исполнил закон».
Из послания к римлянам святого
апостола Павла; гл. 13, ст.8.

Александрю С. и Олегу П.

Все свои роли осень отыграла на бис с упоением женщины, слегка за сорок, и напоследок явилась в образе вздорной, выжившей из ума старухи. Обнажённый, пронизанный ветрами, город тонул в мареве тумана. В воздухе стоял запах разлагающейся листвы. Дождь порой моросил сутками и будил по утрам неясной тревогой, которая разрезала сон, будто скальпелем, и больше не позволяла уснуть.

Что разбудило Катю сегодня, она не совсем понимала. Но будто ощутила прикосновение руки к своему плечу. Глаза открывать не спешила. Видимо, ещё питала надежду, что досмотрит этот странный сон, который оборвался на самом интересном месте и стал распадаться на какие-то неясные обрывки. Всё ещё распятая между сном и реальностью, одной рукой она удерживала сон, другой – буквально вцепившись в короткий поводок – мысли. Неделя, две, больше? Катя действительно не помнила, который день начинала с вопроса – ехать или же остаться дома.

Вероятно, мысли всё-таки сорвались с поводка, раз она вспомнила об этой поездке. Сказать, что она не хотела ехать, это ничего не сказать. Непростой, насыщенный событиями, 2-ой год новой эры она мечтала завершить спокойно. Суета, спешка, какие-то вечные дела, став практически нормой, всё больше меняли людей и их ничтожные жизни не в лучшую сторону. Настоящее напоминало бабочку, которая робко присаживалась на плечо и сразу взмывала в небо, оставляя после себя ощущение недосказанности, незавершённости, потери. Жить этим моментом получалось всё хуже. Будущее пугало, и только в прошлом существовали спасительные островки стабильности, к которым хотелось возвращаться вновь и вновь. Сложность представлял лишь выбор маршрута. Шаг влево, шаг вправо, и память превращалась в монстра, высвечивая, будто лучом прожектора, всё то, что ты старался забыть годами.

Обычно, чтобы собраться в путь, Кате не требовались методы стимуляции. Всякий раз, отпуская мужа в командировку, она испытывала настоящую ломку и успокаивалась только в том случае, когда могла подстроиться под его расписание. Дорогу она любила. Не поезда и не самолёты, а именно путешествие на автомобиле. Созерцание под приятную музыку или шуршание шин сродни прогулке по опавшим листьям в лесу или в парке. Терапевтический эффект – при минимуме вложений – колоссален. Катя никогда не отказывалась от таких подарков. Сейчас – не понимала себя и сопротивлялась всем существом и всем упрямством, на какое только способна женщина её лет. Впрочем, она всегда отличалась упрямством. Уж если что-то вбивала себе в голову, то шла до победного конца. Сейчас это самое упрямство было направлено не во благо, а против самой себя и куда-то вглубь. Даже почерк, аккуратный в юности, становился всё более размашистым, будто копируя годы, что исчезали за спиной со стремительностью стихийных бедствий. И вот уже не за горами первый серьёзный, по значимости, юбилей, генеральная репетиция перед вхождением в зрелость. Если верить психологии, возраст не из лёгких и даже опасный. У мужчин бес в ребро. У женщин, видимо, тоже не без сложностей, с массой противоречий. Совсем не любительница загадывать наперёд, Катя то и дело ловила себя на мысли, что строит планы, как бы отметить ненавистный день рождения без ущерба для

собственных чувств. Идеально для её теперешнего состояния подошла бы поездка на море, всей семьёй. На крайний случай, за город, в какой-нибудь милый пансионат в сосновом бору на берегу реки или озера. Бывая в Москве у друзей, как обычно проездом и впопыхах, Катя не один раз обещала самой себе, что устроит каникулы, проведя несколько дней вдвоём с мужем в Москве или в Питере. Когда им в последний раз удавалось побыть вдвоём! А в кино? Когда они в последний раз были в кино? Тем более, в театре! В настоящем театре, когда учились в Минске! А это было не просто давно – в прошлой жизни.

О, да! И трава тогда была зеленее, и колбаса вкуснее. Ностальгия накатывала всё чаще, внезапно и порой из ничего. Песня, фильм, фраза – всё шло впрок. Прошрое стало каким-то назойливым: вторгалось в сны, будило воспоминания. Одним придавало значимость, другие задвигало в тёмный угол памяти. Катя устала спорить с собой и наконец открыла глаза.

В мутной глубине зеркала, висящего над комодом, угадывались очертания шкафа. Розовый абажур светильника, в тон цветам на бордюрах, обрамляющих верх и углы стен, выглядел серым. Светилось, выделяясь на фоне совершенно тёмной стены, начисто лишённой цвета, лишь его белоснежное основание. Ночь неустанно и безжалостно поглощала день, и чувство времени абсолютно атрофировалось. Часы, поторапливаясь за секундной стрелкой, тикали на стене кухни. Звук, размеренный и привычный, как пение цикад летней ночью, проникал через узкую щель под дверью вместе с тоненькой полоской света. Мысли упорно теснили одна другую и вдруг совсем остановились на больной теме.

Стараясь не разбудить мужа, Катя накинула халат на плечи и отправилась на кухню. Шум города, практически неразличимый в спальне, ударил в грудь перестуком трамвайных сцепок. Катя налила воды в стакан и, подойдя к окну, застыла с выражением восторга на лице. Но вряд ли любовалась, скорее, не соглашалась поверить в ночной снегопад, который не только покончил с осенью, но и скрыл все следы её преступлений.

– Всё будет хорошо, – произнесла она шёпотом, улыбнулась просветлённо и повторила громче – каждое слово отдельно – всё будет хорошо.

Ей показалось, что перед глазами мелькнуло лицо Сашки, его виноватая грустная улыбка. Слышать свой голос, немного хриплый спросонья, повторяющим его слова, с его неповторимой интонацией, было довольно жутко. Сердце замерло и вдруг ухнуло вниз с высоты десятого этажа, и, чтобы не упасть, Катя схватилась рукой за подоконник. Машин было ещё немного, и они проплывали мимо, но так и не смогли рассеять мысли, которые почему-то упёрлись в тот день, когда не стало отца. С той самой поры Катя пугалась поздних телефонных звонков и резких перепадов настроения. Первой вспомнила маму, следом – давно ставший паранойей – страх за мужа. Возникший совсем не на пустом месте, укрощению он уже не поддавался. Более того, часто ставил Катю в тупик, однако сейчас поставил точку в споре, который продолжался все эти дни, пока решалась судьба поездки.

При благоприятном стечении обстоятельств за это время можно было два раза съездить в Подвилье и, уладив все дела, вернуться. Однако кто-то будто намеренно удерживал Катю в четырёх стенах, отдав на растерзание памяти, которая становилась особенно беспощадной, когда ей предстояло отправиться в родные места.

Путь неблизкий: больше тысячи километров в одну сторону по дорогам сомнительного качества. Если через Москву – все полторы. Ночь до Москвы на поезде, пустой день шатаний по городу, ещё одна бессонная ночь в вагоне, несколько часов на вокзале промежуточной станции и ещё пять бесконечных часов тряски в электричке с остановками у каждого столба. Раньше Катю не пугали трудности, а пункт назначения, указанный в билете, был центром притяжения. Время смогло подлечить эту рану, но каждый раз, собираясь туда, ей приходилось отдира́ть от себя засохшие бинты с мясом, а потом снова мазать зелёной и бинтовать. Приступы жажды, к счастью, случались всё реже. Катя утоляла их в приезды мамы: выпрашивала обо всех переменах, о друзьях и одноклассниках, охотно окуналась в воспоминания и довольно легко исклю-

чала из этой неразрывной и прочной цепи одно из них, самое болезненное из всех неприятных. Ныне, и это выглядело странным, именно оно держало Катю в напряжении, заставляя радоваться каждой отсрочке. Последняя – совсем под занавес – происходила из-за неисправности машины. Катя узнала об этом накануне вечером, из разговора с мужем, но вспомнила только здесь, стоя у окна, испытав огорчение такой силы, что с трудом сдержала слёзы. Ехать хотелось прямо сейчас, ни минутой позже.

Ровно к обеду, в ускоренном темпе, решились все дела. Отыскалась даже деталь, обещанная на понедельник, а также окно в расписании мастера. Ехать раньше субботы не имело смысла. Катя соглашалась с этим, однако всеми устремлениями и помыслами находилась в дороге. Маму обрадовала сразу, как только имела на руках все новости. Пришлось потревожить соседей. Телефон в Подвилье всё ещё считался предметом роскоши. Несколько раз набирала номер Бориса и сразу сбрасывала, будто нарочно дотянув до часа, когда звонить было не совсем удобно. Но, даже рухнув на диван перед включённым телевизором, не расставалась с трубкой и время от времени, сама не зная, зачем, проверяла рукой.

Вникнуть в происходящее на экране не получалось. Что-то гнело, мешало, и Катя солгала бы, сказав, что дело только в поездке или в том давнем воспоминании. Она давно жила так, пожалуй, с того – на данный момент последнего – разговора с Сашкой, когда они не могли наговориться. Временами ловила себя на мысли, что продолжает какую-то тему, затронутую им и не развитую полностью, мучается этой недосказанностью и успокаивается последними его словами: «Всё будет хорошо». Сегодня это не очень получалось. Слова имеют свойство обесцениваться, если повторить их много раз. Чтобы понять это, Катя имела достаточно времени, но всё равно продолжала цепляться за них обеими руками, как утопающий за соломинку. Звонок вывел её из этого состояния и даже заставил вздрогнуть.

Местные вызовы Катя определяла безошибочно и, какое-то время, гипнотизировала это чудо техники, упрощающее людям жизнь. На самом деле пыталась понять, кто и, главное, что именно скрывается за этим поздним звонком из другого города. Наконец нажала кнопку, но, так и не ответив, просто прижала трубку к уху.

Если б не имя, Катя могла решить, что кто-то ошибся номером. Кто-то как будто сдавил ей горло – так трудно было ответить – и нечто подобное, она ощущала это слишком явно, происходило там, откуда исходил вызов.

– Катя, – снова услышала она, – ты меня слышишь?

Слышала Катя прекрасно и почти узнала Бориса, но не могла поверить, что это тот самый Борис, о котором она только что думала. К тому же для разговора с ним, а этого человека она изучила прекрасно, было слишком поздно. От предчувствия чего-то плохого зазвенело в ушах. Катя метнулась в коридор и, спеша заглушить назойливый звук телевизора, закрыла дверь.

– Только что звонил Андрей. Сашку нашли в Греции мёртвым. Похороны в воскресенье.

Телефонный провод вдруг превратился в линию высокого напряжения. В воздухе повисла пауза. Осознание настигло внезапно как стрела, и в тот же миг Катя почувствовала острую боль, будто ей в спину вонзили нож, попав в самое сердце.

– Борис, мы как раз едем в Подвилье, – будто не веря самой себе, сказала она и тоже не узнала свой голос. Мысли, которые все эти дни ходили по кругу, вдруг разомкнули его и вырвались наружу, но продолжали стоять на месте, как люди, что оказались свидетелями аварии и не спешили расходиться. Чего они ждали, Катя поняла только сейчас и тоже ждала, что Борис сжалится над ней и скажет что-то, что даст ей хотя бы какую-то надежду. Но он лишь уточнил время отъезда тем незнакомым голосом, которым принёс весть.

– Когда? Меня, надеюсь, захватите? Вы же поедете через Тверь?

– В субботу. Конечно. Я собиралась завтра тебе звонить.

Кате казалось, что за неё ответил кто-то другой. Сама она была занята анализом своего поведения, которое почему-то позволяло ей лгать. Нет, не ему, себе. Она ещё утром хотела

звонить Борису, но сначала отложила разговор с ним до обеда, потом до вечера. День выдался долгий и суетный, но вряд ли в этом была причина. Сегодня Катя можно сказать совсем не расставалась со своими мальчишками. Мальчишки! Даже теперь она не называла их иначе. Предстоящий юбилей казался недоразумением, какой-то нелепой ошибкой. Сорок! Разве можно было поверить в это! Кате так и слышалось в нём: «рок», «срок», и к первому из этих слов идеально подходило слово «злой», ко второму – «вышел». Теперь было ясно: встречи не будет, вышли все сроки, и виной тому – злой рок.

Борис тяжело вздохнул, казалось, прочёл её мысли.

Катя превозмогла боль и выдохнула прямо в трубку:

– Как же так, Борис! Как же так! Как это могло случиться!

Нет, она не спрашивала и не хотела знать подробности! Она искала объяснение этому факту, который не желал помещаться в голову, не укладывался в привычные рамки, не поддавался разумным объяснениям. Он даже фактом пока не хотел быть, уж слишком всё, что происходило, напоминало какой-то кошмарный сон, который по всем законам сна вот-вот должен был прерваться.

– Ничего неизвестно, Катя! – всё-таки поняв её по-своему, ответил Борис. – Никто ничего не знает! Завтра, Катя, всё завтра!

Катя услышала короткие гудки в трубке, но, кажется, не понимала, что нужно сделать и просто прижала её к себе. И вдруг представила весь ужас похорон: гроб с телом, жену Сашки, дочь, безутешных родителей, близких. Что она скажет им? Как сможет смотреть в глаза?

Слёзы нахлынули внезапно. Катя заставила себя сделать несколько шагов и, рухнув в кресло, зарыдала. Руки сами метнулись к лицу и отгородили её от этого мира. Она почувствовала у себя на коленях руки мужа, но не смогла заставить себя прекратить истерику. И тогда он сам нашёл способ.

– Что, Катя? Что? Что-нибудь с мамой?

Катя мотнула головой и наконец позволила себе остановиться. Но говорила с трудом, делая длинные паузы между словами, и теперь уже не отводила взгляд.

– Это Сашка... Его больше нет... Борис...

Всю ночь Катя отбивалась от мыслей. Уснуть смогла лишь под утро, но только открыла глаза, как сразу всё вспомнила и теперь уже, будто наяву, видела перед собой Сашку. Откровенный до незащитности он смотрел на неё своими ясными, голубыми глазами так, словно хотел сказать что-то и не решался, как и тогда, в день их последней встречи.

Между тем днём и этим прошла целая жизнь и даже пролегла вечность. Теперь уже у Кати было право так сказать. С уходом Сашки рухнули все её представления об этом мире. Она ещё не понимала до конца всей глубины утраты и, как любой человек, который потерял близкого, больше думала о себе. Пока вдруг, внезапно, не осознала всю мелочность и даже преступность этих мыслей. И стало неважно, где он, с кем, почему не звонит, не приезжает! Пусть даже не хочет видеть её! Катя на всё соглашалась! Только бы это была неправда, только бы он был жив! Она молила Бога об этой милости, о чуде, чувствуя, как силы покидают её, как слабеет та невидимая нить, которая все эти годы связывала их, а со звонком Бориса напряглась и зазвенела на невыносимо и неестественно высокой ноте. Катя почти физически ощущала, как кто-то смотрит ей в душу, вторгается в мысли и даже вынуждает к тому, на что она пока не решалась. Старалась забыть, боялась и вдруг осталась без выбора, чтобы солгать или уклониться. Слишком высока была цена, которую заплатили за это, чему даже сейчас не удавалось найти, нет, не название – имя. Память больше не ранила, она нахлынула воспоминаниями, отгораживая собою от потери. Со стороны могло показаться, что Катя смотрит фильм, действие которого происходит в её голове. Перед мысленным взором, будто на экране, мелькали лица, имена, фразы, пока не превратились в единую и очень прочную цепь, сложенную из множества

различных событий и переплетённых настолько, что любая попытка разорвать или разнять их была равносильна новой потере.

Глава 1

1

Такого не ожидал никто! Ладно «вэшки»! Ладно всегда третье место из трёх возможных, но учиться вместе с первоклашками, когда все старшеклассники обживали основное здание школы, это слишком даже для заядлых неудачников! Пожалуй, это был тот редкий случай, когда класс испытывал единодушие в оценке происходящего. Катя несколько раз пробежалась взглядом по лицам одноклассников и, убедившись в этом, нашла исключение и даже не удивилась, что это именно Степаненко. Худющий, долговязый и, как следствие, большой любитель пирожков, которые привозили в буфет как раз к большой перемене, Вовчик даже не думал скрывать радости. Ещё бы, теперь буфет находился рядом: не надо одеваться, бежать в соседнее здание через весь школьный стадион, рискуя опоздать или того хуже, опоздать, напрасно отстояв очередь. Всё это были реалии первой Подвильской школы, в которой Катя Шкловская постигала азы жизни вместе со всеми, кто её окружал до этого дня, 1 сентября 1978 года.

День выдался погожий и по характеру совсем ещё летний. Ветер остался тёплым, но успел сменить нрав. Полоскал на линейке знамёна комсомольской и пионерской организации и, раздувая причёски, пытался сорвать с девчонок их белые передники и белые банты. Для первоклашек прозвенел их самый первый в жизни звонок. Потом все разошлись по классам. Классного руководителя спешно вызвали к директору, но ребята сидели поникшие и невесело перекидывались отдельными репликами, которые задевали одну тему и касались их патологической невезучести.

– Что такое не везёт и как с ним бороться? – глубокомысленно изрёк Славик и, немного нахмурившись, ударился в воспоминания. – Вот, помню, «пры Польшчы...»

Смех девчонок – а они всегда первыми реагировали на его шутки – напоминал волну: начавшись с задних парт, достиг доски и немного откатился обратно. Мальчишки ограничились сдержанными улыбками. Славик не ожидал другого: за восемь лет он отточил произнесение этой фразы до того уровня, когда каждый мог додумать сам, что же такого происходило в те времена, когда эти западные районы Белоруссии принадлежали панской Польше. Публика, как правило, не требовала продолжения, довольствуясь смачным, перчёным, произнесением двух последних слов.

При всём уважении и любви к белорусскому языку, для всякого рода розыгрышей он подходил идеально. Взяв за основу это правило и добавив к нему собственного обаяния, равно как и знания человеческой психологии, Славик проявлял незаменимость во многих жизненных ситуациях. Сегодняшний случай заслуживал особого внимания: склонить класс к веселью не удавалось, Славик видел это и уже собирался остановиться на достоинствах прежней жизни более подробно, как вдруг запнулся на полуслове и непонимающе уставился в окно. Его примеру последовали остальные.

Все три окна классной комнаты – и это был ещё один плюс – выходили на основное здание школы и школьный стадион. Сама школа находилась в живописнейшем месте города, на берегу извилистой, заросшей аиром и камышом, речушки. Учебные классы отапливались печами, отсутствовали вода и канализация, но стадион имел те внушительные размеры, которым могли позавидовать именитые учебные заведения областных центров и даже белорусской столицы. И всё это – в непосредственной близости от красивого исторического центра и всех знаковых мест, включая Дом культуры, кинотеатр «Родина» и Дом офицеров.

К новому учебному году школу тщательно выбелили, и ребятам сразу бросилась в глаза внушительная группа парней, что выкатилась из дверей не без прямого вмешательства Марины Александровны, о чём свидетельствовал её взъерошенный вид и активная жестикуляция.

– А-а-а, теперь ясно, зачем дирик нашу Маринку к себе затребовал! Пополнение у нас, други мои! А это вам не хухры-мухры! Вишь, ещё не влились в коллектив, а уже стоят насмерть!

Правота Славика не вызывала сомнений: каждый мог видеть собственными глазами, с какой неохотой новенькие преодолевают каждый шаг на пути к новой жизни.

– Ох, и намучается она с ними, скажу я вам! Ну, бараны будто, загон им, видите ли, не тот. Не по рааангу! Мы – шо, дядроуня, а там – элита, цвет советского общества! Сынки папенькины! Сливки!

Новички, прибывающие в первую школу Подвилья из военных городков, действительно имели другой статус, чем городские отпрыски, которых Славик обозвал обидным словом «дядроуня». Сам из числа вторых, сегодня он опасно балансировал на тонкой грани между шуткой и сарказмом. Правда, делал это беззлобно и тем самым немного скруглял острые углы.

– Да-а-а! – поддержал друга Сергей, – загон у нас хиленький, да и пёс для этой роли явно не тот! – Он рассмеялся и указал в сторону стадиона пальцем. – Видать, исчерпала запас приличных выражений, руками машет!

Класс загудел и бросился искать эпитеты к поведению учительницы.

– Ишь как жестикулирует!

– Вентилятор включила.

– Зовёт на подвиг личным примером.

Легко превзойдя предыдущих ораторов, Славик снова сорвал аплодисменты в виде дружного смеха. Потом все снова уставились в окно.

К тому моменту группа преодолела барьер баскетбольной площадки. Это была ровно треть пути, но сдаваться Марина Александровна даже не думала. Её невысокая, раздавленная вширь, опирающаяся на тонкие и очень короткие ножки, фигура на фоне крепких и высоких парней выглядела комично. Ребята наконец заметили это и мгновенно отреагировали дружным гулом. Кто-то принялся вслух пересчитывать парней по головам. Другие пошли дальше и уже рассаживали их по классу. Особенно усердствовали в этом девочки, которым пришлось по вкусу, что в классе появится столько новых парней.

Заметив это, Славик укоризненно качнул головой и опять нашёл способ перетящить на себя внимание.

– В ход тяжёлая артиллерия пошла. А поза, поза! Одна рука за спиной, вторая чётко указывает в нашу сторону, товарищи! Не ходи к гадалке: изменниками и предателями называет! Не-е-ет, не нас, их!

Класс снова взорвался от смеха. Водился за Мариной Александровной грешок в виде пристрастия ко всяким – исторического рода – оскорблениям. Такое своеобразное осложнение профессиональной болезни, от проявлений которой помогал только смех. Наслаждаясь плодами своего труда, Славик покровительственно улыбался и ждал тишины, чтобы озвучить мысль полностью.

– А вообще, ничего пацаны, школа чувствуется! Короткими перебежками работают. Споёмся, если дойдут. – Он подмигнул Сергею, и тот не отказался внести лепту:

– Этапы большого пути! Вот-вот исчезнут с радаров, – удачно пошутил он, но всё-таки закончил. – Приказываю приготовиться к достойной встрече!

– Нашёлся приказчик!

– Не говори!

– Молчал бы лучше!

Имея количественное преимущество, девочки умело им пользовались, но в данном случае просто убивали время, а заодно – каждая по-своему – укрепляли свой авторитет. Автори-

тет Славика был заслужен и непререкаем. Сергей обиженно махнул рукой и, понутив голову, вернулся на место.

Когда он говорил о радарах, то имел в виду угол школы. Скрывшись за ним, новенькие на время лишили ребят предмета обсуждения, позволив лучшей половине почистить пёрышки, разумеется, немного напоказ и назло мальчишкам. До особых распоряжений Катя и Галя сидели вместе за предпоследней партой, у самого окна. Поэтому лучше других рассмотрели новый контингент. Кроме того успели обменяться мнениями, сойдясь на том, что класс сорвал неплохой куш и может рассчитывать на повышение своего статуса.

Наконец в дверях, один за другим, стали появляться высокие плечистые парни. Тех, что не вышли ростом, они пропустили вперёд, сами, встав стеной, загородили проход.

Пытаясь преодолеть эту живую изгородь, Марина Александровна испробовала несколько щелей и каким-то чудом всё-таки протиснулась в одну из них. Впрочем, лица не уронила и выглядела так, будто собственноручно привела русское войско к победе на Куликовом поле. Само войско больше напоминало пленных и, угрюмо обводя взглядом сидящих в классе ребят, не слишком стремилось к сближению. Оторванные от тех, кого считали своими, здесь они чувствовали себя не слишком уютно.

– Вау! Девять человек! Один лучше другого! Ущипни меня, Катя!

Катя улыбнулась и подняла плечи, пытаясь сдержать дрожь от горячего дыхания Гали, которым она обожгла её ухо и шею.

Тем временем Славик – и не иначе как ввиду совершенно особых обстоятельств – решил облегчить задачу, стоящую перед учительницей.

– Мужики, вы это, не стойте в дверях! Присоединяйтесь! Здесь не так уж плохо, в очереди за пирожками первыми будем! Да и девушки у нас, чего скрывать, са-а-амые замечательные. Индивидуальный заказ, если хорошо присмотреться!

Поднявшись во весь рост ради такого случая, он обвёл класс рукой, будто купец, демонстрирующий свой товар – судя по выражению его лица – богатый. Сказанное им произвело эффект на всех без исключения: девочки покраснели и опустили головы; мальчики, включая богатое пополнение, обменялись улыбками и принялись искать глазами подтверждение его слов.

Выходки Славика для ребят стали некой приправой к основному блюду, порой, лишённому всякого вкуса. Для Марины Александровны – дополнительной проверкой на совместимость с ними. Шуток она не понимала и пресекала на корню всеми способами. Однако сегодня решила проявить благоразумие и обойтись без сцен. И только багровый цвет лица говорил о том, что терпение её на исходе.

– Ну что же вы, мальчики, занимайте свободные места, – не сдавалась Марина Александровна, – будем знакомиться. Сколько можно! В ногах правды нет!

И заискивающая поза, и елеинный голосок вместе с круговым, попеременным движением рук – всё это не слишком вязалось с образом этой женщины и вынудило ребят сверить ощущения.

– Не фига себе! Это точно наша Маринка?

– Обхохочешься!

– Прямо хозяйшка радушная!

Катя отвлеклась на замечание Гали, когда опомнилась, новенькие занимали свободные места. Один из них, с непослушной лвыиной шевелюрой, вдруг оглянулся и посмотрел в их сторону.

– Что это он? – удивилась Галя. Катя пожала плечами. Ещё тогда, когда они с Галей разглядывали новеньких, она заметила, как странно смотрит на неё этот парень. Ей он казался угрюмым и неприветливым, возможно, потому, что опустил голову и смотрел исподло-

бья. Впрочем, как и сейчас. Но сейчас Кате показалось, что это всего лишь способ скрыть любопытство.

– Что вдруг они сдались? – снова спросила Галя, и снова Катя не нашла, что сказать. Ей это тоже казалось странным. Такое упорство, и вдруг столь вялый финал. Все ожидали битвы, настоящего кровопролития. Вместо этого наблюдали Марину Александровну в роли, ей абсолютно несвойственной.

Галя обрадовалась и принялась комментировать.

– Смотри, как она загадочно улыбается! Нет, это ладно! Как гордо запрокидывает голову!

– Причмокивает губами! Заметь, она всегда так делает, когда довольна собой! – добавила Катя и снова поймала на себе взгляд новенького. К счастью, Галя продолжала любоваться учительницей.

– Да-да, довольна, – согласилась она, – видит себя на вершине своего бесценного опыта и педагогического мастерства!

Марина Александровна действительно вдохновилась победой и принялась перечислять вновь прибывших, читая по мятой бумажке, которую, видимо, принесла с собой. Запомнить всех сразу было не так просто, но фамилию Краммер оценил весь класс.

Галя снова наклонилась к Кате и повторила её вслух, наслаждаясь каждым звуком.

– Краммер! Да-а-а, повезло парню с фамилией. Его не Сашкой надо было назвать, а Робертом или Марком. Что-то предки его не подумали!

Катя улыбнулась. Откуда взялось желание встать на защиту новичка, она не понимала, но, тем не менее, сделала это без колебаний.

– А как же Македонский? Это имя не помешало ему завоевать полмира!

– О! Я смотрю, ты уже в адвокаты записалась!

– Да нет, просто вспомнила. К тому же сама знаешь: не имя красит человека, а человек имя.

– Да, но есть и другое мнение, – стояла на своём Галя, – как вы лодку назовёте, так она и поплывёт! Впрочем, фамилия, что надо! Можно не только лодку назвать, корабль!

Что сыграло решающую роль в битве, никто не смог понять. Жизнь, её насущные дела и заботы, почти похоронила эту тайну и вдруг, будто передумав, позволила Кате вернуться к ней. Случилось это гораздо позже, когда родители Александра Краммера переехали в Минск. Катя на тот момент была почти замужем, а их дружба с Сашкой прошла проверку временем и этим, почти свершившимся, фактом.

– Сашка, я никогда в жизни не видела столько фотографий! Думала, ты привираешь и цену набиваешь!

– Цену? Ну, ты сказала! – немного смутился Сашка, но, судя по виду, остался доволен похвалой. – Надо бы в альбомы, сама понимаешь, я даже брался как-то, когда из армии вернулся, потом опять свалил в коробку. Так и лежит всё вперемешку. Школьные где-то на дне.

Он попытался достать до дна рукой, но Катя запротестовала.

– Что ты, Саша, мне страшно интересно! Я же тебя только в 9-ом классе узнала, так что не мешай мне знакомиться с тобой поближе.

– Поближе так поближе! Кто против! Сколько раз я тебя в гости заманивал ещё там, в Подвилье!

– Было дело, каюсь! Но что-то я робела. Сто раз уже вам с Борькой объясняла, что у нас в Подвилье это не очень принято. Теперь совсем другое дело. Мы с тобой, можно сказать, соседи.

– Хоть в одном повезло! – подвёл итог Сашка и снова смутился. Взгляд его, немного встревоженный, зорко следил за руками Кати и вспыхивал чем-то неясным, когда она подолгу рассматривала старые семейные снимки. Один из них, где чета Краммеров запечатлела себя в полном составе, вместе со старшей дочерью, стал для Кати полной неожиданностью. Она не знала, что у Сашки есть сестра. Раз не знала, то побоялась спрашивать и, конечно, уде-

лила этому снимку особое внимание. Однако сам Сашка взял его в руки и, почти не взглянув, бросил поверх других. С той же подчёркнутой небрежностью он поступал с фотографиями, где был заснят мужчина в лётной форме. То, что это его отец, Катя догадалась сразу и нелепо постымя в поведении Сашки не придавала значения. Мир чужой жизни, отличный от собственной и превосходящий её по всем параметрам, был куда важнее для неё, чем какие-то неясные подозрения. Двигало ею любопытство, причём, в самом хорошем смысле этого слова, лишённое предубеждения, зависти или иных дурных чувств. Отказываясь от приглашений бывшего одноклассника, Катя многое потеряла и теперь навёрстывала за все разы.

Основу архива составляли любительские снимки, и львиная их доля отражала армейские будни хозяина этого дома. В них присутствовала какая-то особая энергетика, указывающая на то, что этот серьёзный человек, как и его сослуживцы, очень любит свою работу и, возможно даже, ставит превыше всего в жизни. Найти дело по душе – редкая удача. Прекрасно осознавая это, Катя совершенно открыто – будто видела среди них и своего отца тоже – любовалась всеми этими людьми, избравшими делом своей жизни защищать воздушные рубежи родины. Снимок, где Николай Краммер, честь по чести и во всей амуниции, сидел за штурвалом современного истребителя, она изучила с такой дотошностью, что смогла достичь уровня своей мамы в таком сложном вопросе как наследственность.

– Боже мой, ты же просто копия своего отца! Мне редко приходилось кому-то такое говорить! Да что там, я впервые в жизни смогла это увидеть! До этого думала, люди преувеличивают! Даже моя мама. Она у меня в этой области – специалист! Кстати, очень гордится!

Обычно сдержанная в проявлении чувств, сейчас Катя выплёскивала их на Сашку. Мыслями, правда, витала в том далёком дне, когда сидела за штурвалом такого же самолёта. Сашка тогда находился неподалёку и, обидевшись на какую-то глупость, снимал всё, что придётся, только не свою «звездившуюся» одноклассницу. Сама она совершенно позабыла об этом и вспомнила только здесь, когда наткнулась на снимок. Её немного смущала эта серьёзная сосредоточенность, с какой старший Краммер смотрел в объектив. Могло показаться – совсем не умел улыбаться. Сашку она привыкла видеть заразительно весёлым и именно поэтому не сразу определила сходство между отцом и сыном. Однако чем больше смотрела, тем больше подтверждала свою правоту. Всё чаще и громче в Кате говорила женщина, у которой будут свои дети. На кого они будут похожи, чьи повторят черты и какие именно. Задаваясь этими вопросами, Катя ещё раз обладала фотографию взглядом, но едва оторвалась от неё, буквально обожглась о неприязнь в глазах Сашки.

Странности в его поведении явно указывали на то, что в отношениях отца и сына имелась трещина. Однако в силу определённых причин Катя не стала рассматривать этот вариант, выбрав из них тот, что нравился ей больше. Кроме того укладывался в её мнение о новеньких, для которых хвастать предками было недопустимо. Эту черту в мальчишках она отметила сразу и после шести лет плотного общения с Сашкой вполне могла простить ему один разочек.

И эта современная, обставленная красивой мебелью, квартира, теперь в Минске, и мама, утончённая и элегантная, под стать своему мужу, эффектному военному лётчику – всё это приятно волновало Катю как женщину, которая стояла на пороге собственного замужества. Эмоции снова возобладали над нею и не позволили остановиться вовремя.

– Как же здорово! Теперь я знаю, как ты будешь выглядеть в каких-нибудь тридцать или сорок пять! Сколько лет твоему отцу на этом снимке? Ты же должен помнить! А я думала, люди выделяются, когда говорят: «Копия мамочки! Копия папочки!» – Катя произнесла последнюю фразу и только тогда окончательно осознала свою бестактность. Лицо её вспыхнуло, а во взгляде проступила растерянность.

Глаза Сашки стали отстранёнными и глубокими, словно впитали в себя чернила. Он плотно сомкнул губы и уставился в дальний угол комнаты. Вёл он себя как маленький, оби-

женный ребёнок, и Кате пришлось понять, что её друг тоже имеет причину, по которой любой намёк на сходство с отцом вызывает у него неприятие.

Молчание бывает тихим и бывает таким громким, что лопаются перепонки. Катя иногда поглядывала на Сашку, но не знала, что сказать ему и чем утешить. Разве только поведать свою историю, сорвав пломбу с документа под грифом секретности.

Дверь распахнулась в тот самый момент, когда Катя почти созрела для откровенности. В комнату вплыл поднос со сладостями, а следом – хозяйка, Алла Сергеевна. Лет сорока пяти, изящная и ухоженная, она сначала опустила его на стол и только потом удивлённо вскинула брови и, пристально осмотрев лица обоих, остановилась на сыне.

– Я думаю, ты сам справишься, Саша, у меня ещё масса дел. Так что угощай свою гостью, – сказав это, она перевела взгляд на Катю. – Это «Наполеон», я сама его пеку. Должна признать, не часто, по исключительным случаям. – Последние слова она произнесла мягко и тише предыдущих, но Катя смутилась ещё сильнее и опустила глаза в пол. На Сашку она не смотрела, но чувствовала, что он буравит её взглядом, будто призывая прочувствовать каждое слово, произнесённое своей матерью.

– Спасибо, – сказала Катя и наконец встретилась с ней взглядом. Глаза Аллы Сергеевны улыбались, и Катя тоже улыбнулась ей в ответ. Идя сюда, она поработала над своими комплексами, однако подумать не могла, что ей придётся держать осаду.

– Надеюсь, Катюша, вам понравится. Я очень старалась.

Катя растерянно кивнула. Алла Сергеевна улыбнулась и совершенно бесшумно, как и появилась, исчезла за дверью, оставив после себя облако божественного аромата. Всё ещё не осмеливаясь смотреть на Сашку, Катя проследила за ней взглядом и уткнулась в окно. Любое внимание со стороны стоило ей дополнительных усилий. Однако в данном случае совсем не робость руководила её поведением, а сразу несколько факторов, указывающих на то, что здесь, в этом доме, ей, чужой невесте, дни рождения которой ни разу не отмечались, были рады все, включая эту красивую женщину, которая в честь её визита испекла торт, назвав это «особым случаем»!

Комната утопала в солнечном свете. Ажурное полотно тюля, словно заигрывало с ветром, то устремлялось вслед за ним в приоткрытое окно, то взмывало вверх, подобно парусу, поднимая в воздух целые клубы мельчайших частиц, каждая из которых сверкала и переливалась на солнце подобно драгоценным камням или перламутру. Звонкие детские голоса иногда умолкали, а потом снова взрывались смехом. Внутри у Кати что-то обрывалось в этот момент, но она продолжала блуждать по комнате взглядом, пытаясь придать своему беспомощному виду хоть немного уверенности. Звук льющейся воды, долетев из кухни вместе со звоном посуды, спас её от разоблачения и ненужных объяснений. Сашка выждал ещё минуту, потом сокрушённо вздохнул и взялся за нож.

– Давай я, слоёное тесто такое капризное. А ты пока налей чаю, – предложила Катя и, движимая желанием разрядить обстановку, быстро сменила тему. – А знаешь, у тебя очень красивая мама и о-о-очень молодая! Поверить не могу, что она уже бабушка!

Сашка оживился и с трудом усидел в кресле, не пожалев укора ни взгляду, ни голосу.

– Между прочим, я похож именно на маму!

– Ах, извините, ваше высочество, как я могла перепутать! Простите мне мою оплошность! – быстро нашлась Катя и тотчас закрепила результат смехом. Но вряд ли он был счастливым. Она тоже хотела быть похожей на свою маму, но причины для этого имела очень веские.

Торт превзошёл все самые смелые ожидания. Сашка сумел уговорить Катю на второй кусочек и сам налегал на сладости, напомнив ей один эпизод из прошлого, дома у Бориса Окишина, когда она отказалась от абрикосового варенья и конфет. Им с тех пор не приходилось говорить об этом, но она почему-то сохраняла уверенность в том, что оба её друга помнили о её странном поведении. Странном – даже для неё самой и требующем осмысления. В случае

Кати – отложенном на много лет. Но была ли она единственным странным экземпляром в сообществе, якобы разумных, людей? Что двигало их поступками? Почему они чаще всего поступали себе во вред?

– Может, ещё? – Хитро прищурившись, Сашка изучал лицо своей гостьи и, между делом, кивал в сторону торта, красноречиво поигрывая ножом. Катя рассмеялась.

– Если только с собой. Но это будет совсем наглость. Мы с тобой и так половину торта уговорили.

– Приговорили! Так любит говаривать наш любезный друг Борька. Ну, ладно, если что, только маякни. Я мигом. А пока – уберусь, чтоб не мешало.

– Тебе помочь?

– Нет, – поспешно отказался Сашка, – сам справлюсь. На кухне тихо, значит, мама читает. Не будем её тревожить.

Он деловито собрал посуду на поднос и вышел. Кате всё больше нравился этот дом. В нём не было кричащего недостатка Окишиных, зато угадывался определённый, импонирующий Кате как женщине, уклад, где мужчина выступает кормильцем, женщина – хранительницей очага. Но свой скелет, судя по всему, имелся в каждом доме.

Спустя минуту Сашка уселся в кресло и вернулся к изучению архива, который наконец учёл пожелания хозяина и перестал быть семейным. Снимки лежали вперемешку и всё-таки позволяли сделать вывод, что их пытались разложить по датам, пусть даже не очень соблюдали хронологию.

– Жалко, от выпускного всего две общие фотографии, да и то в верхней одежде. Я успела забыть, что к концу июня похолодало.

Сашка улыбнулся.

– Значит, давно не заглядывала в школьный альбом.

– А у меня его нет, – ответила Катя, хотела добавить, что всё это у неё в планах на новую семейную жизнь, но вовремя остановилась. – Фотки в коробке от босоножек, которые на выпускной покупали.

– А коробка на антресолях?

– Не угадал, коробка в шкафу, у родителей. Но я давно туда не заглядывала. Каюсь. Одной как-то не интересно. Нужна компания.

– Стопудово! Смотри, – он протянул Кате снимок, на котором Борис со Светой, оба страшно смущённые, застыли на фоне школьной доски, где кто-то написал дату «24 мая», увековечив этот день 1980 года. – Предприимчивый наш! Захапал банку с тюльпанами и сфоткался со всеми девчонками по очереди. Я, помню, заманался потом фотки лепить! Тебе давал?

– Конечно. Я помню, как мы фотографировались в тот день. А вот фотки не все видела. Боже мой!.. Все такие смешные... Счастливые...

Наслаждаясь снимками серии «последний звонок», Катя говорила медленно и также медленно перебирала их руками. Сашка порой бросал на неё взгляд, но не прекращал поисков и, как только находил что-то стоящее, непременно подпрыгивал в кресле и разъезжался в счастливой улыбке.

– Вот, держи. Ты с Борькой! Думал, пропала. Помню, что не одну делал. Точно есть у тебя?

– Есть, – подтвердила Катя и смутила его внимательным взглядом.

– Как вчера было! Скажи?

– Вчера? – не согласилась она и, взяв фотографию в руки, тяжело вздохнула. – У меня ощущение, будто прошло сто лет.

– Да ладно! Четыре года всего! – не согласился Сашка и понимающе улыбнулся. – Просто столько событий. Вот и кажется, что долго.

– Думаешь? – погрузнев, спросила Катя и не стала вступать в дебаты. В чём-то, к тому же, он был прав. За четыре года произошло столько событий, что жизнь, можно сказать, перевернулась с ног на голову. Кто б тогда мог подумать, что Краммеры будут жить в Минске, а сама она выберет в мужа человека, которого на тот момент едва знала. Сердце её в ту пору принадлежало другому. Во всяком случае, тогда она считала именно так. И это была лишь малая часть изменений, которые произошли с ними за этот, как говорилось на съездах партии, отчётный период. Теперь они даже улыбались иначе – глазами, и всё реже испытывали желание отдаться безудержному веселью безо всякой на то причины. Не исключено, что к возрасту Марины Александровны тоже научатся брызжать и впадать в ярость при виде смеющихся молодых людей.

Размышления едва не довели Катю до слёз. Шесть лет пронеслись как миг, на бешеной скорости. Осталось несколько шрамов на сердце и кучка фотографий. Но память всё более тщательно подтирала подробности, словно давала понять, что не стоит пренебрегать ведением дневника и такими тёплыми встречами.

Сашка разглядывал следующий экспонат, потом протянул Кате. В такие моменты он непременно изучал её лицо, и, чтобы скрыть истинные чувства, она решила прибегнуть к хитрости.

– Не помню, что мы тогда праздновали?

– Ну, как же, Кать, это же 23 февраля в 9-ом! – окатив её недоверием, бросился пояснять он. – Вы нам тогда такой сюрприз закатали, я до сих пор тащусь! Как ты классно хиты «АББы» переделала, офонареть просто! Про школу! Неужели забыла?

– Да нет, припоминаю что-то, – не стала отказываться Катя, но не изменила себе и плеснула в бочку с мёдом немного дёгтя. – Такая фигня, по-моему. До сих пор стыдно. Даже по фотке видно. Видишь, я даже голову опустила.

– Вечно ты так! – огорчился Сашка и с усердием, которого в этом вопросе не имел себе равных, принялся воспитывать бывшую одноклассницу. – Чего стыдно? Классно же получилось! Вон, до сих пор забыть не могу! Нет, ну всё у человека есть: ум, слух, голос, – он хотел ещё что-то сказать, но не осмелился, – а она всё – фигня, да фигня! – В конце махнул рукой и так посмотрел на Катю, что ей действительно стало стыдно.

– Ну, хочешь, напою немного, – согласилась она и запела. – Вот прозвенел звонок, и начался урок! А-а-а! Учитель входит в класс, приветствует он нас. А-а-а! Но никто-о-о с ним не хочет здороваться да-а-а. Это всё-ё, что я помню, прости меня, Са-аша!

Сашка смутился и сразу обрадовался.

– Ну, что я говорил, круто! Это ты прямо сейчас придумала? Ну, ты даёшь! Слов нет.

– Да ладно! Банальные рифмы для первоклассников.

– Ты неисправима, Катька, – снова махнул рукой он и тотчас взял в руки ещё один снимок. – О! Это тоже девятый, только восьмое марта. Помнишь, у нас потом танцы были!

– Помню! – обрадовалась Катя, – Марина рыскала между танцующими парами и проверяла дистанцию.

– Да-да, так и было. Видимо, боялась, что кто-то из девочек, ну, это, – Сашка не договорил и, смутившись этого смелого вывода, снова указал на фотографию. – В этой шляпе, кстати, все тогда перефоткались. А ты даже примерить отказалась!

– Что, кроме шуток? – удивилась Катя и, на этот раз, ни капли не солгала. – Не помню, хоть убей, не помню. Зря это я. Классная же шляпа!

– А я о чём! Я тебя так уговаривал, можно сказать, на колени встал!

Катю не столько смутило это признание, сколько взгляд Сашки, который он устремил на неё. Она опустила глаза вниз и вдруг застыла. Сашка тоже притих, и что-то помешало ей задать вопрос сразу.

Наконец любопытство одержало верх.

– Боже мой, Саш, это же я! Этого не может быть! Откуда у тебя моя фотография?

Катя долго изучала находку глазами, когда подняла, Сашка смотрел на неё в упор и, кажется, был даже немного рад случаю, позволяющему облегчить душу.

– Сам снимал. Мне просто грузинка очень понравилась, – грустно усмехнувшись, признался он, – вот я её и сфоткал.

На этот раз его откровенность далась Кате с таким трудом, что полностью обезоружила. Сашка, напротив, даже не думал отводить глаз и, судя по этому прямому взгляду, был полон решимости открыть все карты.

Это как раз и пугало Катю, заставляя искать способ, чтобы сменить тему. В голову не приходило ничего дельного. Перед глазами стоял тот тёплый и солнечный майский день, когда советская пионерия праздновала день рождения своей организации. По этому случаю на площади выстроили подмостки, и в числе других ребят из танцевального кружка Дома пионеров Катя участвовала в постановке «Пятнадцать республик пятнадцать сестёр», где она действительно танцевала грузинский танец. Сам танец она освоила сразу: по замыслу хореографа от неё требовалось встать на цыпочки и, кружась по сцене, делать плавные движения руками. Сложность представлял парик, выданный для создания образа. Тяжёлый, с двумя толстенными косами, он не подходил по размеру и ездил по голове во все стороны. Кроме того Катю совсем не украсил. Увидев себя в зеркале, она с трудом согласилась выйти на сцену. И, вероятно, вслед этим детским ощущениям отказывалась поверить в то, что мальчишка двенадцати лет – а им в ту пору было именно двенадцать – так проникся её красотой, что даже сфотографировал!

– Не помню, что это был за праздник? – не зная, что ещё придумать, спросила Катя и покраснела. Попытка умолчать больной вопрос была неуклюжей и провалилась с треском.

Сашка разочарованно махнул рукой и бросил поникшим голосом:

– Да фиг его знает!

И снова комната наполнилась той громкой тишиной, нарушить которую не так-то просто. Слова застревали в горле, как пули, не подходящие по калибру, а потом взрывались где-то внутри, рядом с сердцем. Оно бешено качало кровь, стучало в висках, ломало рёбра. Вряд ли для Кати было новостью, что она нравится своему бывшему однокласснику, но лишь здесь и сейчас она получила возможность понять, что это чувство гораздо серьёзнее, чем она привыкла думать. Привыкла! И о, ужас! – вряд ли по-настоящему и всерьёз задумывалась над тем, что кроется за всеми его поступками, включая эту беспримерную преданность. За девять месяцев в Минске и почти год после армии он пальцем не пошевелил, чтобы наладить личную жизнь!

Катя смотрела на Сашку, не отводя глаз, и попросту умирала от страха, что может потерять его как друга или – того хуже, испортить ему жизнь. Что сказать, когда сказать нечего! Она проглотила ком и выдохнула первое, что пришло на ум:

– Ты мне подаришь? – потом, в доказательство своих чувств, прижала находку к сердцу.

Сашка мотнул головой и, что-то обдумав, придал взгляду жёсткости.

– Нет! – категорично отрезал он и уже более мягко поправил себя. – Потом!

Не посмеяв послушаться, Катя тотчас же протянула снимок обратно. Сашка забрал его и, глядя сквозь неё, скрыл у себя между ладонями. Каждый, кто был знаком с ним, знал эту особенность его пальцев, умеющих выгибаться в обратную сторону едва ли не под прямым углом. Сейчас он тоже сжал ладони и повторил этот фокус, но сам, казалось, находился совсем не здесь, иначе бы точно не стал пугать её этой своей отстранённостью. Хотя, уже неплохо зная своего друга, Катя могла сделать вывод, что, избегая смотреть на неё, он просто готовится сказать нечто необыкновенно важное.

Наконец во взгляде Сашки проступила решимость. Потом он упёрся глазами в дальний угол комнаты и неожиданно вернулся в прошлое.

– Кать, а ты помнишь, как нас Марина затащила к вам в класс? Ну, тогда, 1-го сентября? – Сашка умолк на мгновение и, переведя взгляд на Катю, сделал выражение глаз внимательным

и серьёзным, казалось, изучал её и одновременно готовил к чему-то, гораздо более важному, чем эта странная находка в его архиве.

Катя прекрасно помнила этот день, однако при всём желании не могла найти связи между двумя этими разрозненными событиями и смотрела на Сашку тем взглядом, который это полностью подтверждал.

Он дал ей время и сам ответил:

– Я, в общем, как тебя увидел, сразу узнал!

Связь появилась и тотчас разрушилась нахлынувшим удивлением.

– Да ты что, Сашка! Как же я себя ненавидела в этом парике! Ты бы знал, чего мне стоило выйти в нём на сцену и не где-нибудь, а на площади! Я и так себе не нравилась, а в этом парике!..

– Да ты глупая, Катька, ничего не понимаешь! – в сердцах высказался Сашка, прервав не относящиеся к делу, подробности и тут же выпалил, – мы ведь из-за тебя тогда остались!

Теперь он смотрел на Катю в упор.

– Да ну тебя! – отмахнулась она и сразу почувствовала, как запылали щёки.

– Я тебе клянусь!

Сашка ударил себя кулаком в грудь и, пробуравив взглядом лицо Кати, не оставил ей выбора. Она, словно видела его впервые или, наконец, сумела взглянуть другими глазами – и то, и другое было правдой – обратив внимание на то, какой монументальной мужественностью отличалось его лицо. И теперь, побывав у Краммеров, вряд ли могла согласиться с его желанием быть похожим на свою мать. Он даже слишком напоминал своего отца, особенно в такие моменты как этот.

Вряд ли осыпая Катю приглашениями, он задумывал эту ловушку. Не таким человеком был Сашка Краммер, иначе бы давно использовал этот козырь для достижения желанной цели. И будь смелей и напористей ещё тогда – в девятом классе – кто знал, как всё могло сложиться. Пути господни неисповедимы. Всё получилось случайно: и этот снимок, и эта встреча, сделавшая их одноклассниками, и этот удивительный день, который так многое открыл. Лучше было ничего не знать. Легче, во всяком случае. Катя сполна осознавала это. Потому невольно задетые ею чувства Сашки обжигали её сердце жалостью. И понимая как это мало, она стыдилась смотреть ему в глаза.

2

Арифметика Подвилья не отличалась сложностью: две средние школы, две восьмилетки, и обе в военных городках, примыкающих к городу, школа-интернат и интернат для детей, которые приезжали из школ сельской местности. Последние – становились учениками второй школы, а первая – пополнялась детьми военнослужащих, которые вливались в школьный коллектив целыми классами, разумеется, согласно количеству посадочных мест. Классов становилось пять, а излишки распределялись по «аборигенам». Так, класс Кати, где до этого большинство составляли девочки, приобрёл недостающей солидности, а вместе с нею – неплохой шанс вырваться из отстающих и повысить статус своей, не лишённой амбиций, учительницы.

Стиль руководства в данном коллективе Марина Александровна выработала давно и, вероятно, так уверовала в свою исключительность, что с появлением новеньких даже не стала делать поправок и уж тем более менять методов. Почему-то именно с этого момента ошибки в её поведении стали очень бросаться в глаза. Конфликтные ситуации созревали всё чаще, часто – безо всякой на то причины и, разумеется, инициировались Мариной Александровной. До этого в этом тихом болоте – а Катя иначе не называла свой класс – имелась только одна существенная причина, позволявшая Марине Александровне проявить себя и свои ораторские способности в полной мере. И причиной этой была Ира.

В этом регионе страны мирно сосуществовали католики и православные. Костёл закрыли сразу, ещё в 1939-ом, когда эта часть нынешней Белоруссии вошла в состав Советской России. Его повреждённая колокольня по-прежнему напоминала о войне. Правда, крышу всё же отремонтировали, а само здание передали в ведение завода по производству радиокомпонентов, который приспособил его под склад готовой продукции. Люди считали это благом. Храм под крышей разрушался не так быстро, и они не теряли надежды, что когда-нибудь он будет отреставрирован и открыт для прихожан. Церкви повезло больше. Она не переставала действовать даже во время оккупации и, как и положено храму, занимала почётное место в центре города. Разделённые руслом реки, оба храма, каждый по-своему, служили его украшением и олицетворяли собой два разных взгляда на веру в одного бога. Уровень веры в советском обществе не оставлял ничего другого, как держать при себе свои религиозные чувства. К богу шли в отчаянии, как к последней инстанции, когда оказывались наедине со своим горем. Однако традиции соблюдали: к пасхе – красили яйца, пекли куличи, на рождество обязательно готовили что-нибудь вкусное, молились украдкой от детей и не запрещали им быть активными ленинцами. Ира оказалась единственной в классе, кому это запретили родители.

Присутствие в классе такого ребёнка не разделило его на два лагеря. Ира не стала изгоем, с ней дружили, но стоило Марине Александровне начать судилище, делали выбор в пользу невмешательства. Безоговорочно доверяя авторитету учительницы, который для них по определению не мог быть плохим, дети не осмеливались проявлять несогласие, а потом так привыкли, что не заметили, как из зрителей превратились в соучастников грязного ритуала.

Сценарий этого ритуала был отлажен, как часовой механизм: едва начав урок, Марина Александровна делала взгляд усталым и, поблуждая по классу, останавливалась на Ирине. Глаза её, и без того крохотные, превращались в крысиные, а выражение лица становилось хищным и уродливым, преображая до неузнаваемости.

Права Иры нарушались с преступной регулярностью на протяжении многих лет. Ира научилась быть незаметной. Лишь вздрагивала, когда Марина Александровна называла её фамилию или останавливалась на ней пристальный взгляд.

В тот памятный день всё начиналось именно так.

– Антух, встань! – скомандовала Марина Александровна и тотчас поменяла выражение глаз, сделав непримиримым. За пару минут она настолько вжилась в роль, что, казалось, действительно видела перед собой классового врага, с которым пришло время покончить.

Годы унижений не прошли зря, Ирина тоже выработала стиль поведения: услышав свою фамилию – а учительница избегала называть Иру по имени – поднялась, не слишком охотно, и, придав сочувствия взгляду, приготовилась проглотить упрёки в свой адрес. Те посыпались сразу, как только в классе установилась тишина.

– Сколько это будет продолжаться? До каких пор ты собираешься тянуть нас назад? Ты как удавка на шее у нашего коллектива!

Голос учительницы иногда срывался на крик, и тогда был особенно неприятным. Её глаза покраснели, очки запотели, и она сняла их и принялась протирать платком. Между делом кидалась взглядами в класс, будто призывая своих учеников поддержать её в этом благом деле.

Для тех, кто видел это с самого детства, это были несколько неприятных минут, подобных страшному сну, о котором хотелось забыть сразу. Встречая на себе взгляд учительницы, ребята опускали головы. Кто-то сразу поступил так и теперь сидел, уперев глаза в пол. Всё это, включая молчание Иры в ответ на громкие обвинения, и были те самые слагаемые, после которых Марина Александровна делала длинную паузу и возвращалась к своим обязанностям. Раба своей привычки, она даже мысли не допускала, что кто-то может иметь другое мнение. И как только уловила обеспокоенный шёпот, всколыхнувший задние парты, где обосновались новенькие, горделиво вскинула крошечную головку с остатками химической завивки на редких волосах и дала развёрнутый ответ:

– Религия – дурман, опиум для народа, а я устала это повторять!

Она была почти удовлетворена и, развернувшись, направилась к своему столу, когда её настиг голос Игоря.

– А мы живём в свободной стране, и каждый в ней волен сам выбирать, в какого ему верить бога! Не может быть, чтоб вы, учитель истории, не знали об этом!

Подняв себя с места, Игорь даже не подумал смягчать взгляд и смотрел так, будто видел перед собой нечто не просто неприятное, а омерзительное. Был он невысок ростом, но компенсировал этот свой недостаток острым, пытливым умом, а также невозмутимостью и хладнокровием в высказывании суждений. Сейчас был как раз такой случай и, видимо, по этому случаю его карие и тёплые, как спелые вишни, глаза не притягивали, как обычно, а излучали презрение. И таким же презрением пылал взгляд Юры, который потому и остался сидеть на месте, что был выше своего друга на целую голову. Полная его противоположность – худенький и даже немного сутулый, со светлыми прямыми волосами до плеч и глазами небесно-голубого цвета, он производил впечатление замкнутого от природы человека, сосредоточенного на собственных ощущениях. Витая где-то, в лишь ему одному известных мирах, от этого мира он иногда отгораживался загадочной улыбкой. Сейчас Юра находился здесь, рядом со своим другом, и его улыбка была красноречива как никогда.

Класс поддержал Игоря одобрительным гулом, и это было настолько против установившихся правил, что Марина Александровна опешила, но тотчас отыскала смельчака глазами и, вооружив их очками, прошипела:

– Что ты сказал?

Борис, тоже из новеньких, не стал дожидаться, когда унижат Игоря, и ответил раньше, чем поднялся.

– Он сказал, что согласно конституции советской страны, у нас свобода вероисповедания.

Потом придал лицу то насмешливое выражение, которое нередко выбирал при общении с этой учительницей.

Ситуация вышла из-под контроля. Начав нервничать, Марина Александровна немного замешкалась с очками. Но только успела сосредоточить взгляд на персоне Бориса, как встал Сашка.

– Да и вообще непонятно, чем это девушка виновата! Нехорошо как-то маленьких обижать, – миролюбиво заметил он и посмотрел на Ирину.

Всё это время Ирина стояла поникшая, опустив плечи и не решаясь поднять глаз, но после этих слов вскинула на ребят благодарный взгляд и опустилась на стул. В глазах её дрожали слёзы, впервые за годы унижений, но она не прятала их больше, уже поняла, что не одинока.

Класс замер. Все ждали, как поведёт себя учительница. Уже успев привыкнуть к беспрекословному подчинению своей воле, Марина Александровна тоже ждала чего-то. Во всяком случае, оставалась всё в той же высокомерной позе, скользя глазами по головам. Но, видимо, так и не найдя способа, чтобы покончить с этой неприятностью, прикрепила карту к доске и ровным, спокойным голосом объявила тему урока. Правда, скрыть огорчения не могла, обнаруживая его всякий раз, как только обращала лицо к классу.

Остаток урока прошёл, будто во сне. Голос учительницы тонул в этой непривычной тишине, а слова отскакивали от ребят, как резиновые пули. Сегодня читать по лицам было легко, как никогда и как никогда стыдно оглядываться назад, выискивая и выковыривая из памяти дни, когда Ира оставалась один на один с ненавистью Марины Александровны. Урок истории, наконец, заслужил того, чтобы войти в историю. И только неопытность не позволяла этим мальчишкам и девчонкам сделать пометку в календаре, настолько никто из них не верил, что вмешательство новеньких положило конец этому преступлению. И, тем не менее, это было именно так.

Для самих новеньких это было не просто нормальное проявление чувств, это был способ существования, который не позволял им другого поведения. Единодушные в своих благородных порывах, они не нуждались в лидерах и не рвались в них. Именно это показал их поступок, слишком другой, слишком честный и слишком отличающийся от того, что приходилось видеть до этого.

После этого урока Катя назвала их инопланетянами, разумеется, скрыв ото всех и имея в виду не просто другой разум, а более развитую цивилизацию. В тот день не только Ирина обрела свободу, её получил весь 9 «В».

3

Бутерброд застревал в горле. Катя усилием воли проталкивала его внутрь и старательно делала вид, что не понимает отцовских шуток. Но отца это только подхлёстывало, и он сам шутил и сам смеялся, злорадно, иначе, кажется, уже не умел.

Приход в класс новеньких привнёс с собой много изменений к лучшему, но вместе с тем высветил недостатки, с которыми Кате и многим её одноклассникам местного происхождения приходилось мириться.

Трудность жизни суживает кругозор. Человек замыкается на проблемах и либо уходит в пьянство, либо в агрессию в отношении близких. Павел Шкловский, трудолюбивый и ответственный в работе, не пьющий и не курящий, выбрал второй вариант.

– Так, говоришь, и палатки, и спальные мешки, и всё остальное эти ваши вояки подогнали. Для них это раз плюнуть. Для них всё раз плюнуть!

Отец начал заводиться. Отвечать ему Катя не рискнула, но этим лишь подлила масла в огонь.

– Мешки, поди-ка, большие, на двоих! – грубо и отрывисто бросил он и снова рассмеялся. Глаза остались колючими и пытали её на предмет ответной реакции. Следуя маминым советам, Катя сохраняла невозмутимость, лишь взглянула на дверь и сразу пожалела об этом.

– Защитница твоя раньше девяти не появится! Говорил я ей, добром это не кончится! Это только цветочки! Помнит меня, когда ягодки пойдут!

По лицу отца разлилось грязное самодовольство, какое бывает у человека, получившего полное подтверждение своей правоты. В этом он на целую голову превосходил Марину Александровну. Она тоже обожала предсказывать события, а потом торопить их по своему усмотрению. Делать грязных намёков ей не полагалось по должности, но на взгляды она не скупилась и щедро сдабривала ими воспитательный процесс.

Поход, и не просто поход, а полноценный поход с ночёвкой, который она пообещала классу, уступив родителям новеньких, стал мощным раздражителем для её неуравновешенной психики. Катин отец узнал о нём два дня назад и с той поры только и делал, что уничтожал собственный авторитет родителя. Регулярно получая благодарности за воспитание дочери, он понятия не имел, в каком классе она учится. К школе за девять лет не подошёл на пушечный выстрел. Но, наблюдая общность взглядов на жизнь и на современную молодёжь в частности, Катя порой подозревала этих людей в подлом сговоре.

Второй бутерброд, так и не сумев осилить свой завтрак, Катя завернула в бумагу и засунула в походный рюкзак. Она видела, что отец сверлит её взглядом, но оглядела себя в зеркале со всех сторон и, улыбнувшись своему отражению, вышла за дверь с улыбкой на губах. Слезы брызнули из глаз позже, когда стало понятно, что улица пуста.

Нет, Катя не обижалась, скорее, пребывала в острой фазе недоумения, совершенно искренне не понимая, как выжить в этой агрессивной среде, а главное – как оставить маму на этого человека, который с годами становился только злее. А эти его шутки! С чего он говорил такие обидные вещи! На каком основании? Почему во всём и всегда видел только плохое?

На самом деле, парни интересовали Катю постольку, поскольку сами проявляли к ней интерес, и до прихода новеньких виделись ей недоумками. Она сама удивилась, как легко сблизилась с Сашкой и Борькой Окишиным. Это были два друга «не разлей вода», и Катя обрадовалась и не слишком удивилась, когда, свернув в переулок, ведущий к школе, увидела их бегущими ей навстречу.

Слезы к тому времени успели высохнуть, но на всякий случай она протёрла глаза руками и улыбнулась как можно более беззаботно.

– Ты позже не могла?

– Мы уже все глаза проглядели! – хором начали мальчишки и рассмеялись, смущённые единодушием, которое в данном случае лишь подтверждало правило.

– И вам здравствуйте!

– Намёк понят! – Хихикнув, Борис толкнул Сашку в бок локтем, потом приложил руку к груди и склонил голову в поклоне. – Здравствуйте, Катерина Павловна.

Катя поморщилась. Собственное отчество после всего услышанного резануло слух острой бритвой. Катериной Надеждовной, по имени мамы, нравилось ей куда больше. Жаль, закон в этом вопросе стоял на стороне отцов. А вот фамилию – Катя узнала об этом совершенно случайно – разрешалось придумать и поменять при получении паспорта. Она, тайком от всех, всё чаще подумывала о том, чтоб взять мамину.

– Можно без отчества, просто Катя! И вообще, хватит меня доставать! А что там, все собрались?

– Не так чтоб, но Марина уже бьёт копытом! – рассмеялся Борис. – Инструктировать желают!

– А-а-а! – меня уже дома так наинструктировали, что ехать расхотелось! – в сердцах высказалась Катя и, смутившись своих слов, поменяла тему. – Как с погодой, вы говорили, что на аэродроме метеослужба есть?

– Ясен пень есть! – обрадовавшись, что может быть полезен, ответил Борис и добавил недостающих подробностей. – Нормалёк с погодой, батя вчера доложил. Фортуна на нашей стороне. Дадю не буде!

Катя поощрила его счастливой улыбкой, такой и предстала перед взглядом Марины Александровны, которым та осмотрела с ног до головы всю троицу.

Выглядели они забавно: Катя вырядилась в брюки-клёш, доставшиеся ей от двоюродной сестры Зойки, в отцовскую мастерку от старого, местами поеденного молью, спортивного костюма, волосы – чтоб не лезли в лицо – перехватила в два хвостика. Ещё дома заметила, что один из них всё время съезжает вниз, делая похожей на Пеппи Длинный Чулок, и вспомнила об этом только сейчас, под пристальным взглядом учительницы.

Борис, намытый и надушенный, выглядел как модель с обложки модного журнала, явился в поход в отутюженных брюках и вполне ещё приличном джемпере. Длинные и прямые, до плеч, волосы цвета спелой пшеницы переливались на солнце. Непослушная, коротко подстриженная, чёлка стояла хохолком. Смешливый по природе, он за что-то был наказан двумя центральными резцами, выросшими под углом друг к другу, и в надежде скрыть это ограничивал себя смешками. Зато давал полную свободу шикарным карим глазам, которые всегда смеялись.

Улыбка Сашки могла претендовать на звание безукоризненной, и он не имел привычки сдерживать порывы: если смеялся – до слёз, и тогда его голубые глаза бросали вызов самому небу. Давно не стриженный, сегодня он не мог дать сладу с причёской. Видимо, вымытые перед самым выходом из дома, волосы, не помещались на голове и стояли дыбом по всей её окружности. Глядя на это, Катя наконец-то поверила рассказам о том, что, вымыв голову, Сашка спит в шапке.

Класс собрался почти полностью, не хватало пары человек, и своим нетерпением Марина Александровна действительно напоминала лошадёнку, которая стояла с упряжью и торопилась отправиться в путь. Грузёный всем необходимым, ГАЗ-53, знакомый парням по урокам вождения, время от времени всхлипывал от какого-то странного звука. Водитель, не покидая кабины, иногда прислушивался к нему и нервно курил прямо в открытую дверь. Игорь, Юра и ещё несколько парней – а новенькие прибыли сюда на этом транспортном средстве – остались сидеть в кузове. Остальные, разбившись на небольшие группы, обменивались мнениями относительно предстоящего путешествия и дожидались команды.

Катя направилась к девочкам, но Леночка Тишко выбежала ей навстречу и отвела в сторону.

– Кать, мне прям не верится! До конца думала, что она найдёт к чему прицепиться, так и пасла нас всех весь месяц!

Лена ничуть не преувеличила: весь май Марина Александровна изводила ребят придирами. Между делом твердила, что куда лучше пройти, как не раз бывало, по местам боевой славы, ограничившись одним днём и бутербродами!

– Это точно, зато все свои хвосты подтянули. Мы, правда, опять на третьем месте по успеваемости, но из пяти классов! А это не одно и то же!

Говоря об этом, Катя наблюдала за Галей, которая заметила её и упорно делала вид, что не видит.

– Повезло нам с пацанами, скажи? И нос не задирают, как некоторые! – явно не просто так сказала Лена и, обдумав что-то, обняла Катю за шею. – До чего же я всех люблю! Ты сегодня такая классная с этими хвостиками. А Сашка так вообще обхохочешься! Так и поверишь, что в шапке спит. Но я бы с ним поменялась! И почему такая несправедливость, а?

– Та-а-к, инструктаж проведём на месте! – придав своему тонкому голосу необходимой зычности, оборвала все разговоры Марина Александровна, потом вскочила на подножку грузовика и, глядя на всех сверху вниз, прошлась по недостаткам. – Безобразие! Так я и знала! Сказано же было, не опаздывать! Не-е-ет, у нашего Степаненко, будто семеро по лавкам, – всегда последний!

Шутку учительницы оценил только сам Степаненко. Остальные, толкаясь локтями, бросились к машине.

– Эх! Опоздала наша Маринка родиться. Ей бы броневик, такой талант пропадает! – покосившись в сторону учительницы, пошутила Лена и, запрыгнув на колесо, ловко перемахнула через борт. Катя последовала её примеру и, оказавшись в кузове, не смогла скрыть удивления комфортностью предстоящей поездки. Лена заметила это и улыбнулась.

– Кто, интересно, такой умный – новенькие или их предки? Надо же, как всё продумано: посуда у заднего борта, а в кузове удобнее, чем дома на диване.

– Вот-вот, а главное – родители дома остались!

– Ещё б Маринку сплавить по дороге!

– Кто-нибудь знает, куда едем?

– А какая разница? Главное, едем!

Обмениваясь репликами, ребята на всякий случай сдерживали смех и разговаривали полужёпотом, но Марина Александровна, будто чувствовала, что речь идёт о ней, и, поворачиваясь всем телом, напускала на себя важности и гасила взглядом возможные очаги воспаления беспричинной радости.

Наконец машина заскрежетала коробкой переключения скоростей и поплыла в сторону улицы. По кузову прокатился вздох облегчения, который на первом же перекрёстке перерос в удивлённый гул.

– Куда это мы? А как же дедушка Ленин?

– Ты, Ленка, ещё про оркестр спроси! – возмущённо осадил Лену Славик и добавил, уже более благодушно, – прямых путей к счастью не бывает. То-о-олько окольные!

– Нашёлся знаток! – не осталась в долгу Лена. – Скажи лучше, провидец, прямо поедем на Красноармейской или повернём?

– А хоть бы и повернём! Все пути из этого города, если кто не знает, ведут к озеру! А уж имя ему мы сами придумаем. Или слабо?

Славик ничуть не преувеличил: количество и красота озёр в окрестностях Подвилья дарила необозримый простор для фантазии. Три довольно крупных водоёма вошли даже в черту города, а сам он утопал в зелени садов и парков. Река, извиваясь змеей, делила его пополам и без громкого имени славилась на всю округу нерестилищем самого настоящего атлантического угря, который для местных жителей был единственным доступным деликатесом.

Обычно более благоразумные, сегодня именно девочки проявляли активность, но не угадали: притормозив перед перекрёстком, машина проехала прямо и оказалась в той части города, которая считалась вотчиной второй школы. Бывать здесь Кате не доводилось, и водитель, будто учитывал это: ехал медленно, давая возможность рассмотреть деревянные коробки домов с тихими, уютными двориками, а также хозяев, которые возились в огородах. Выпавшие накануне осадки способствовали стремительному росту сорняков. Катя видела это по своему огороду, как понимала, что утро – лучшее время для огородных работ. Кто ещё поможет маме, если не она! Солнце, большое, тёплое, как блин со сковородки, поднималось всё выше, иногда прыгало по крышам домов и, казалось, преследовало машину, пытаясь обогнать и первым достичь конечной точки путешествия.

Девчонок вдруг потянуло на песни. Мальчишки к этому времени впали в спячку и взбодрились только тогда, когда машина съехала на просёлочную дорогу, а оттуда в лес.

Это случилось практически сразу, как закончился город. Лесную дорогу давно не чистили, и ветки деревьев, а также кустарников цеплялись за борта, били по кабине, по головам. Из соображений безопасности ребята спустились вниз, на самое дно кузова, и переглядывались, как заговорщики. И такими же заговорщиками выглядели деревья, которые местами так тесно переплелись кронами, что практически не пропускали солнечный свет. Дорога петляла в зарослях. Машина продвигалась медленно, рывками, спотыкаясь на рытвинах ещё не просохших после дождей. Наконец поддала газу и спустя минуту выскочила из мрака леса на залитую солнцем поляну.

Кузов опустел раньше, чем водитель заглушил двигатель. Громкие голоса. Смех. Суета. Катя не спешила спускаться со своего пьедестала и, озираясь по сторонам, пыталась понять, каким образом рядом с городом, а весь путь до этого места занял чуть больше получаса, уцелел этот райский уголок живой природы.

– Ад пуст, все черти здесь! – Прервав участие в общем веселье, заглушившем счастливые птичьи голоса, Борис подскочил к машине и быстро забрался на колесо с тем удивлённым видом, будто ожидал увидеть в кузове кого-то, кроме своей одноклассницы. – А ты с водилой, обратно? А зря, местечко что надо, зачётное!

Пока Катя собиралась с мыслями, чтобы ответить, Борис предусмотрительно метнулся в сторону и помог Марине Александровне выйти из машины. Много ли надо женщине! Она расцвела, улыбнулась всем сразу и только потом приступила к обязанностям, но сначала вышла на середину поляны и несколько раз хлопнула в ладоши. Имея красивые руки с длинными пальцами, которые вступали в резкий резонанс со всеми остальными частями её тела, она никогда не упускала случая продемонстрировать это своим ученикам.

Кате пришлось спуститься вниз, но от услуг Бориса она наотрез отказалась.

– Та-а-ак, мальчики разгружают машину, разбивают лагерь, устанавливают палатки. Очаг тоже на мальчиках! Вода, в общем, все хозяйские вопросы. Ну, а девочки, девочки у нас собирают хворост. Вещи сложите там! – Повертев головой в поисках подходящего места, учительница ткнула пальцем в огромное дерево, росшее в дальнем углу поляны.

Стоя рядом с Катей, чуть позади Марины Александровны, Борис с умным видом загибал пальцы.

– Впервые в жизни пожалел, что я не девочка!

– Всё шутишь?

– Ага! Если серьёзно, круто! Это не поляна, это футбольное поле! Во, в футбол можно сразиться! А что: команда девочек и команда мальчиков! А озеро, ты видела озеро?

Катя улыбнулась. Поляна действительно имела размеры футбольного поля и своей ровной поверхностью вполне годилась для игр с мячом. Прижатая холмом с одной стороны, другой она вплотную примыкала к озеру. Берег, низкий и илистый, успел зарастить кустарником, который в одном месте был разорван, открывая ровную, сверкающую на солнце, гладь.

– Окишин! Оторвись ты уже от Шкловской! – всё-таки не выдержала Марина Александровна, но, видимо, учла последние его заслуги и смягчила голос. – Идея с футболом мне понравилась. Ставлю на победу девочек! А теперь – вперёд, нас ждут великие дела!

Катя смутилась замечания учительницы, но ещё больше её холодного взгляда. В последнее время это стало нормой: заметив её в окружении мальчишек, Марина Александровна непременно делала на этом акцент и почему-то злилась. В чём крылась причина, Катя не понимала и во избежание неприятностей поспешила присоединиться к девочкам, но сначала избавилась от рюкзака. По совету мамы она всё-таки взяла с собой кружку, ложку и миску. Рюкзак, почти новый, нашёлся у отца в гараже. Пропахший бензином, он напоминал о неприятном начале дня, и, бросив его под дерево, Катя испытала облегчение.

Руководя разгрузкой, Марина Александровна успевала спорить с Борисом, который между делом пытался ей противоречить.

– А про девочек это вы зря, Марина Александровна! Может, вы, конечно, забыли, но я за команду школы играю. А поддаваться не привык. Дело принципа!

– А никто и не говорит, что нужно поддаваться!

Марина Александровна заметила Катю и, отвесив ей презрения, вынудила свернуть раньше, чем это сделали другие девочки. Катя слышала их голоса, но, будто влекомая кем-то невидимым, бежала в другую сторону и не успела опомниться, как оказалась на самой вершине холма.

Сплошь поросший редким молодым леском, в основном хвойным, с обратной стороны тот оказался голым, и вид, открывшийся сверху, охватывал не только долину, но и большую часть озера, которое своей вытянутой и почти правильной овальной формой напоминало зеркало. Черда холмов с густыми зарослями создавала изысканное обрамление. И всё это великолепие, тронутое нежной зеленью, отражалось в воде, жадно впитавшей небесную голубизну неба и повторившей даже движение облаков, которые плыли по небу, меняя формы и создавая ощущение полёта, свободы, музыки.

Голоса, которые доносились со стороны лагеря, становились всё назойливее, и Катя не стала отказываться от зова сердца и, бросив собранный хворост на землю, побежала вниз. Спуск был достаточно крутой, и удержаться на ногах оказалось не так-то просто. Но это того стоило: голоса стихли, и тишина наполнилась пением птиц и жужжанием насекомых.

Величественная красота этого места здесь, внизу, выглядела уютно и обыденно. Обзору сильно мешал кустарник, который теснился к самой воде и, создавая живую изгородь, уходил вглубь долины. Лёгкий ветерок колыхал ветки и гнал к берегу мелкую рябь волн, рассеивая их в зарослях осоки.

Берег был совсем низкий и уже покрылся свежей травой. Катя присела на корточки и тотчас отпрянула. Что-то вспорхнуло перед её носом и скрылось из вида. Она ничего не рассмотрела, но успела уловить шелест крыльев и при всём многообразии летающих существ, попавших под подозрение, остановилась на том из них, которому в своих наблюдениях за природой отдавала явное предпочтение. В этих местах их водилось множество видов – от мелких, с голубыми крыльями, живущих большими колониями, до огромных, гипнотизирующих взглядом.

Последняя неделя мая порадовала настоящим летним теплом. Вода прогрелась на солнце и кишела мелкими рыбёшками и водомерками. Рыба, видимо, уже отнерестилась и, судя по всплескам, приступила к активной охоте. Рыбаки эту пору называли «жором». Катя знала об этом от своего дяди, заядлого рыбака, но не помнила, чтоб стрекозы появлялись так рано. Впрочем, школьная программа по этому предмету была добросовестно забыта ею, и всё, что воскресало в памяти относительно стрекоз, а также бабочек и мотыльков, укладывалось в двух словах: «куколка» и «личинка». Загадка стоила того, чтоб не церемониться со своей одеждой, Катя легла на землю и практически сразу выделила взглядом стебель осоки, на котором крепилось несколько странных и одинаковых существ с большой головой и нелепым туловищем.

Пока она решала, что делать дальше, одно из них начало нервно подрагивать и вдруг зашевелилось. Вполне уже понимая, что её ждёт, Катя смотрела во все глаза, однако всё, что успела разглядеть – какое-то несуразное и сморщенное существо, которое мигом расправило крылья и взмыло ввысь, не оставив даже росчерка в небе. Восхищения заслуживал тот факт, что ни одна секунда этой драгоценной жизни не тратилась напрасно. Но как раз это и помешало насладиться моментом. Процесс повторился много раз, и всякий раз Катя испытывала огорчение такого порядка, которое одерживало верх над всеми её восторгами. Так, видимо, и потеряла бдительность.

– А я тебя везде ищущ!

Голос Сашки прозвучал как гром среди ясного неба. Вздрыгнув от неожиданности, Катя повернулась, но вместо того, чтоб отругать своего друга, как собиралась, ответила с улыбкой:

– Так и зайкой оставить можно! Слышал, что люди от испуга заикаются?

– Слышал, – ответил Сашка и всё-таки спросил, – а чё это ты тут делаешь?

Стоя против солнца, он напоминал одуванчик в пору созревания семян. Интонация, тон, как и сам вопрос – всё соответствовало финалу одного старого фильма. Катя представила, как выглядит со стороны её занятие и рассмеялась.

В отличие от неё, Сашка давно давился смехом и сначала опустил на корточки, потом, совсем обессилив, упал на колени. Он почти приближался к истерике, когда Катя приложила палец к губам и сделала взгляд серьёзным.

– Т-с-с! – внезапно произнесла она и позвала, – иди сюда, ложись, не бойся!

Сашка сразу перестал смеяться. Взгляд его, полный недоумения, сверлил в ней отверстие, и тогда – уже теряя терпение – она ткнула пальцем в сторону осоки, где одна из личинок начала подавать признаки жизни.

Трудно заставить человека видеть мир твоими глазами. Но, видимо, этот момент был идеален для такой цели. Сашка послушался и на время забыл обо всём на свете. Катя тоже забыла. Она забыла даже о стрекозах, ради которых изменила своим строгим правилам. Лёжа на животе, рядом с Сашкой, она ощущала его плечо и вместо того, чтоб наблюдать увлекательный момент рождения стрекозы, фиксировала каждую эмоцию на лице своего друга и не могла оторвать от него глаз.

– Вот это да! – выдохнул он и посмотрел на Катю. Их взгляды встретились и тотчас вернулись обратно. Однако от стрекозы не осталось даже следа. – Вот чёрт!

– Нет на тебя моей тёти Тани, она бы тебя по губам отхлестала за это словечко!

Довольная достигнутым результатом, Катя пыталась спрятать за смехом свой восторг и первой заметила Бориса, который бегом спускался по склону холма и смешно, будто лопастями пропеллера, размахивал руками.

Глаза Бориса смеялись, а лицо по мере приближения разыгрывало крайнюю степень удивления. Катя заметила это и покраснела, но осталась лежать на траве, лишь приподнялась на локтях и придала взгляду строгости.

– Так-так, голубчики. Хорошо Кролик этого не видит! – прерывающимся от быстрого бега голосом произнёс Борис и теперь уже совершенно открыто наслаждался тем, что видел.

Кроликом, в честь друга Вини-Пуха и уж точно не за её добрый нрав, Марину Александровну окрестили дети. Кто удостоил её такой чести, никто не помнил. И вряд ли кто помнил, когда именно это произошло.

В ответ на слова друга Сашка зарделся и стал медленно подниматься с земли, отряхиваясь сильными и резкими движениями обеих рук. Как эта нелепая сцена могла быть истолкована Мариной, которая во всём и всегда видела только плохое, никому из них объяснять не требовалось, и оба понимали: Борис, скорее, предостерегал, чем намекал на то, что неизменно посетило бы голову учительницы, случись ей увидеть такую картину.

– Тут это, стрекоза родилась, – смущённо оправдался Сашка, махнув рукой в сторону озера. Однако Борис сохранил за собой улыбочку, которая никак не могла способствовать взаимопониманию.

Это ускорило события. Катя тоже поднялась с земли и тоже стала отряхивать одежду.

– Я бы тоже взглянул, но там, такое дело, приехал кое-кто.

– Кто? – спросил Сашка и сразу двинулся в гору, но перед этим успел схватить Катю за руку. По пути объяснил бестактность. – Пойдём, я ведь чего весь лес обшарил? Голодной останешься. Там каша готова и чай. С дымком!

Борис позволил ему сказать и, наконец, сообщил имя гостя.

– Леопольд? – не поверил Сашка. Кивнув в ответ, Борис правдиво округлил глаза.

Катя не очень любила, когда кто-то брал её за руку и сразу высвобождалась. К разговору она не слишком прислушивалась. Все мысли и даже все её мечты были всецело поглощены стрекозами и чуть-чуть выбором будущей специальности. До этого своим призванием она считала математику и немного пренебрегала естественными науками типа биологии и ботаники. Пестики, тычинки, тех же стрекоз и бабочек, она изучала в живой природе и нельзя сказать, что усердствовала. Просто любила. Но сейчас поняла, что хочет передать эту любовь детям, а для этого должна расширить свой кругозор. И начало этому было положено.

В гору приходилось карабкаться, но, достигнув вершины, Катя остановилась, чтобы закрепить впечатление и только потом догнала мальчишек. Высаженные ровными рядами, сосны образовали несколько широких коридоров и вели прямо к поляне, которая маячила впереди сквозь корявые ветки, притягивая взгляд обилием солнца. В смолистом воздухе, становясь всё более настойчивым, витал запах гари.

– Вот так и знал! – хлопнув себя по бёдрам, возмутился Сашка, – всё-таки подпалили кашу! Ничего нельзя доверять! Что за люди!

– Ну, есть немного! – не стал отпираться Борис. – Са-а-амую малость! А чё переживать-то! Там вряд ли чё осталось! – Поддразнивая ребят, он принялся поглаживать свой живот, который ради такого дела пришлось выпнуть. Наблюдая за ними, Катя не переставала улыбаться. Кроме того, вспоминала свою маму, которая считала, что все мужчины до самой старости остаются детьми. Себя она, конечно, считала взрослой. Во-первых, усердно училась. Во-вторых, помогала маме. В-третьих, задумывалась над выбором профессии и даже мужа. Во всяком случае, точно знала, каких качеств в отце своих будущих детей видеть бы точно не хотела.

За время её отсутствия территорию успели обжить по всем правилам обустройства быта. Очаг, на котором готовили обед, расположился в центре. Палатки, а их оказалось две, и обе тех внушительных размеров, каких ей не доводилось видеть, задней стороной подпирали лесные заросли и находились на таком расстоянии друг от друга, чтобы учесть насущные потребности будущих жильцов. Вещи были убраны. Неподальёку, у самой воды, опираясь на подножку, стоял новенький мотоцикл. Его счастливый обладатель устроился поблизости, в тени раскидистой ольхи, и, лениво пожёвывая длинную травинку, бросал вызов не только взглядом, но и вальяжной позой.

Обед благополучно закончился. У кострища стояло два одинаковых ведра и гора пустых мисок. Ребята, разделившись на группы, отдыхали после сытного обеда. Девчонки оккупировали тенистый пятачок под огромной липой и напоминали стайку воробьёв, озадаченных вторжением диковинной птицы.

– Ты вовремя. Кое-кто пятый раз за добавкой сходил, – приподняв свою миску, призналась Леночка и протянула Кате половник. – Не знаешь, кто это?

Катя пожала плечами, потом взглянула на парня ещё раз. Тот, будто почувствовал что-то и прошёлся по поляне наигранно безразличным взглядом. По всему было видно: жизнь на ней интересовала этого человека не больше, чем возня муравьёв. В позе и в жестах сквозила

непринуждённость. Пышная шевелюра выющихся и спадающих до плеч волос имела тёмно-русый оттенок и отливала золотом.

– Впервые вижу, – ответила Катя. – А ты, правда, пятый раз?

– Да нет, всего-то третий. Всегда на свежем воздухе аппетит зверский! – смеясь, отпартовала Лена. – Заодно хотела о вас с Сашкой позаботиться. Он даже есть не стал, убежал за тобой. Пойдём к девчонкам, в тенёк.

В этот момент незнакомец заметил Сашку и даже немного приподнялся с земли, видимо, в знак особого расположения. Сашка обнялся с ним и почти рухнул рядом. До Кати долетели обрывки фраз и смех. Внутри неё что-то неприятно шевельнулось. Сама мысль, что эти люди могут быть друзьями, вызвала у неё чувство неприятия. И это был тот редкий случай, когда Катя поняла себя сразу: незнакомец не понравился ей с первого взгляда, слишком уж был высокомерен.

– В тенёк, так в тенёк!

Подруги обменялись улыбками и, добравшись до места, дружно рухнули прямо на траву. Их появление осталось незамеченным.

– А я что говорю, пропал наш поход! – пошутила Лена, и Галя наконец повернулась к ним лицом.

– Не думала, что Сашка знаком с ним близко, – жеманно заметила она и замолчала, давая возможность другим обдумать её слова. «С ним» было произнесено так, что каждый мог сделать вывод: личность незнакомца не является для неё тайной. Катя давно заметила, что этой девушке нравилось говорить о том, что не входило в область чьей-то компетенции. Видимо, так она чувствовала себя значительной фигурой.

– Да плевать нам на него! Поговорить что ли не о чем! – грубовато оборвала её Света и не смогла остановиться. – Тоже мне важная персона, гусь лапчатый! Пусть катится на своём моциклете, откуда-то явился. Это наше место, во всяком случае, до завтра. Неча тут шастать!

Имея репутацию спокойного человека, этой выходкой она сразу оказалась в центре внимания и, приснув от смеха, запустила цепную реакцию.

Веселье было в самом разгаре, когда кусты раздвинулись, и оттуда вынырнула Марина Александровна. Вид у неё был заспанный. Видимо, она вздремнула после сытного обеда и, разбуженная дружным хохотом, вернулась, чтобы навести порядок на вверенной ей территории.

– Что вы смеётесь? Вы что, с ума сошли? – Вопросная шёпотом, она всё время поправляла пальцем очки, которые почему-то упрямо съезжали на кончик её носа, обезоруживая близорукие, крошечные, и потому кажущиеся беспомощными, глаза. Рассмешить девчонок было легче, чем успокоить, но она так давно была молодой, что утратила связь с реальностью и продолжила донимать их вопросами. – Вы что, дурочки? Что такое? Почему вы смеётесь? Что подумают мальчики? Как вам не стыдно? – К концу осипла, а потом и вовсе скрылась в кустах также неожиданно, как появилась.

Смех сразу стих. Девчонки вытирали слёзы и, косясь в сторону кустов, обменивались виноватыми улыбками.

– Да уж, – взялась подвести итог Лена, – на фоне непрекращающихся нападок империалистов наш смех можно рассматривать как пособничество врагу. И это, скажу я вам, как минимум!

Шутка была удачной, но на этот раз не вызвала никакой реакции. Видимо, у смеха, также как у терпения, тоже имелся предел.

Катя улыбнулась и легла на траву. Сквозь ветви деревьев просвечивали небо и облака, и ей казалось, что она плывёт вместе со всей поляной, со всеми этими людьми и с их голосами.

– Я думала, она расслабится, отдохнёт, вспомнит молодость!

– Ну, ты сказала, Ира, отдохнёт! Как только отважилась идти с нами в поход, да ещё с ночёвкой! – рассмеялась Алла. Катя не видела её лица, но легко представила, как она закатила

глаза и заморгала длинными, прямыми и очень светлыми ресницами. А вот Ира, скорей всего, просто пожала плечами и добавила огромным серым глазам удивления. Освободившись от гнёта упрёков и унижений, из гадкого утёнка она превращалась в прекрасного лебедя и имела все шансы затмить красотой всех девочек, и не только в классе, но и в городе.

– Бессонная ночь кое-кому обеспечена. Будет бегать от палатки к палатке, а утром уснёт без задних ног, хоть посмеёмся! – давась смехом, проговорила Света и, перейдя на шёпот, принялась передразнивать Марину Александровну. – Что вы смеётесь, что подумают мальчики? Какой позор! Неужели не понимает, что так от смеха умереть можно! У меня до сих пор живот болит.

– Ага! И у меня тоже! – согласилась Лена, потом улеглась рядом с Катей и спросила, дыша ей в ухо. – А ты где была? Мы кашу успели сварить, а тебя всё нет. Скажешь или секрет?

Катя улыбнулась. Она ещё там, на берегу, решила, что после походной каши обязательно возьмёт Лену и продолжит изучать стрекоз. Впрочем, вряд ли стрекозы влекли её туда, скорее, глаза Лены вместе с возможностью пережить это ещё раз, теперь уже вместе с этой чудесной девочкой, которую язык не поворачивался назвать Ленкой. И это притом, что суффикс «к» прикреплялся только к тем именам, когда их носили лучшие из лучших.

– Потом расскажу, ладно? Полежать охота, – сказала Катя и снова улыбнулась. Перед глазами стояло лицо Сашки и его восторженный взгляд.

О незнакомце она даже не вспомнила, а его появление легко стёрлось из памяти, как стих, который учишь наизусть к уроку лишь потому, что этого требует школьная программа. По какой-то причине он не трогает твоих чувств. Возможно, ты слишком юн, чтобы оценить мастерство поэта, – насилуешь свою память, а, получив оценку, забываешь. Уже потом ты с упоением откроешь его для себя и удивишься тому, что никогда раньше не слышал ничего подобного. Всему, видимо, своё время.

4

Последнее лето детства – так, отпуская своих учеников на каникулы, назвала три летних месяца Марина Александровна – промелькнули на бешеной скорости, оставив после себя лишь чувство сожаления, а также кучу одежды, в которую Катя с трудом втискивала своё тело. Школьная форма, ношенная ею в прошлом году, покупалась на вырост, но в районе груди и бёдер она тоже трещала по швам. Катя вертелась у зеркала третий день и всё равно не могла к себе привыкнуть. К тому же, как назло, всё время вспоминала взгляд, каким отец встретил её после двух месяцев в деревне. Даже маме она не стала рассказывать об этом, а уж Алеське – тем более. Жаловаться друг другу или слишком откровенничать им как-то не приходилось. Каждый носил свою боль в себе. Так было надёжнее.

– Ты, Катька, белая ворона какая-то, так и просидишь на печке всю жизнь, если я за тебя не возьмусь. Нет, оно, конечно, можно и у нас на скамейке музыку послушать, я тебя понимаю. А потом так с бабками тут и проторчать до пенсии! Я вон, младше тебя, а уже отметилась. Кого там только не встретила! Светка сказала, они с Алкой всё лето на танцы бегали. Про тебя спрашивали. А мне даже сказать нечего! В деревню, говорю, укатила наша Катя, на всё лето, коров учится доить!

– Ну-ну, что ещё скажешь! – рассмеялась Катя. – К коровам я на пушечный выстрел не подхожу. Знаю я твои методы, задеть меня хочешь!

– Что ещё с тобой делать прикажешь! – возмутилась Алеська и продолжила любоваться собой в зеркале. Развита не по годам, своими карими глазищами она устроила не один переполох в городе. Смотрела всегда в упор и даже с вызовом – как сама шутила – убивала взглядом. Катя, напротив, уверенностью в себе не отличалась и страшно недолюбливала свои странные глаза, меняющие цвет, и русые волосы, которые выгорали за лето и делали её похожей на бледную поганку. Сама Катя называла себя серой мышью, а с собственным портретом примирялась лишь маминой улыбкой. Смеяться обожала и за улыбкой прятала все свои беды и огорчения.

– Что улыбаешься? Пойдём или нет? С мамкой поговорила? До школы несколько дней осталось! – предприняла очередную атаку Алеська и подкинула новых аргументов, – кстати, в субботу танцы – са-а-амые клёвые. «Крылья» выступают. Солда-а-атики. Где только песни такие берут! Удивляюсь прямо! Обожаю эту, про крокодила! «В Африке раздольной и широкой, где течёт река могучий Нил, жил своею жизнью беззаботной маленький зелёный крокодил...»

Напевая, она играла лицом и пританцовывала перед зеркалом. Вдруг оторвалась от своего отражения и уставилась на Катю взглядом гипнотизёра.

Катя рассмеялась.

– Ты и сама всё знаешь, Алеська. Мамка отпускает. У неё одно условие, чтоб я в институт поступила.

– А-а-а! Так ты из-за папашки своего решила в монашки податься?

Возмущение Алеси было несколько наигранным, и Катя снова залилась смехом.

– Хватит меня смешить! В монашки! Нашла монашку! – потом махнула рукой. – Ладно, пойдём. Завтра и пойдём. Только так надо выйти, чтоб отец не заметил. А то заведёт свою шарманку!

– Да-а-а! Шарманка у него знатная, на один мотив только! – Алеська заметила слёзы в глазах Кати и тотчас поменяла тему. – А собираться у меня можно. Я целыми днями одна. Только заранее реши, в чём пойдёшь. А уж чем красоту навести, ты знаешь, найдём. Верка мне всего навезла из Минска. Там, знаешь, какие магазины, не то, что тут! Нет-нет, да выкинут дефицит какой-нибудь. То тушь французскую, то тональник. Тот же лак для ногтей! Здесь днём с огнём не сыщешь! Всё по благу в нашем королевстве!

Получив от Кати согласие, Алеся не умолкала. Катя, напротив, притихла и время от времени прислушивалась к своим ощущениям, где было поровну страха и какого-то детского нетерпения, от которого щекотало внутри. Как дожить до вечера завтрашнего дня она не представляла. И хоть понимала разницу между городскими танцами и балом, прокручивала в голове сцены фильма, где Наташа Ростова танцует с Андреем, и представляла себя на её месте.

– Я так лично в брюках пойду. А ты?

– Мне всё равно, – немного слукавила Катя и, погрузившись, добавила. – Жалко мама на работе. Она бы нас прикрыла.

Алеся сразу перестала улыбаться.

– Дожили! Как там у этого, бородатого? Все счастливые семьи похожи?..

– Каждая несчастливая несчастлива по-своему, – закончила Катя и удивилась, – ты что, Каренину читала?

– Иди ты! – махнула рукой Алеська, сморщив свой красивый лоб, – это Верка у нас по книгам. Мне первой строчки хватило. А знания я из жизни черпаю. Весёлая, да? Всё ржу, ржу! А чего, спрашивается? Мы с мамкой вчера, когда заначку папкину нашли в его кепке, тоже смеялись до слёз, а потом спать его пьяного уложили и наревелись. И всегда я считала, что хуже водки горя нет. Но вот в последнее время сомневаться стала. Ладно, я – не сильно на учёбу налегаю, а ты – почти отличница! Как ни зайду, всё с уроками. А он такими словами тебя подчует, что волосы дыбом! Мы с тобой эту тему не трогаем, но зуб даю, что ни с кем не целовалась! Кто осмелится к тебе подойти, не от мира сего какая-то. Не знала бы, что тебя матом каждый день кроют, так ни в жизнь не поверила. И в институт свой поступишь, не сомневаюсь даже. Я не о том: ведь не пьёт, не курит, трудяга. По понятиям моей мамы – идеал!

Чувства вскипали не один раз, и Катя с трудом дождалась, когда ей позволят высказаться.

– Вот-вот, и я не понимаю! Я вообще не понимаю, зачем люди детей рожают, когда они им не нужны! Не нужны, не так что ли? Мне ногти красить нельзя! Сказал, топором отрубит. Плойку свою под матрац прячу. Заходит в дом, глаза поднять боюсь. А ты говоришь: целовалась!.. – Она собиралась расплакаться, но любопытство одержало верх. – А что серьёзно «не от мира сего»?

– А что нет? Ты же себя со стороны не видишь! И вообще! Что это меня на философию потянуло, не помнишь?

– Ты что-то про заначку говорила, – осторожно напомнила Катя, и Алеська кивнула деловито, совсем по-взрослому.

– Да, точно! Нашёл куда спрятать! А мы думаем, зачем это он её под подушку положил, кепку свою! Пьяный в дымину, а помнит! Но знаешь, мой-то, он безобидный, сама знаешь. Даже пьяный – не злой. А твой – или весь в себе, или чем-то не доволен. Мурашки по коже, когда во дворе столкнись. Буркнет что-то вместо здарсьте и дальше погнал!

– Вот! Теперь ты понимаешь, почему я так долго отказывалась. И теперь не знаю, что нам с мамкой будет.

Алеся махнула рукой.

– Привыкнет! Или ты матов не слышала? И всё! Хватит о грустном! Пойдём лучше на улицу. Танцы вот-вот начнутся. Будем музыку слушать и мечтать о принцах.

– О принцах?

– А о чём ещё? Конечно, о принцах! Будет и на нашей улице праздник. А для этого надо послушать музыку и хорошенько выспаться!

Юность тем и отличается от зрелости, что шьёт себе наряды из тканей в полоску, где белая гораздо шире чёрной. Наутро от хандры подружек не осталось даже следа. Обе изнывали нетерпением и обходили больные темы и острые углы. Имея весёлый нрав, Алеся сыпала анекдотами и всякими смешными историями. Ресницы Катя накрасила лишь с третьего раза.

– Знаешь, я подумать не могла, что ты на такое способна!

– А что я такого сделала! Тётя Маша всегда говорила, что ей эта собака надоела, хуже смерти. Вот я и нашла ей новую хозяйку! Пришлось, правда, поколдовать с красителями. Сама посуди: живут они не так, чтоб рядом, но в одном военном городке. Собака заметная, всё забываю породу. По мне не собака, а пискля! Но отказать ребёнку я не смогла. Она на каждый день рождения у родителей собачку просила!

Довольная собой и уже готовая к выходу, Алеся сидела в кресле и, закинув ногу на ногу, осматривалась по сторонам с таким видом, будто впервые попала в свой дом и была не в восторге от того, что видела.

– Я когда к Петьке домой пришла, просто офигела! Ковры, хрусталь, мебель сверкает полировкой. Плюнуть негде! У нас тут тоже уютно, мамки наши стараются, но, согласись, назвать это квартирой можно только с натяжкой. Так, жильё, крыша над головой, не больше!

– Что крыша, ты права. Помнишь, как мы с тобой головы мыли под водосточной трубой?

– А то! Чья была идея? – Алеся гордо запрокинула голову и, выпятив грудь, уже вполне оформленную, улыбнулась потерянно. – Знаешь, не отказалась бы я поменяться местами с этими офицерскими детками, хоть на недельку. Ну, или с Анькой твоей хотя бы. На нашей улице это са-а-амый шикарный дом. А сад какой! Ягоды, фрукты! У нас заборов нет, всё обрывают на корню!

– Что есть, то есть, дом шикарный, большой. Но и семья у них большая. У Данки двое детей уже.

– Слушай! – вдруг оживилась Алеся, – всё забываю спросить, как твой папан к новеньким твоим относится? Ну, к их визитам? Это не моё дело, конечно, но что-то они к тебе зачастили! Запали на тебя, что ли?

Катя покраснела.

– Что за глупости! А про отца лучше не спрашивай! Всё время боюсь, что он при них что-нибудь выкинет. Но ты бы слышала, что потом несёт!

– Могу себе представить! Кому приятно! Мне, знаешь, тоже не больно сладко, когда иду с парнем, а мой лыка не вяжет. Так что плюнь и разотри. Отец – это отец. А ты – это ты! И отстань ты уже от своей чёлки! Эта прядь у тебя всегда торчит. А то мы, знаешь, на танцы не попадём. Осталось выйти по-тихому, чтоб на твоего отца не наткнуться. А то все меры предосторожности будут насмарку.

Ничего смешного Алеся не сказала, но подружки обменялись улыбками и только потом вышли за дверь. Алеся закрыла её на ключ, сам ключ спрятала под коврик. Так поступали все соседи. В этом не было ничего странного. Коридор, что вёл к выходу, располагался над квартирой Кати, и девушки, не сговариваясь, встали на цыпочки. Дом, польской постройки, по причине солидного возраста имел тонкие перекрытия. Жильцов второго этажа Катя узнавала по шагам. У каждого был свой особый почерк. Кто-то шаркал ногами, кто-то ставил их тяжело или семенил. Молодой человек или старый тоже было понятно. Катя любила эту игру и всегда радовалась, когда оказывалась права, немного сожалела о том, что не может вот также прослушать звук своих шагов. Зачем, сама не знала, как не знала, зачем они с Алеской тратят столько сил на эту чёртову конспирацию.

– Так, спокойно, – попридержав Катю за локоть, Алеся подошла к окну и только потом вернулась к лестнице. – Хорошо пыль протёрла, когда коридор мыла. Всего четыре квартиры, а столько грязи иной раз! И никому дела нет, только мы с мамкой!

– Тише, Алеска!

– Ёпрст! Да я тихо! – беззлобно огрызнулась она и, прыснув от смеха, воспроизвела мысли Кати почти дословно, – зато теперь знаю, каково это быть связной в партизанском отряде. Не забудь, сигай сразу, как свисну!

Катя кивнула. Оставшись за дверью, она следовала за Алеской лишь мысленно: сначала до колодца, к одному углу дома, потом к другому, где не так давно появилась колонка, став-

шая местом паломничества для всей округи, которая использовала лёгкую воду для полива огородов и стирки белья. Какой-то умник сбросил в колодецдохлую кошку, и с тех пор вода из колонки стала питьевой для жителей этого дома, в прошлом – мельницы, которую в начале шестидесятых годов перестроили под жильё. Основу жилого фонда этого – по всем меркам, провинциального городка – составляли частные дома с приусадебными участками. Приличное жильё, с канализацией и центральным отоплением, было только в военных городках. Все местные девчонки рвались замуж за офицеров. Зойка тоже мечтала об этом. Катя всегда с ней спорила, а про себя посмеивалась. Не-е-ет, если уж идти замуж, то только по большой любви. Несчастий родителей ей хватило с лихвой! Насмотрелась, каково это без любви-то! Катя упорно гнала от себя мысли, которые заставляли её сердце биться в учащённом ритме, но они всё равно прорвали очерченный круг. В моменты, подобные этому, ей страшно хотелось плакать. Если люди затем сходятся, чтобы стать врагами, то лучше действительно уйти в монастырь или посвятить жизнь чужим детям и попытаться сделать их счастливыми. Себя она счастливой не чувствовала. От слова – совсем. Но носила гордо. Во всём брала пример с мамы. Статью и осанкой Катя пошла в неё. Правда, уже обогнала в росте, летом после седьмого класса совершила самый большой рывок.

Свист Алески, который она подкрепила кашлем, заставил Катю взбодриться. Не медля ни минуты, она ринулась на крыльцо, а оттуда – к Алеске, но едва достигла угла дома, увидела отца переходящим улицу прямо за её спиной.

Разрабатывая свой план, подруги не учли, что иногда Павел Шкловский покидал свою мастерскую и за какой-то надобностью заходил к соседу, живущему через два дома. Застигнутая врасплах этой неприятностью, Катя остолбенела и на всякий случай сжала пальцы в кулачки. Алеся всё-таки уговорила её накрасить ногти.

– Ой, дядя Паша, здравствуйте! – не растерялась она, бросившись на выручку Кате с таким беззаботным видом, будто даже не подозревала о масштабах грозящей ей катастрофы. – А мы вот тут прогуляться решили. Погода такая хорошая! Каникулы скоро заканчиваются.

Павел Шкловский прошёл мимо, даже не повернув головы. Всё его внимание было приковано к дочери. Во взгляде, устремлённом на неё, было столько ненависти, что довольная ухмылка на лице, уже изрядно помятом морщинами, выглядела маской для обряда жертвоприношения. Присутствие зрителей – а мимо проходили какие-то люди – лишь добавило ему энтузиазма.

– Вот паскуда! Накрасилась она! Шлюха подзаборная! Куда это вырядилась? Мерзкая тварь! Вся в свою мамочку! Сучья порода!

Каждое новое оскорбление выкрикивалось Кате в лицо, а последнее – полетело камнем. Алеся тотчас оказалась рядом и, схватив её за руку, потащила в сторону дороги. Вдогонку им обеим понеслась отборная брань.

Больше всего в эту минуту Катя хотела спрятаться в тёмную нору. Настроение было безнадёжно испорчено. Это был тот редкий на её памяти случай, когда Алеся не находила слов и выглядела виноватой.

Чувствуя вину перед ней, Катя заговорила первой.

– В последнее время ему очень понравились публичные выступления, – сказала она и улыбнулась той грустной улыбкой, которая могла бы подойти женщине, неудачно вышедшей замуж.

Брови Алеси взлетели вверх.

– Ты это так называешь? Знаешь, почему люди так себя ведут? Потому что мы им позволяем. Да нормальный отец никогда не будет так вести себя! Святой нашёлся! Какой ужас! Дочка выросла! Ресницы подкрасила! Замуж пойдёт, он, вообще, не переживёт, что ли! Ты меня извини, Катька, но он у тебя странный! И это я выбираю выражения! Нет уж, лучше мой

алкаш, чем такой праведник! А ведь мамка твоя, наверное, потому и пошла за него замуж, что не пил!

– Я уже ничего не понимаю, Алесья, главное, как жить, не понимаю.

– Как жить? – переспросила Алесья и явно обрадовалась чему-то, – выводы делать, чтоб в такое же дерьмо, как наши мамки, не вляпаться. В общем, смотреть в оба! Мне моя так и говорит, а я и не спорю. Ты вот, думаешь, я чокнутая, ну, верчу парнями, как хочу. А я достойного ищу, кто меня выдержать сможет!

Катя рассмеялась. Она прекрасно поняла, что имела в виду её младшая подруга.

– Если честно, была такая мысль, прости. Что ещё подумаешь, когда девушка назначает свидание сразу нескольким парням, а сама берёт подругу и наблюдает за этим из укрытия!

– Ну! А я что говорю, весело! Мы с тобой тогда животы оборвали от смеха. Надо сказать, и они молодцы, обошлись без выяснения отношений. Оценили мой юмор. Так что я потому, наверное, холостая, – выбрать не могу. Вроде как все достойны. Думаю, какое ещё испытание подкинуть!

– В самом деле? Или шутишь опять? Должна сказать, ты – просто королева розыгрышей.

– А то! Ты ещё самого главного не знаешь!

– Чего? – Дорога в этом месте резко уходила вправо. Катя завернула за угол дома и остановилась. – Не двинусь, пока не расскажешь!

– Ладно, – согласилась Алесья и, схватив её за руку, потащила за собой. – Давно уже изнываю чувством вины, а рассказать боюсь. Помнишь, наверно, ты как-то прибежала и говоришь, мол, Степаненко ваш вёл себя как ненормальный. Встретил тебя у кинотеатра и чуть ли не расцеловал. Ты в магазин, и он за тобой. Ну, вспомнила?

– Забудешь такое, как же! – Катя оживилась, но выглядела так, будто отказывалась верить тому, что вертелось на языке догадкой. – Неужели твоих рук дело?

– А чьих! – не стала отпираться Алесья и выложила все подробности. – У меня же телефон у тётки. Мы с мамкой её навещали как-то. «Дело было вечером, делать было нечего!» Нашла я в справочнике номер Степаненко вашего и позвонила, как бы от твоего имени. Мол, жди у кинотеатра. Время назначила, когда ты за молоком бегаешь. По тебе же часы сверять можно!

– Что? – удивилась Катя и снова остановилась. – Как ты могла, Алеська! Он же такой наивный, всё за чистую монету принимает! А голос? Как только поверил тебе?

– Потому и поверил, – немного смутившись, Алесья сложила вместе две руки и полюбовалась своими точёными ноготочками. – Я трубку рукой прикрывала, типа, связь не очень. А потом, знаешь, каждый верит в то, что ему выгодно! Жаль, не видела, как всё это было. Но воображение у меня богатое. Если честно, я неделю потом ржала. Мамка решила, что я свихнулась. Сiju, уроки делаю, вдруг как засмеюсь!

– Зачем тебе уроки делать? Тебе надо сценарии писать. У тебя талант. Слава богу, Степаненко позвонила, а не кому-то из новеньких.

Алесья разъехала в довольной улыбке.

– Если честно, была такая мысль, но телефон, как назло, был только у Степаненко. У новеньких, сама знаешь, свой, этот, как его – коммутатор. – Сказав это, она залилась счастливым смехом.

– Да-а-а, подруга, с тобой не соскучишься!

– А то! И, слава богу, как говорится! Должен же кто-то украшать этот скучный мир! Сама подумай: что будет, если все будут такие зануды как ты! Прямо, по лицу вижу, что ты себя этой, как её, Наташей Ростовской представляешь. Первый бал и всё такое! Так? Угадала?

Катя рассмеялась.

– Так и есть. Были такие мысли. Но от тебя скроешь, разве? Не зря на горшках сидели.

– Вот-вот! Умница! И не дрейфь! Со мной не пропадёшь, запомни! Но горя тяпнешь!

Билеты на танцы начинали продавать с восьми часов вечера, однако молодёжь не торопилась внутрь и по заведённой традиции нагуливала аппетит, наматывая круги вокруг сквера. В сквере тоже было не продохнуть, а также у входа в Дом офицеров.

– Чего ждут, ансамбль уже час рыбу глушит. Аж жалко парней, – на ходу бросила Алеся и, взяв Катю под руку, протолкнула вперёд себя в крошечный коридорчик с таким же крошечным окошком кассы. Покупка билетов не заняла много времени. Кассирша откровенно скучала, ожив при виде двух юных особ, которым очень хотелось выглядеть старше своего возраста.

Двери, призывно распахнутые настежь, пропустили подруг внутрь полутёмного помещения гардероба и вывели на ту сторону здания, где находилась открытая терраса. Было ещё довольно светло, и, подсвеченная огнями, сцена, занявшая дальний угол просторного зала, бросилась в глаза в первую очередь. Если не считать нескольких человек, пришедших первыми, ансамбль действительно надрывался впустую. Две девушки, немного смущаясь, подпирали стену. Небольшая компания молодых людей расположилась напротив и почти слилась с сетчатым ограждением, которое в вечерних сумерках было практически незаметно. Пологий спуск к реке и сама она с низкими берегами, заросшими кустарником, выглядели декорацией. Снизу тянуло речной свежестью, которую перебивало запахом тины. Но даже эта неприятность ничуть не портила впечатление. Настолько органично природа вписалась в это, будто парящее в воздухе, строение, сохранившее в нетронутом виде несколько деревьев, росших прямо из дощатого пола.

Отдав билеты женщине-контролёрше, которая строго оглядела обеих, Алеся сразу направилась к одному из них, росшему чуть в стороне от сцены.

– Ну вот, что я тебе говорила, «Крылья», – сказала она, заметив, что Катя смотрит в ту сторону. – Что ни говори, классно кто-то придумал с деревьями. Как тебе мой выбор? И ансамбль – на тебе, и всё остальное. Верка сказала, даже в Минске такой танцплощадки нет. Хорошо, что с погодой подфартило.

– Да, здорово, – согласилась Катя и снова бросила взгляд на сцену, успев заметить, как гитарист наклонился к какому-то парню и что-то сказал ему на ухо. Прислонившись плечом к дереву, тот не позволил себе никакой реакции, и, стоило заиграть музыке, вернул глазам выражение глубокой печали и снова повесил голову.

– Вот ты мне скажи, зачем играть медленную песню, если танцоров нет? Давай пройдемся, ноги разомнём, – предложила Алеся и, взяв Катю под руку, повела мимо сцены, делясь воспоминаниями о том вечере, когда была здесь с сестрой. Однако Катя вдруг перестала её слышать, и, поравнявшись с парнем, решительно шагнула к нему навстречу.

– Можно вас пригласить?

Голос был чужим и на удивление спокойным. Внутри ничего не дрогнуло. Катя ощущала себя так, будто совершала что-то обычное, не требующее усилий. Узнать себя в этой смелой девушке не получалось и не получалось понять, чем смущён незнакомец, который рассматривал её с видом человека, утратившего связь с реальностью.

Смутившись под его пристальным взглядом, Катя начала заливаться краской стыда. Но бежать было некуда, кроме того, поздно. Улыбнувшись одними глазами, незнакомец взял её под руку и повёл в центр площадки, где уже танцевали несколько пар. Руки у него были холодные, и Катя вздрогнула, почувствовав, как они легли ей на талию, а потом сомкнулись теснее.

Высокий, плечистый, с тёмной копной вьющихся и спадающих до плеч, волос, не говоря о глазах, что прожигали насквозь, будто лучом лазера, был он слишком заметной фигурой для этих мест, чтобы пройти мимо, не посмотрев вслед.

5

– Лёнька Брилевич? Лёнька?

Повторив это имя добрый десяток раз, Аня забывала моргать и, какое-то время, просто разглядывала Катю с таким интересом, будто впервые видела.

– Ты его знаешь? – наконец осмелилась на вопрос Катя, и Аня изобразила такую бурную реакцию, что напугала немного.

– Кто ж его не знает! Одна ты, похоже! Нет, держите меня семеро: первый раз припёрлась на танцы и увела самого красивого парня во второй школе, если не во всём городе! Как ещё жива до сих пор? Окна тебе никто не побил? За ним же весь город бегают!

– Правда? – немного смутилась Катя и пожала плечами. – Сама не знаю, как так вышло. Он такой грустный был, вот и дёрнул чёрт.

– Что чёрт, тут я с тобой полностью согласна. Жалко, меня рядом не было. Куда твоя Алеська смотрела? Я бы тебе не позволила такую глупость совершить.

– Почему глупость? – не согласилась Катя, и лицо её приобрело то сладостное выражение, когда не вполне понятны собственные чувства и хочется говорить об этом. – Хотя, ощущаю я себя странно. Всё ещё не верю, что это со мной происходит. Так со мной только однажды было, когда мы всем классом в Минск ездили.

– В Минск? Причём тут Минск! – не поняла Аня и красноречиво пожала плечами. – Боюсь, разобьёт он тебе сердце. Вот почему глупость... А, может, и обойдётся, – уловив перемену в настроении подруги, она поправила себя и ещё раз прошла по Кате взглядом. – Серая мышка ему, кстати, не понравилась бы! Так что зря ты на себя наговариваешь.

– Он очень грустный был, говорю же. Всё остальное я уже потом разглядела.

– А потом что было?

– А потом он повеселел. Всё время смотрел в нашу сторону, пригласил на танец, а после танцев мы вместе домой пошли. Алеську проводили, а потом на скамейке сидели. Кстати, забыла сказать, он частый гость на Маяковского. Там у его друзей свой интерес. Ты знаешь, наверное, Ирку с Лилькой?

– Жуковскую? У неё ещё сестра младшая? – уточнила Анька и кивнула. – Знаю. Но это же значит, вы просто обязаны были раньше встретиться. Он ведь из тех, что мимо не пройдёшь! Если честно, даже смотреть в его сторону боялась. Сколько училась во второй школе, столько и сторонилась его. Так что ты меня просто убила! – Аня закатила глаза и замотала головой, как всегда, когда расписывалась в недоумении.

Катя рассмеялась. Находясь в состоянии окрылённости, которое свойственно первому чувству, соображала она не лучшим образом и половину важных фактов пропускала мимо ушей. Собственные чувства и они же козыри, бьющие любой факт, были куда важнее. Она, самая что ни на есть серая мышка, и вдруг осмелилась на такой шаг! Видный молодой человек, за которым бегают все девчонки в городе, ответил ей взаимным интересом! Напоследок судьба: не сведшая её с Лёней ни разу, вдруг круто изменила своей привычке и больше не противилась их встречам. Куда бы ни пролегал путь Кати, он непременно приводил её к Лёне.

Пока было не совсем понятно, есть у неё парень или эти несколько встреч просто игра случая. Катя присматривалась к Лёне, он пытался произвести хорошее впечатление и уже успел поразить её обаянием, приятными манерами, а также обширными знакомствами, в чём, не имея опыта, невозможно было усмотреть угрозу.

Всё разрешилось довольно скоро. Родители сняли Катю с занятий по семейным обстоятельствам. Когда она вошла в школу на следующий день, все шушукались, переглядывались и показывали на неё пальцами. Катя сразу поняла, что в её отсутствие случилось что-то важное, и, прежде чем идти в свой класс, решила повидаться с Аней.

Аню, как и Алеську, она знала давно. С одной – росла в одном дворе, к другой – бегала поиграть в куклы. Ей очень нравился большой и красивый дом Ани, где им никто не мешал. Со двора Аню не выпускали, а потом определили во вторую школу. Дороги подружек соединялись на время летних каникул, а потом снова разбегались. Окончив восьмой класс, Аня наконец перешла в первую школу, и с тех пор их дружба заиграла новыми красками и день ото дня крепла.

Увидев Катю на пороге своего класса, Аня очень обрадовалась и, выскочив за дверь, тотчас осыпала подробностями.

– Катька, как ты не вовремя уехала! Что вчера было, ты представить себе не можешь! Пришёл Лёнька. По всей школе тебя искал. Школа на ушах стояла. Так что держись. На тебя, кажется, обрушилась слава. Да, кстати, я забежала к тебе вчера, аж три раза! Не пойму, ты не рада? – Аня хлопнула себя по бёдрам и уперлась в Катю взглядом кобры. – Я, можно сказать, ночь из-за неё не спала, а она стоит, как деревянная!

Лицо Кати по мере того, как она говорила, сменило несколько масок и в конце приобрело все признаки раздражения.

– Что ты пристала, Анька! У тебя же, как всегда, сто слов в минуту! Дай переварить информацию. Если честно, я как-то не думала, что его вся школа знает!

– А ещё что не думала? – хитро щуясь, спросила Аня и всё-таки заставила её покраснеть.

– Да, ну тебя! – махнула рукой Катя и побежала в сторону лестницы. Попасть в класс незаметно она не очень надеялась. Это место в школе считалось центром по сбору и распространению информации. Мальчишек привлекали короткие юбки, и они собирались внизу, у стенда расписания. Девочки предпочитали верхнюю площадку и не поспешили на любопытные взгляды, позволив Кате прочувствовать, что значит «пройти сквозь строй».

Класс встретил её тишиной и ярким солнцем. Припасая на сентябрь пару тёплых недель, лето в этих широтах позволяло детворе продлевать каникулы за счёт перерывов. Галя возилась с портфелем, стоя в проёме окна, но Катя успела уловить в её взгляде что-то чужое и даже враждебное.

– Ну, ты даёшь, Катька! – Появившись откуда-то слева, Степаненко преградил ей путь, сумев вмести в эти несколько слов столько чувства, что это стоило ей потери бдительности.

Вовчик – именно так, любя, его называли одноклассники – принадлежал к редкому сорту людей, поражающих своим добродушием. Открытый и наивный, суший ребёнок – младший в семье известных в городе стоматологов-евреев – был он исключением из общего правила, а свою украинскую фамилию получил от отчима, лет пять назад. Учёба давалась ему с большим трудом. Учителя давно опустили руки. Но мама Вовочки даже не думала сдаваться и, стараясь создать о сыне благоприятное впечатление, вместе с ним проходила весь курс школьных наук. Вовчик, что немаловажно, был не из тех, кто ленится или предаётся детским шалостям. Он строго следовал линии матери и, видимо, именно этим снискал ту необходимую любому ребёнку долю понимания среди учителей, без которой было бы невозможно мечтать о среднем образовании.

– Ты о чём? – уже догадываясь, о чём пойдёт речь, спросила Катя и, вспомнив треклятый Алеськин розыгрыш, разъехалась в какой-то глупой улыбке, которая никак не вязалась с данным случаем.

Эмоциональный от природы, сегодня Вовочка превосходил самого себя в разы. Его карие, круглые глаза сверкали как две большие чёрные жемчужины.

– Не о чём, а о ком! Что ж ты молчала, Катька? Лёнька – мировой пацан! Вот такой! – Он не знал, как выразить чувства и выставил ей под нос свой большой палец.

Она снова улыбнулась, но только собралась с силами, чтоб ответить, как этому помешала Галя.

– Кать, что я слышу, это правда? – Застыв в высокомерной позе, она говорила слишком медленно, при этом смотрела так, будто видела перед собой не свою подругу, а какое-то ничтожное существо. При всём желании найти ей оправдания, Катя понимала, что своей первой победой на любовном фронте вынудила Галя снять маску и теперь сама должна была её надеть.

– А что если правда? – вопросом на вопрос ответила она, надеясь снизить напряжение, но Галя превратила глаза в узкие, колючие щёлочки и произнесла, смакуя каждое слово.

– Да ничего! Просто ты должна знать, что ни одной Лёнькиной девчонке ты даже в подмётки не годишься!

Катя готовилась к удару, но не думала, что тот будет нанесён с намеренной жестокостью. Сама Галя выглядела так, будто имела сто причин для гордости и, изучая её лицо на предмет попадания в цель, совершенно не стеснялась этих низких чувств.

Для Кати это стало большим ударом, чем намёк на несоответствие быть Лёнькиной девчонкой, но она не опустила ниже своих принципов.

– Спасибо, я учту. Только тебе-то с чего переживать?

– И, правда, не с чего! – чему-то обрадовалась Галя и злобно хихикнула, соорудив при этом неприятную гримасу. Её тонкий и длинный носик сморщился, придав лицу хищное выражение.

Звонок застал Галя у самой двери, она ещё раз прошла по Кате взглядом, потом вернулась и встала у неё за спиной.

Утро выдалось настолько богатым на сюрпризы, что Кате казалось, будто её переехал каток. Она доставала учебники и пыталась навести порядок в своей голове, но ей мешало присутствие Гали, а также собственная привычка иметь о ней хорошее мнение.

Потом Катя провалилась в какую-то пустоту. Очнувшись, когда рядом с ней остановилась Раиса Степановна.

– Шкловская у нас сегодня в облаках витает, – беззлобно, обращаясь к классу, заметила учительница. Когда по классу побежал смехок, метнула в сторону Кати искры недовольства. – Соберись, Катя. Я тебя не узнаю.

На памяти Кати это был первый случай, когда Раиса Степановна выразила недовольство в её адрес. Катя смутилась и, перехватив на себе встревоженный взгляд Сашки, опустила глаза в тетрадь и стала записывать под диктовку учительницы.

– Производная косинуса икс равна минус синус икс. Обведите в рамочку. Эти формулы должны у вас от зубов отскакивать!

Алгебра подходила к концу, когда на стол Кати легла записка. Катя испуганно скомкала её и, оглядевшись, засунула в карман. Угадать автора не составляло труда. Сашка пристально следил за ней на протяжении всего урока. Однако испытывать судьбу во второй раз Катя не стала. Раиса Степановна держала её на прицеле своего зоркого взгляда, не полагаясь на её благоразумие, и время от времени останавливалась рядом и заглядывала в тетрадь.

Звонок быстро прогнал ребят из класса. Кате хватило впечатлений, и она осталась сидеть за партой. Сашка тоже остался на месте и не сводил с неё глаз. Галя наблюдала за ними и не торопилась оставлять наедине. Наконец хмыкнула и, выдавив из себя ехидный смехок, подчёркнуто неторопливо прошествовала мимо.

Сашка к тому моменту поднялся из-за стола и, запихивая в портфель учебники, проводил её взглядом, в котором преобладало презрительное недоумение.

Если у Кати были сомнения в отношении рассказа Ани, то за последний час подтвердились многократно. На неё действительно обрушилась слава, причём чужая и в той мере, что показала истинное лицо людей. Катя дождалась, когда Галя выйдет, и, развернув записку, пробежала её глазами.

Автором послания действительно оказался Сашка, а вот содержание напоминало шифровку.

Видимо, взгляд Кати с такой точностью передал её чувства, что Сашка не смог устоять и, колебавшись, сделал шаг в её сторону и оседлал стул прямо перед ней.

– «Почему тебя вчера не было в школе? Тебя искал Леопольд. Кстати, он – мой друг», – медленно, будто заучивая текст наизусть, прочла Катя вслух и посмотрела на Сашку. Он кивнул.

– Приболела, – с улыбкой солгала она, потом всё-таки спросила, – а кто это Леопольд? И зачем он искал меня?

– Леопольд? – удивился Сашка и окончательно растерялся. Какое-то время они изучали друг друга глазами: он – с изумлением, Катя – с той долей желания понять, которое помогло быть на хорошем счету у Раисы Степановны. Катя нередко выручала Сашку на контрольных и самостоятельных по алгебре и геометрии. Но на этот раз именно он оказался сообразительнее.

– Катька, ты что? Лёнька Бриль – и есть Леопольд. Он ещё к нам в поход приезжал!

– Ты его тоже знаешь? – удивилась Катя и приготовилась обрадоваться, как вдруг перестала улыбаться и уставилась на него с недоверием. – В поход? Ты ничего не путаешь?

Сашка смотрел на неё и ничего не понимал. В класс забежали мальчишки из младшего класса, потолкались и также неожиданно исчезли, захлопнув за собой дверь. Это несколько разрядило обстановку и помогло Кате исправить ошибку.

– Ну да, конечно! Я помню, – зачем-то солгала она, вспомнив тот самый момент, когда Сашка здоровался с Лёней, а вслед за этим и всю цепочку событий, включая собственные чувства.

Видимо, что-то мучительное отразилось в её глазах, но Сашка истолковал это по-своему.

– Кать, она просто завидует.

– Кто? – не совсем поняла Катя. Потом кивнула немного растерянно. Она боялась выдать себя, но больше того, заглядывать внутрь себя, чтобы прислушаться к сердцу и разуму.

Сложив яркую картинку, судьба свела вместе многих людей, где у каждого была своя роль, своё чётко отведённое место. Катя не стала с ней спорить и легко убедила себя в том, что всё это – её дары, а не ухабы и крутые виражи, осложняющие путь. Любовь раскрыла ей свои объятия и стала осью её собственной вселенной, вокруг которой сама жизнь начала плести свои замысловатые кружева.

6

Катя понимала, что Лёня не придёт и, стараясь заглушить холодок беспокойства, иногда выпадала из разговора. Входная дверь постоянно хлопала и раздражала больше, чем толчея и шум в гардеробе.

– Держи, – Сашка протянул Кате куртку, добытую Борисом путём использования связей, и добавил, – мы тебя проводим.

– Странно, что он не пришёл. Сам хотел. Осенний бал раз в году бывает.

– Нет, Катя, он для нас последний! – глубокомысленно заметил Борис и зачем-то посмотрел на Сашку.

Катя смутилась, но не этих переглядываний. Она всё время забывала, что происходящее вокруг никогда не повторится. Люди важничают, умничают, осваивают космос, приручают атом, а сами – всего лишь заложники времени и жертвы глупых обстоятельств.

– Так! – Борис помахал рукой перед её лицом, – предлагаю поговорить о музыке. Возражения есть?

– Кто же в нашем возрасте станет возражать против музыки, да, Кать? Только что о ней говорить! Её слушать надо! – одеваясь на ходу, бросил Сашка и пропустил Катю в узкий коридор, ведущий на улицу. Крошечное окно кассы безмолствовало. По субботам, примерно один раз в месяц, Дом культуры поступал в полное распоряжение учеников первой подвильской школы. Располагаясь в здании бывшего ремесленного училища, своего актового зала она не имела и помещение для мероприятий арендовала по этому адресу. Было это во всех смыслах удобно: школа находилась в трёх минутах ходьбы, а два зала, актовый и танцевальный, исключали лишние хлопоты.

Утонув в густых сумерках, город зажгёт фонари. Ветер, несколько поутихший к вечеру, колыхал верхушки старых яблонь, росших во дворе дома напротив. На чистом, отливающим яркой синевой, небе зажглись первые звёзды. Катя втянула в себя воздух и, отойдя в сторону, чтоб не мешать толпе, остановилась.

– Застегнись, холодно! – Сашка хотел помочь ей с пуговицами, но она сделала шаг назад.

– А девчонки сегодня в ПТУ подались. Меня тоже звали.

– А я-то думаю, где наши красавицы! А красавицы решили сэкономить шестьдесят копеек. Не хило, скажу я вам, билеты на танцы стоят! Это ж три литра молока!

– Эй, экономист, – осадил друга Сашка, – может, пойдём уже. А то стоим тут, как три тополя на Плющихе, на виду у всех.

– Пойдёмте, – оценив его шутку улыбкой, согласилась Катя и двинулась в направлении центра. Народ на школьные вечера приходил разный, со всех школ города, включая бывших выпускников, и она заметила несколько выразительных взглядов, брошенных в их сторону. – Не люблю Дом культуры, хоть, можно сказать, выросла здесь. Дом офицеров как-то уютнее.

– Ну да, есть такое. Так и само здание старинное. Здесь ведь в царские времена много чего интересного было. У Пикуля в «Честь имею» есть упоминание.

– Правда?

– Я не читал, батя рассказывал, – тотчас отрапортовал Борис и вдруг оживил взгляд, – так о музыке будем говорить? Ты, Кать, какую любишь, нашу или иностранную?

Катя пожала плечами. Она и хотела бы соврать, но, видимо, не умела, поэтому ответила, как есть, не скрывая грустной правды.

– Сам знаешь: что дают, то и ем! Джо Дассен, Далида, Тич ин, Баккара, Карел Готт, Червоны гитары, Абба, Смокки. Ничего не забыла? – Она рассмеялась, весело и беззаботно, и сразу придала лицу восторженное выражение. – Смокки очень даже! Мурашки по коже от этого их «What can I do»!

– Ещё бы! – воскликнул Сашка. – Крис Норман – молоток! Умеет выжать слезу у барышень!

– Не стану спорить, только эту песню Алан Силсон написал и исполнил тоже он. И она только у нас пошла, кстати!

– Серьёзно? – удивилась Катя. Она имела в виду последнее замечание Бориса, и он кивнул.

– Более чем. А ты не слышала, как её у нас переделали? – Спросив, он для порядка хихикнул и только потом продолжил, не переставая давиться смехом. – «Я впервые не знал, что мне делать с рублём. Целый день был закрыт магазин за углом. И тогда я решил: целый мир обойду – только водку найду, только водку найду!»

Все трое рассмеялись.

– Да, забавно, но не из-за этого же! Надрыв в ней какой-то, чувство! Ещё бы знать, о чём они там поют, понимаю только припев! – озорно поблёскивая глазами, призналась Катя, и Борис снова блеснул эрудицией.

– Там что-то типа: каждая моя мечта плывёт себе мимо, как облака на ветру. Я не туда иду! Что мне делать? Всё не так, как было! Что мне делать? – Поймав на себе взгляд Кати, он тоже смутился и начал оправдываться, – ты думаешь, я такой знаток инглиша? У меня просто есть эта песня в записях. Слыхал, нам специально его так преподают, чтоб мы ни бельмеса не понимали. Толку, что учим эти «тэйблы», «пенсилы». Приедем в Англию, только овцы нас и поймут. Кстати, язык лучше всего учить в процессе общения с носителями. Это как у нас с белорусским, – объяснил он и рассмеялся. – Скажу честно, для меня он труднее инглиша!

– И для меня! – смеясь, признался Сашка и вдруг преградил Кате путь. – Кстати, можем повысить свой уровень прослушиванием иностранной музыки. Вместо танцев. Время ещё не позднее. Мы потом тебя проводим!

– Что?... А Лёня? Вы что забыли? Он же меня на танцах ждёт! – напонила Катя и внимательно осмотрела лица обоих.

– И что с того? – округлив глаза, бросился на помощь другу Борис, – не хочешь музыку, можно погулять в парке. Говорят, очень полезно шуршать листьями. Для нервов!

– Соглашайся, Кать! – воскликнул Сашка и сделал попытку взять её за руку, но Катя вырвала её и подозрительно уставилась на ребят.

– Да вы что? Сговорились? Издеваетесь? Нас Лёня ждёт! Так и скажите, что не пойдёте! Я и без вас обойдусь! А с нервами у меня порядок, между прочим!

Мальчишки переглянулись и неохотно двинулись вслед за ней. Катя радостно встала между ними и взяла их под руки. Имея у себя дома не лучший образец мужского поведения, она очень гордилась дружбой с мальчишками, а их заботу в отношении себя воспринимала как щедрый подарок судьбы и проявление тех братских чувств, в которых та ей отказала.

Приняв толпы молодых людей у Дома культуры, улица разводила их по другим улицам и переулкам и пустела прямо на глазах, оставив лишь тех, кто спешил на танцы. Музыка разносилась по всей округе и на мосту, соединившем две части города, вдруг стала настолько громкой, что вынудила Катю накинуть капюшон и заткнуть уши.

– Как здесь люди живут!

Сашка пожал плечами и ответил той грустной улыбкой, за которой обычно что-то хотят скрыть.

– Под музыку! Круто же! – вместо него ответил Борис, но перед этим взглянул на Сашку, обозначив на своём лице признаки беспокойства. Что-то между ними происходило сегодня, Катя видела это, но не придавала значения. Мало ли что может случиться в жизни двух интересных экземпляров противоположного пола. Она успела заметить, что девчонки из параллельных классов поглядывали на них двоих с интересом. Кате доставались ухмылки. Но, видимо, она привыкла к подобному поведению и даже научилась получать удовольствие. Настроение,

несколько подпорченное отсутствием Лёни, снова начало улучшаться. Ветер задувал сбоку и, подхватывая целыми охапками, гнал опавшую, но ещё не утратившую яркости, листву поперёк улицы прямо к дверям комендатуры и крыльцу магазина «Ткани».

Злющий в этом месте, независимо от времени года, именно ветер когда-то крутил колесо мельницы, перемалывая зерно в муку. Сейчас это мрачное громоздкое здание с облупившейся штукатуркой бездействовало. Часть его, утратив настоящее предназначение, служила тоннельным проходом для пешеходов. После него дорога шла в гору. За банком, выйдя на центральную площадь, поворачивала направо. Здесь, сразу после церкви, имеющей собственную территорию, дома следовали один за другим, иногда вплотную, и так по всему периметру сквера, который находился как раз за спиной вождя пролетариата. Сам вождь, как и положено, указывал рукой в сторону здания городской администрации. Единственное из всех, здесь имеющихся, оно поднималось выше двух этажей. Заросший старыми кривыми ясенями и изрядно запущенный, именно сквер с памятником погибшим воинам в центре не позволял представить целиком весь замысел архитектора – если верить историческим данным – итальянца, приглашённого в эти места бывшим владельцем имения, от которого осталось несколько старинных особняков, а также старинный парк – и до сей поры очень красивый. Катя знала наизусть каждый дефект на старых постройках, отчаявшихся ждать реставрационных работ, но раздавала улыбки и выглядела так, будто всё это уже случилось.

Мальчишки, напротив, становились всё мрачней.

– Та-а ак! – наконец что-то заметив, остановилась она и, добавив взгляду требовательности, скомандовала, – или поезжайте домой, или не портите мне настроение!

Борис тоже остановился и – могло показаться – всё-таки обнаружил внутри себя необходимое устройство для смены программы. По крайней мере, придал всему облику искреннего недоумения и ответил за двоих:

– А мы чё? Мы ничё!

В этой паре – что всегда удивляло Катю – совершенно разных людей, Борис был заперт изнутри, Сашка, наоборот, откровенен до беззащитности и напрочь лишён склонности к лицедейству. Сейчас тоже не играл. Выдержал взгляд Бориса и эти невнятные объяснения, потом опустил голову и стал ковырять ботинком выбоину в тротуаре.

Поведение обоих выбивалось из нормы, Катя видела это, но обошлась обычным женским любопытством.

– Не пойму я что-то, что с нашим Краммером! Ты не знаешь, Борь?

На этот раз Сашка даже не взглянул в её сторону, лишь махнул рукой и с видом полной обречённости двинулся в сторону распахнутых дверей Дома офицеров.

Пока мальчишки возились с мелочью, покупая билеты, Катя изнывала от нетерпения. О том, что танцы в разгаре, говорило отсутствие людей у кассы, а также на улице. Значит, искать Лёню следовало здесь, по опыту отношений с ним – рядом со сценой.

Катя даже не стала снимать куртку и, едва попала в холл, бросилась к одному из двух проёмов, ведущих в зал.

Зал, предназначенный для танцев, находился ниже остальных частей здания. Лёню она отыскала быстрее, чем ожидала, и уже собралась привлечь его внимание, как вдруг заметила девушку, которая повисла на его руке и, рассказывая о чём-то, заглядывала ему в глаза и смеялась. Сам Лёня выглядел несколько потерянно, во всяком случае, почти не реагировал на то, что ему говорили, и без конца, шаг за шагом, обыскивал зал глазами. Наконец остановился на Кате и виноватым взглядом буквально пригвоздил её к месту. Длилось это доли секунды, но за это время она успела заново прожить все болезненные и все странные моменты последнего времени, а также понять, что именно стояло за попытками мальчишек помешать её намерениям. Теперь уже правда была видна всем, кто находился в зале. И тот сначала запрыгал перед глазами Кати, потом поплыл.

– Вы всё знали? – резко повернувшись к мальчишкам, спросила она и повторила, – да? Знали?

Её подмывало спросить про девушку, кто она, откуда взялась, но Катя понимала, что эти вопросы, включая те, что она озвучила, не предполагали ответа, разве этим ответом были несчастные глаза её друзей. Смотреть в глаза они не решались, но, если вдруг отрывали взгляд от пола, то лишь затем, чтобы подтвердить решимость разделить с ней тяжесть этого момента.

Как только Катя обзавелась парнем, она каждый день открывала в себе какие-то скрытые резервы и совершенно не понимала, куда подевались слёзы и та размазня, которая должна была бежать домой и там дать волю чувствам!

– Вы со мной или здесь подождёте? – спросила она и решительно сняла куртку. Друзья переглянулись, но, не отважившись перечить, сдали одежду в гардероб и сквозь танцующую толпу стали пробираться к эстраде. Катя шла впереди. Иногда она задевала кого-то локтем, но даже не извинялась. Люди расступались перед ней и потом провожали недоумением на лицах, в котором всё более явственно проступало любопытство. Чего от неё ждут, она прекрасно понимала. Люди во все времена одинаковы. Они жаждут зрелищ. Это их пища, сродни хлебу. Ничто не радует их больше, чем чужие страдания. Катя не понимала, откуда она знает об этом, но совершенно точно не собиралась давать пищу для сплетен, устраивая сцен ревности. Всё, чего она хотела – рассмотреть свою соперницу. В голове упрямо, отбойными молотками, звучали слова Гали: «Ни одной Лёнькиной девчонке ты в подмётки не годишься». Убедиться в этом Катя могла практически без помех. Незнакомка не подозревала, что за ней наблюдают и вела себя так естественно, как если бы осталась с Лёней наедине. Огромные голубые глаза, ни грамма косметики, простая стрижка. Во всех жестах спокойная уверенность. Взгляд, полный немого обожания, иногда скользил по залу и тотчас возвращался к объекту своей любви. И это сразу сблизило Катю с этой девушкой, позволив забыть о том, что её появление перечеркнуло разом все её мечты и все надежды. Катя не злилась, не испытывала к ней ненависти, не искала изъянов. Она была изумлена и растеряна. И совсем не девушку видела причиной своих бед, и даже не Лёню, а собственную глупость, не позволившую понять сразу, что у такого парня обязательно есть девушка. Даже слова Гали не выглядели такими обидными, разве только тон. Мальчишки стояли рядом и терпеливо ждали, когда потребуется их помощь. Лица обоих не выражали ничего, кроме страдальческого сожаления.

Следующий танец оказался медленным. Катя узнала песню и, схватив Сашку за руку, потащила в толпу.

Вновь пора дождей настала, осень бродит ныне,
Но она не помешала гореть рябине.
Снова ягоды рябины ярким, алым цветом
Посреди дубрав пустынных мне напомнят лето.
Этим летом постучалась радость у порога,
Но она вдруг оказалась такой недолгой
И растаяла, как листья тают на деревьях,
Всё, что было мне так близко, всё чему я верил.
Моя любовь – жива, как алый цвет рябин,
Твоей любви листва растаяла, как дым.

Кате казалось, что эту печальную историю она слышит впервые и, прячась за широкой спиной Сашки, вспоминала вчерашний вечер вдвоём с Лёней, его голос, глаза, губы. Её губы ещё хранили вкус его поцелуя, и происходящее вокруг напоминало дешёвую инсценировку к песне. Голос солиста звучал проникновенно, как много раз до этого, но сегодня достигал глубин, о которых Катя не подозревала. Боль, ревность, стыд – вся богатая гамма этих чувств

меркла перед предстоящей пыткой людским злорадством. Цену ему Катя знала. Рана от ножа, который Галя вонзила ей в спину, саднила до сих пор и снова вскрылась и кровоточила. Желющих повернуть рукоятку было более чем достаточно. Даже Сашка вместо того, чтоб поддержать, бросал виноватые взгляды в сторону Лёни и его девушки и выглядел так, будто проглотил кол.

Всё, о чём мы говорили, мне забыть так трудно.
Думал я, что мы любили с тобой друг друга.
Нашим встречам, мне казалось, нет конца и края,
А теперь со мной остались лишь воспоминанья.
Моя любовь – жива, как алый цвет рябин,
Твоей любви листва растаяла, как дым!

Последний аккорд покончил со всеми мучениями. Сашка довёл свою партнёршу до Бориса и, вытерев пот со лба тыльной стороной ладони, снова скосил взгляд в сторону своего друга и его спутницы. Однако Катя, видимо, достигла той точки, где чувства настолько горячи, что ими начинает управлять безразличие.

Она не помнила, как оделась и оказалась на улице. По сравнению с душным залом здесь было отрезвляюще свежо. Редкие, тусклые фонари освещали старый запущенный сквер и невысокие старинные домики с фигурными крышами. Сквозь распахнутую настежь дверь Дома офицеров доносилось надрывное, с хрипотцой, пение местной знаменитости.

Вот и всё... Я тебя от себя отлучаю!
Вот и всё, я себя от тебя отучаю,
Отучаю от встреч – ровно в пять не встречаю,
Отучаю от плеч и от губ отучаю!
Унижаться, любя, не хочу и не буду,
Я забуду тебя, я тебя позабуду!
Ты приносишь беду, ты с ума меняводишь!
Только как я уйду, если ты не уходишь?

Катя дождалась финала и, накинув на голову капюшон, двинулась вдоль по улице мимо освещённых окон гастронома. Мальчишки покорно шли следом. Все трое выглядели как часть похоронной процессии и, подметая улицу взглядами, боялись смотреть друг другу в глаза. Так, не проронив ни слова, и достигли поворота, откуда виднелся дом Кати.

Сама она бросила взгляд в ту сторону и остановилась, потом запрокинула голову и устремила глаза вверх. Мерцали звёзды и, скрытый полупрозрачными облаками, просвечивал бледный диск луны. В голове назойливо звучал мотив, а вместе с ним слова песни:

«Каждая моя мечта плывёт мимо, как облака на ветру. Я не туда иду. Что мне делать? Всё не так, как было. Что мне делать?..»

Вчера они с Лёней проходили здесь и также стояли, задрав головы и любуясь луной. Потом Катя почувствовала, что он смотрит на неё, а ещё через минуту ощутила на губах сладость поцелуя. Память упорно возвращала её в этот момент, но было трудно понять – пыталась или спасала. Слезы копились где-то внутри. Внешне Катя оставалась спокойна и выглядела так, будто единственное, что занимало её в эту минуту, была эта немая картина ночного неба. Мальчишки стояли рядом, но, даже не глядя в их сторону, она смогла ощутить степень возросшего напряжения.

– А кто она?

Вопрос, сорвавшись с губ, казалось, разрезал тишину и повис в воздухе. Катя испугалась, задав его, и сначала выдержала паузу и только после этого повернулась лицом к мальчишкам. Улыбка ещё блуждала на нём, но глаза требовали правды.

Сашка не выдержал этого и опустил голову, оставив ответ на усмотрение друга.

Поняв, что отпираться бесполезно, Борис взял ответственность на себя.

– А-а-а, так это Юлька Смыслова! – обесцветив голос до полного безразличия, воскликнул он, потом задумался, будто припоминал что-то, и добавил этим скудным сведениям полной ясности, – Лёнькина одноклассница. Из нашего городка. Вроде, было у них чё-то.

Вряд ли Борис выдал военную тайну, но выглядел так, будто сдал все пароли и явки и теперь сам запрашивал помощь Сашки, а заодно – молил у Кати прощения виноватым взглядом.

Пользуясь редкой возможностью, она изучала его лицо. Правильной формы нос, широкие густые брови, волевой подбородок, аккуратный изгиб губ. Сегодня немного другой, твёрже. В первую очередь в людях Катю привлекали глаза. Сегодня она не могла видеть их печальными и поставила на последнее место.

Каждое слово, сказанное Борисом, Сашка переживал настолько болезненно, что, казалось, редактировал и спорил, но, получив сигнал о помощи, вдруг онемел. Катя перевела на него взгляд, и тогда он шумно – словно собирался опрокинуть стакан водки – выдохнул из себя воздух, а с ним – несколько слов:

– Да-а-а, так учиться она уехала... куда-то... – потом многозначительно приложил указательный палец ко лбу, словно нужный факт и вправду мог извлечь столь необычным способом. Но тайну не открыл, лишь повесил голову также как его друг.

Катей вдруг овладело странное чувство. Тяжесть, лежавшая на сердце камнем, не ушла полностью, но уменьшилась многократно и с каждым мигom перерастала в радость, скрыть которую удалось, лишь спрятавшись в капюшоне. Катя совершенно не представляла, что стала бы делать, если бы осталась одна в этот вечер! Совсем не любители танцев, ради неё мальчишки изменили своим вкусам и даже своим желаниям, но главное – приняли на себя большую часть её переживаний. Знали, что ей понадобится помощь, и не смогли оставить одну. Лёня, его девушка, Галя и все те, кто завтра будут смаковать подробности и злорадствовать, виделись Кате персонажами какой-то другой истории, к которой сама она больше не имела отношения.

Глубину несчастья другого человека способен понять только добрый человек или же глубоко несчастный. Рядом с Катей были её добрые рыцари. И она спрашивала себя и не понимала, почему в рыцари своего сердца выбрала того человека, который до этого уровня явно не дотягивал.

7

Всю ночь Катя не сомкнула глаз и с ответственностью прилежной ученицы раскладывала по местам имеющуюся информацию. Фактов имелось достаточно. Чего немного недоставало ей, как будущей женщине, так это подробностей и мнения другой будущей женщины. По воскресеньям Алеська спала долго, и, как только позволили приличия, Катя прибежала к Ане.

Рассказ её был сбивчивым, однако Аня выслушала его более чем спокойно и даже вспомнила эту девушку и этот, прогремевший на всю вторую школу, роман.

– Ты же понимаешь, я после восьмого класса перешла в вашу школу. А что такое восьмой класс? Мелюзга! Лёнька тогда в девятом учился, так, помню, за ним даже десятиклассницы бегали. Парень, конечно, видный, нечего сказать! И, чего там, избалованный женским вниманием. Вот и довели его девки, пошёл в ПТУ, на шофёра. Что ему стараться! И так очередь. – Аня сказала об этом и сделала взгляд виноватым.

– Да ладно, ты не сказала ничего нового! Всё и так понятно. Я вчера насмотреться на них не могла! Така-а-ая красивая пара!

Последнее замечание, высказанное восторженным голосом, быстро привело Аню в чувство.

– Дура ты, Катька! Просто впервые такую дуру вижу!

– Почему это дура? Я ведь, как есть, сказала. Какой смысл врать себе? Хватит уже, пора остановиться. Правильно Галя сказала: в подмётки не гожусь. – Катя говорила спокойно и только на последних словах выдала чувства. Аня бросилась к ней и обняла.

– Скажи, что мне сделать, чтоб тебе стало легче? Ну? Не могу так просто сидеть и ждать!

– Вот именно, – оживилась Катя и вытерла слёзы руками. – Я ещё ночью решила, что не буду Лёне навязываться, пусть будут счастливы, раз такое дело. Теперь понимаю, почему он тогда такой грустный был. Юля его уехала. А тут я! Ты же права была, чёрт дёрнул!

– Ну, знаешь, и он хорош! Сразу забыл свою Юлечку! – обрадовалась, что может быть полезна, Аня. – На что только надеялся? Странно как-то всё это!

– Ничего странного, Аня, сама же говорила: менял девок, как перчатки. Так что теперь мне одна дорога – на танцы и делать вид, что мне всё равно, чтоб такие Гали не больно радовались!

– Д-а-а-а! – выдохнула Аня и не слишком преувеличила, – полгорода таких Галь! Я уж не говорю про нашу школу. Но я с тобой, даже не сомневайся. Одну я тебя теперь не отпущу, а то опять влипнешь в какую-нибудь историю.

По воскресеньям танцы проходили в большом зале Дома культуры. Народу в этот день собиралось меньше, и встретить знакомых подруги не очень надеялись, но всё-таки прогуливались по залу с таким намерением, когда мимо них, не стесняясь в выражениях и грубо толкаясь, прошептали две девицы.

– Эй, нельзя ли поосторожнее, – призвала их к порядку Анька, и те – будто того и ждали – остановились неподалёку и, сфокусировавшись на Кате, стали переговариваться.

– Да они на ногах еле стоят! – первой заметила Аня и взяла Катю за руку. Будучи младшим ребёнком в семье, с Катей она вела себя как старшая: опекала, заботилась, случалось, даже поучала, совсем по-взрослому, но Катя не обижалась, напротив, принимала эти проявления дружбы с благодарностью.

Тем временем, одна из незнакомок, невысокая, яркая брюнетка, сделала шаг в сторону подруг и, злобно шипя, произнесла по слогам:

– Эй ты, шпана, заглохни, а то получишь!

В глазах и жестах девушки угадывалась угроза. Взгляд буравил Катю, Аню – полностью игнорировал. Аня тоже заметила это и сжала Катину руку сильнее. В этот момент активность проявила вторая девушка.

– Да врежь ты ей, и дело с концом! А то ишь ты, зенки вылупила! Малявка! – Она гордо выпятила грудь и замахнулась на Катю, но ударить не посмела и просто брезгливо сплюнула на пол прямо ей под ноги.

Что-то здесь было не чисто, Катя чувствовала это, но до поры не позволяла себе никакой реакции. Однако незнакомок это только распаляло.

– Ну что, здесь тебя замочить или выйдем? – с вызовом предложила Кате брюнетка.

– Выйдем! – не моргнув глазом, согласилась Катя. Анька снова схватила её за руку.

– Я с тобой, – сказала она, подбадривая Катю голосом, и не успела та возразить ей, как в дело снова вступила вторая.

– А ты, малявка, не вмешивайся. Иди себе с миром. Тебя никто не трогает!

Подруги переглянулись. Им сразу бросилось в глаза, что именно Катя интересовала скандалисток с самого начала. Аня только мешала им выполнить задачу, вот и сейчас вцепилась в Катю и не отпускала, демонстрируя готовность следовать за ней даже себе во вред. Обе понимали, что подобному поведению есть причина, а выяснять её, значит, обнаружить слабость и уронить лицо. Видеть дерущихся девушек, как и курящих, Кате приходилось только в кино. От этих – несло табаком и выпивкой. Но она решила идти до конца и даже успела сделать несколько шагов к выходу, как вдруг увидела Юлю и остановилась.

– Смотри, Аня, это же Юля? Юля, как её там, Смыслова! Это она?

Катя говорила и сама себе не верила. Вчера, рядом с Лёней, она видела ангела. Сегодня это был какой-то другой человек, который лишь внешне напоминал Юлю. Ко всему она пряталась за спинами танцующих и выглядела уж слишком причастной к тому, что здесь происходило.

Когда подруги вспомнили о зачинщиках конфликта, их след простыл. Юля исчезла тоже.

– Господи, это же Лёнькины одноклассницы! – вдруг опомнилась Аня. – Как я сразу не вспомнила! Чёрненькую эту, симпатичную, Алкой зовут, а вторую – Лилькой. Они, вроде бы, учиться уехали, хиповые стали! Большой город быстро людей портит. Хотя, эти две всегда оторвы были. Но Юля! Кстати, не такая уж она красивая! Всё ты придумала себе! И вообще, зря мы сюда сегодня припёрлись. Сидели бы дома, у тёплой печки. Так нет, потянуло на подвиги!

Катя рассмеялась и, взяв её за руку, сама повела к выходу.

Дорогу домой подруги выбрали, не сговариваясь. Свернули за угол громоздкого здания Дома культуры и сразу оказались в тёмном, без единого фонаря, переулке, ведущем к пешеходному мосту. Эта часть города находилась на возвышении, и дорожка сбегала вниз и будто спешила миновать высокие заборы, которые обрамляли её, мешая обзору.

– Мне всегда кажется, что кто-то выскочит и утащит меня за забор!

– И мне, – смеясь, призналась Катя. – С детства этого места боюсь. Даже днём здесь как-то неуютно. А уж но-о-чью!

– Зато – какая луна!

– Светло, будто днём!

Катя почти не преувеличила. Полная и величественная, в светящемся ореоле, луна уже взошла над одноэтажным зданием школы и теперь плыла навстречу, раздвигая редкие слоистые облака. Извилистое русло реки, бегущее справа налево, напоминало серебряную ленту, которую кто-то небрежно бросил на землю, поделив город на две части. Та, где находилась школа и все её постройки, включая стадион и мастерские, лежала будто на ладони. Сама школа, с жёлтым фонарём над входом, просвечивала сквозь оголённые ветви деревьев, как призрак. Девушки достигли середины моста и остановились.

– Скажи, Кать, у тебя бывает, что ты жалеешь, что не умеешь рисовать?

– Или не можешь сфотографировать! – весело подхватила Катя и тотчас ответила, – ещё как! Я же тебе рассказывала про поход? Какое там место красивое! Но не исключая, кстати, что фотка этого не передаст.

– Сто процентов! Особенно ночью! Но красота нереальная. Нет, всё-таки здорово, что я в вашу школу перешла.

– Ещё как здорово! Но знаешь, смотрю сейчас на всё это и такое ощущение, будто впервые вижу.

– Это потому что луна большая. А звёзды? Какие сегодня звёзды! Млечный путь! Правда, млечный. Как будто кто-то молоко пролил.

– И вчера так было. И позавчера, когда мы с Лёней гуляли.

Аня тяжело вздохнула и, взяв Катю под руку, повела дальше по аллее, усыпанной листьями. Они шли, не торопясь, соизмеряя друг с другом каждый шаг. Слева – безжизненно темнел школьный сад, прикрытый ветхим забором, справа – светила в лунном свете берёзовая рощица. Кто б там что ни говорил, а осень – лучшее время, чтобы разбивать наивные девичьи сердца! Слыша, как шуршат листья, Катя ощущала внутри себя тихую грусть, сродни той, что могли по её представлениям ощущать деревья, сбросившие листву наземь и спокойные тем, что впереди их ждёт новая весна, яркое лето, новый круговорот событий.

– Как думаешь, что всё это может значить? Я про Лёнькиных подружек!

Катя тоже пыталась разобраться в этом вопросе, но сначала пожала плечами.

– Не знаю. Возможно, кто-то донёс им про малолетку, с которой Лёня завёл интрижку. Вот и решили проучить, чтоб другим неповадно было.

– Так ему бы и наkostenяли! Ты тут причём! Ты знать ничего не знала! Можно сказать, жертва обмана.

– Теперь знаю, – грустно усмехнулась Катя, потом добавила, – теперь понимаю, почему Сашка с Борькой такими глазами на меня смотрели. Ещё тогда, на алгебре. Знали, что меня ждёт. А вчера, – она умолкла и не сразу смогла продолжить, – если б не они, не знаю, что было бы. А я им: «Валите, меня там Лёня ждёт!» Вот же дура! Как вспомню, так смешно.

– Ну, положим, не так уж и смешно! – не согласилась Аня, добавив своему взгляду строгости. – Да и вообще, слишком много странного в этой истории. Ты мою интуицию знаешь!

– Знаю-знаю, – рассмеялась Катя, – как успела заметить, это всего лишь наше желание приукрасить существующую действительность, а она такова, что у Лёни всегда была другая девушка. И да, улыбка идёт ей больше, чем злость, но это ничего не меняет.

– Ладно, поживём – увидим, – всё-таки оставив за собой последнее слово, сказала Аня и свернула к своему дому. – Дойдёшь или проводить?

– Дойду, не волнуйся, под поезд бросаться не стану. Но, если честно, немного боюсь завтрашнего дня. Новости у нас разлетаются мгновенно.

Катя потому сказала про поезд, что со стороны железной дороги, в которую упиралась эта улица, донёсся характерный перестук. Аня успела открыть калитку, но вдруг передумала.

– Нет, я всё-таки провожу. Так спокойнее будет. И не спорь!

Катя хотела заплакать, но вместо этого рассмеялась, звонко, на всю улицу.

– Вот так-то оно лучше. А то поезд, поезд! Тоже мне причина! Да ещё неизвестно, кому повезло! Я вот, глядя на всё это, торжественно клянусь ни в кого не влюбляться. Ну, в себя, разве что! А что? Самый прекрасный роман!

– Длинною в жизнь? – уточнила Катя, и Аня кивнула. К тому моменту они достигли Катиного дома и, свернув за угол, остановились. Со стороны дороги мелькнула какая-то тень, но Катя решила, что ей померещилось.

– Всё верно, длиною в жизнь. А теперь спать! Утром зайду за тобой. Выпись!

Исчезнув за дверью, Катя сначала успокоила дыхание. Нет, она даже не думала плакать, напротив, была собрана, как перед каким-нибудь ответственным выступлением или экзаменом.

ном. Мысли не ранили, как вчера, а заставляли собраться с силами. Клуб недоброжелателей, благодаря роману с Лёней, каждый день пополнялся новыми членами. Роман закончился, враги остались. И главная роль всё ещё была за ней. Раз так, Кате оставалось только играть, причём, не только в школе, но и дома тоже.

8

Расчёт Кати оказался настолько верен, к концу уроков зрители потеряли к ней интерес. Скрывать правду от Гали было сложнее, но в этом Кате очень помогли мальчишки, которые установили над ней опеку. Войдя в роль, Катя забывала снять маску даже наедине с Аней.

Домой после уроков подруги возвращались вместе, и Аня обрушилась на неё с вопросами сразу, как только убедилась в том, что их никто не слышит.

– Я что-то не пойму, Катька, ты совсем не переживаешь? Прошла любовь, завяли помидоры?

– Ну, как тебе сказать? Помнишь, как у нашего Кандрата Крапивы? «Потым – гоп яна з калёс, села ля дарогі, а каня як чорт панёс, – дзе ўзяліся й ногі!» Вот и думаю, может, не стоит оно того, чтоб сильно переживать: баба с вону кобыле легче.

Счастливый смех Ани привлёк внимание сразу нескольких человек. Две женщины, идущие навстречу прямо по проезжей части, уставились на неё с нескрываемым осуждением, потом, с ног до головы, осмотрели Катю. Но на настроении Ани это никак не отразилось.

– Не поверишь, я тоже эту строчку целый день сегодня мусолила! Так ты, значит, кобыла у нас?

– Вроде того, – мрачно усмехнулась Катя и, осмотревшись по сторонам, обратилась к Ане с вопросом, немного понизив силу голоса. – А что у нас смеяться запретили на улицах?

– Господи! – возмутилась Аня, – я ей про Фому, она мне про Ерёму! Не червонец я, чтоб всем нравиться! Хочу смеюсь, хочу плачу. Ещё – разрешения у кого-то буду спрашивать! И юбка у меня – самая короткая в школе, и что? Ноги – не кривые, вроде, зубы – ровные!

– Смех – звонкий, талия – тонкая, грудь – высокая! – весело подхватила Катя и всё-таки сумела выбить почву из-под ног своей боевой подруги.

– Иди ты! – махнула рукой Аня и, пытаясь скрыть смущение, оторвалась вперёд на несколько шагов. – Вот не могу, хоть убей, все эти «муси-пуси» принимать!

– Не беги! Куда помчалась? Я сейчас каблучки сломаю. Я тоже не любительница комплиментов, если ты заметила. А что ты там, про Фому этого своего, сказать хотела?

Аня поправила непокорную чёлку и снисходительно улыбнулась, отчего на её аппетитных щёчках, украшенных румянцем, заиграли ямочки.

– Я хотела сказать, что любопытных развелось в нашей школе – жуть просто! Кто только не подвалил ко мне с вопросами. Даже «ашки».

– О, эти первые сплетницы! А мне кажется, сами к Лёне неровно дышат!

– Я даже не сомневаюсь! И всё-таки, Кать, переживаешь или нет?

Катя мотнула головой и придала взгляду выражение крайней досады.

– Мама, когда Лёню увидела, за голову схватилась. Сказала, что таких красавчиков всегда стороной обходила. Это я ещё не рассказывала ей, что сама его пригласила. Глаза у него были грустные! А теперь, знаешь, очень хочу ему в глаза посмотреть. Всё время с ним разговариваю. Откуда слова берутся, не знаю! Два дня прошло и две ночи, а, кажется, целая жизнь!

– Это любовь! Это она, зараза! – авторитетно заявила Аня и для убедительности внесла уточнения, – раздвоение личности и всё такое! А я так точно плюну в него, когда увижу!

– А я мимо пройду, – вдруг погрузнев, призналась Катя. – Знаешь, сделаю вид, что не знаю. Как думаешь, получится?

– У тебя? – зачем-то спросила Аня и тотчас ответила, – у тебя получится. Видишь, какой талант скрывала! Только интересно мне, дуре, потом что? Станет тебе легче? Да, кстати, Людка наша, Еловик, спросила, с кем её бывших одноклассников ты новый роман закрутила!

– Это про Сашку с Борькой? – догадалась Катя и стала заливаться краской стыда. – Не думала, что это так выглядит. Галя тоже не знает, с какого боку подъехать, ухмыляется только,

да и то, чтоб мальчишки не видели. Но если честно, мне как-то всё равно стало. Обидно получить удар от друга, а она мне с некоторых пор никто.

– Это правильно! – согласилась Аня и вернулась к тому, что чуть раньше оставила без внимания. – Значит, увидеть Лёню всё-таки хочешь?

– Хочу, – не стала лгать Катя и не сумела сдержать слёз. Аня тяжело вздохнула.

– Ладно. Время покажет, что делать. Уверена, уже к вечеру у нас будут кое-какие новости. Лёня обязательно где-нибудь всплывёт, не усидит дома. Слушай, может, позвонить ему? Ну, голос послушать, жив ли, нет?

– Не вздумай! Дай слово, что не будешь звонить!

– Нет – так нет! – отчеканила Аня и для убедительности подняла вверх обе руки. – Я так, сама не знаю, зачем ляпнула. Помочь охота, не могу смотреть, как ты мучаешься. – Она уже открыла калитку и вдруг оживилась. – Слушай, совсем забыла с этой любовью. Вам не говорили, что в ДОСААФе набор объявили в секцию парашютного спорта?

– Заходил какой-то дяденька. И что с того? Я у тётки на чердак залезла по лестнице, а обратно меня всей деревней снимали! Нашла парашютистку!

Катя собиралась высмеять собственную трусость, но Аня её опередила.

– Ясно! А я думала, мы вместе прыгнем. Вот веришь, с тобой хочу! А тебе значит, «слабо»!

– Ничего не «слабо»! – разозлилась Катя, – мне-то как раз терять нечего!

– А мне тем более! – обрадовалась Анька и сжала её в своих крепких, не по-девичьи, объятиях. – Только разрешение родителей нужно! В общем, записываемся, а потом уламываем предков. Так будет правильнее, а то мест всего ничего – двадцать пять, и это на весь город!

Видимо, именно так и совершаются подвиги: от неразделённой любви! Сама перспектива прыгнуть с парашютом оказалась настолько сумасшедшей, что помогла Кате смягчить сердечные муки и как-то дотянуть до четверга. Между тем Лёня как будто сквозь землю провалился.

– Итак, что мы имеем! – взялась подвести итог Аня, когда Катя зашла к ней по дороге в библиотеку. – Я зарядила всех, кому можно доверять: Лёню никто не видел. Я звонила ему раз сто, ни разу он не взял трубку!

– Аня!

– Что Аня? Я сама на нервах с этой вашей любовью! Встречу его, вообще, убью, если кто-то, конечно, его раньше не прикончил!

Взгляд Кати стал виноватым и испуганным.

– Прости. А про звонки я догадывалась. И теперь уже, честно скажу, мне важно услышать, что он скажет. Или вдруг он тоже мимо пройдёт, как я задумала?

– Вот! – воскликнула Аня и как символ важности своих мыслей подняла вверх указательный палец, – человеку всегда нужно дать слово! Мне моя сеструха, если помнишь, замужняя, уже не раз говорила, что мы, женщины, мастера мыслить шаблонами. Не додумывай! Бери свою книгу и дуй в библиотеку! Извини, я пас! Мамка до сих пор за ту тройку по русскому дуется. Скоро, кстати, должна прийти.

– Значит, бросаешь меня, так?

– Не бросаю, а даю тебе полную свободу действий. В общем, полагаюсь на твоё благоразумие. Рискую, конечно, а кому легко!

– Благоразумие? Это после того, как я с тобой на секцию записалась?

– А причём тут секция! Чем ты не довольна? Посмотри лучше, как хорошо всё складывается! Краммер ваш тоже пришёл, привёл с собой Андрюху! Хороший пацан. Не знаю, чего ты его боишься!

– Не боюсь, а побаиваюсь! Глаза, вечно, прищурит и изучает взглядом, как будто я инфузория какая-то или ещё хуже – туфелька!

– А туфелька хуже?

– Да ну тебя!

Аня возмущённо потрясла головой и вернулась к личности Андрея.

– Он всегда так смотрит! Фишка у человека такая! У меня, вон, закатывание глаз! Ещё я головой трясу, когда эмоции переполняют. У тебя улыбочка на все случаи жизни. Хрен поймёшь, что на уме! Что ни спрошу, плечами пожимаешь. У Алески твоей взгляд в упор. Мурашки по коже бегает. Не верится, прямо, что она тоже хохотушка, как мы с тобой! Борька ваш хихикает. Сашка смотрит исподлобья! Поняла?

– Поняла! Ещё как! Тебе только в психологи! Разобрала, что называется, по косточкам!

– Что ещё остаётся с вами! Никакого покоя!

– Покой нам только снится! – с улыбкой парировала Катя и выскочила за дверь. Улыбка какое-то время держалась на её лице, но по мере удаления от дома Ани становилась всё более грустной и наконец уступила маске озабоченности.

Душевные переживания выматывают человека больше, чем любая работа. Катя имела удовольствие убедиться в этом не один раз и даже понимала, наверное, почему победа над собой считается самой трудной. Правда, похвастать достойным результатом вряд ли могла и вряд ли могла понять все свои чувства. В последнее время – а с известных пор Катя ощущала это даже во сне – внутри неё как будто поселился какой-то другой человек, который всё время с ней спорил и почему-то всегда побеждал. И не она, он – полная её противоположность – искал встречи с Лёней, придумывая какие-то важные дела в центре. Всякий раз, отправляясь туда, Катя, как назло вспоминала взгляд Лёни в день их последней встречи, пристыженный и виноватый.

Город жил своей обычной жизнью. Полупустой днём, после пяти часов вечера он всегда оживал на время. Кто-то сразу бежал домой, кто-то заходил в гастроном в поисках чего-то съестного. Народ толпился на автобусных остановках, а также у ларька «Союзпечати». Изрезанный дорожками, сквер тоже не пустовал и, будто в честь какого-то события, был пронизан насквозь солнечными лучами. Осень достигла фазы уныния, и последняя улыбка солнца, уже скатившегося за здание универмага и нашедшего несколько проверенных лазеек, удерживала людей в местах его временного влияния. Знакомых лиц Катя не встретила, но вдруг поймала себя на мысли, что улыбается всем подряд. Солнце слепило глаза, и Лёню она заметила не сразу и именно тогда, когда обойти его не представлялось возможным. Наконец он тоже её заметил и, вдруг повернувшись всем телом, шагнул навстречу. Люди обходили их стороной, но Катя ничего не замечала: просто стояла и слушала удары собственного сердца, которое заглушило все звуки и, странно, больше не испытывала обиды.

9

Последние две недели Катя жила предвкушением праздника и не позволяла себе плохого настроения даже если на то были причины. Главный вопрос, который стоял перед ней – во что нарядиться на вечер – они с Аней решали сообща и сразу условились, что пойдут втроём, вместе с Лёней. Аня пока не обзавелась парнем и очень часто была третьей, но совсем не лишней, в этой компании. Взамен, охотно и совершенно безвозмездно, выполняла роль почтового голубя между влюблёнными.

В школу подруги чаще всего бегали вместе, а по пути обсуждали новости и, конечно, дела сердечные. Времени утром вечно не хватало, и Катя дожидалась Аню у ворот, а её настроение считывала сразу, как только та появлялась на высоком крыльце своего дома, который из-за жёлтой расцветки в любую погоду выглядел празднично.

– Что-то случилось? У тебя такая физиономия, будто ты ежа проглотила!

– Тебе показалось. Хотя, новость так себе. – Выбежав за калитку, Аня накинула крючок и только после этого посмотрела в глаза Кате, у которой от этого взгляда всё похолодело. – В общем, на вечер мы с тобой одни идём. Лёня уехал. Вернётся через неделю, не раньше. Что-то там с сестрой. Он не очень распространялся.

Тон, каким преподносилась информация, напоминал деловой, но взгляды, какими Аня сопровождала каждое слово, указывали на то, что чувства подруги для неё не мелочь, и она сама держится с трудом.

Получая удар, Катя не позволяла себе никакой реакции и этим очень напоминала некоторых представителей животного мира, замирающих в случае опасности. Все процессы происходили глубоко внутри, Аня понимала это, но всякий раз пыталась взломать систему.

– Да, знаю, слыхала, гонцов с плохой вестью лишали головы, вот только те времена прошли, к счастью! И не надо так вести себя, как будто я во всём виновата, если только в том, что у тебя телефона нет! Вечно я между вами болтаюсь!

Катя остановилась.

– Ну что ты глупости говоришь, я просто расстроилась. Ты здесь не причём.

– Тогда заплачь, что ли! Наори на меня! Я же понимаю, что ты чувствуешь! Мне, честное слово, легче станет. А то я со вчерашнего вечера сама не своя!

Пропустив мимо ушей Анины советы, Катя проявила интерес только к последнему факту.

– Значит, вчера звонил? Почему сам не сказал? Мы с ним вчера виделись, он, между прочим, в школу заходил!

– Срочное что-то, – взяв её за руку, примирительно предположила Аня и добавила взгляду сострадания. – Я понимаю: обидно, когда планы летят к чертям. Но с другой стороны, мы с тобой и без него справимся. Всё равно вместе хотели идти.

– Вместе, да, – подтвердила Катя и мотнула головой, – но без него не пойду.

Она умела быть решительной и, полагая, что разговор окончен, сразу повернула к лестнице, оставив Аню в недоумении.

Звонок звенел для других, чьи громкие голоса напоминали шипение масла на сковороде. Осенний бал. Теперь вечер в ПТУ. Сколько ещё в запасе у судьбы было испытаний? Что она опять задумала? И правда ли, что Лёня уехал к сестре? Катя не знала, откуда взялась эта мысль, но ни о чём другом не могла думать. Звонок с урока лишь усилил натяжение невидимых нитей. Чтобы не привлекать внимание, Катя вышла в коридор, прихватив с собой учебник, но только отошла к окну, как увидела Аню.

– Если ты думаешь, что я с тебя слезу, то плохо меня знаешь!

– Я уже поняла, – улыбнулась Катя, – но тогда и ты меня не знаешь. Я ведь только с виду такая покладистая. Сказала не пойду, значит – не пойду и точка!

– А я сказала – пойдёшь, иначе я не я буду! – не сдавалась Аня. Первая неудача её только распалила. Как только звенел звонок с урока, она появлялась перед Катей и ходила за ней тенью.

Пытка уговорами продолжалась три дня вплоть до субботы. Воистину, чтобы понять друг, нужно было жить в то время, в этом маленьком городке! Дискотеки ещё не успели войти в моду повсеместно, и в приоритете была живая музыка. На городских танцах исполняли песни советских авторов, зато сцена ПТУ предоставлялась в пользование местных знаменитостей, которым – насколько Катя могла судить в ту пору – блестяще удавалось перепевать зарубежные шлягеры.

Времена были таковы, что не позволяли молодёжи иных вариантов. Не во всяком доме имелся даже скромный проигрывающий пластинки инструмент. Пластинки тоже состояли в списке дефицитов. Но это была лишь часть правды. Многие зарубежные исполнители находились под запретом, а записи их концертов попадали в страну по неофициальным каналам. В немилость власти попали также советские группы и некоторые исполнители. Однако, как всегда бывает в таком случае, это лишь подхлёстывало интерес к их творчеству со стороны прогрессивной молодёжи.

Катя не относилась к их числу и разбиралась в музыке ровно настолько, насколько позволяло это странное время и условия её существования. Её отец, к счастью, когда-то интересовался музыкой, и радиолы в доме имелись и даже была своевременно заменена на более современную. Правда, не ради любви к музыке, а исключительно из-за радио «Голос Америки», которое на прежнем приёмнике работало неустойчиво.

Число музыкальных программ на телевидении было строго регламентировано, и, не перегруженный информацией, зритель поневоле тянулся к расширению собственного кругозора. Кстати, именно так – «Кругозор» – назывался один популярный музыкальный журнал, знаменитый своими гибкими пластинками. Иногда он делал поблажки молодёжи: так Катя обзавелась несколькими песнями «Boney M». Однако пределом её мечтаний была «Отель Калифорния».

Впервые эту песню Катя услышала на школьном вечере, ещё в девятом классе, и с тех пор – вся, до корней волос – покрывалась мурашками от воспоминаний о ней. Парадокс состоял в том, что сам оригинал она даже не слышала и полностью доверяла версии, которая звучала на вечере, сделав популярными это произведение, а также нескольких десятиклассников, рискнувших бросить вызов группе Eagles.

По авторитетному мнению «Грэмми», «Отель Калифорния» признали лучшей песней 1978 года! Разумеется, об этом Катя узнала позже и лишь теперь, из самого начала двухтысячных, могла судить о том, с какой быстротой распространяется музыка, которая не признаёт ни запретов, ни границ, ни национальностей.

Мечта Кати не отличалась оригинальностью: она хотела послушать музыку и станцевать с Лёней под эту песню. С ним она связывала также другие свои мечты. Но мечтать вместе с Лёней не получалось. Весной ему предстояло уйти в армию, а заглядывать дальше этой черты он не любил и не любил, когда это пыталась делать Катя.

Спорила она со своей судьбой или следовала ей, всё это осталось тайной за семью печатями, не подвластной никому, как никому не суждено было знать, как сложилась бы дальнейшая жизнь Кати, не будь Аня такой настырной.

– Ань, никуда я без него не пойду! Я тебе вчера это сказала сто раз, сегодня тысячу. Даже дома от тебя покоя нет. И не надо так смотреть на меня! К сестре он поехал или куда-то ещё мне безразлично. Я остаюсь дома.

– Так! – начала что-то соображать Анька. Взгляд следователя удавался ей лучше всего, и она не стала пренебрегать этим. – Колись! Я чего-то не знаю? А я думала, мы подруги!

В её голосе сквозила обида, и Катя не удержала свой секрет.

– А вдруг он к Юле поехал, а про сестру наврал? Вот потому и сообщил об этом через тебя. По телефону легче соврать, ведь так?

Аня вытаращила глаза. Было видно: она всего могла ожидать, только не этого.

– С чего у тебя такие подозрения? Насколько мне известно, Лёнька ещё тогда порвал с Юлей. Вот его одноклассники и хотели тебя покалечить. И про вечера под твоими окнами не врал: слово в слово повторил всё, о чём мы болтали в тот вечер.

– Помню, Аня. Всё, вроде бы, сходится. Но, порой, такое ощущение, что он между нами так и рвётся. Вроде, со мной, а сам далеко мыслями. Не говорила тебе, принёс как-то пластинку и крутил два часа без остановки. Потом поднялся и, ничего не сказав, ушёл.

– Что-то стоящее, надеюсь? – решила пошутить Аня и, поняв свою ошибку, тотчас повинулась взглядом.

Катя поколебалась минуту и всё-таки закончила.

– Стоящее, сама посуди: «Помнишь, как любовь к нам с тобой пришла первая? Прозвенел звонок, начался урок пения. Ты вошла в наш класс, я ещё не знал, кто ты. Вместо пылких фраз я тебе послал ноты. Там было: до фа фа фа, соль фа соль фа ми до си ми ми ми до си до си соль си до», – она с трудом допела до конца. Аня сморщилась, но не отказалась задать разговору другой тон.

– Хорошая песня. «Синяя птица», кажется. А песня «Урок сольфеджио» называется.

– Ты издеваешься? Здесь же чёрным по белому! Я – если б даже не знала, всё поняла! Она тоже новенькая, пришла к ним в класс посреди урока. Вряд ли только на уроке музыки, в 9-ом её уже нет. Что-то же он хотел этим сказать! – Катя усмехнулась своим мыслям, потом тяжело вздохнула и озвучила вывод. – Так вот: куда бы он ни поехал, с меня хватит! Я остаюсь дома. Поплачу. Разберусь в себе. Может, и пойму что делать.

– Что делать, – взвилась Аня, – ты будешь думать после того, как мы на вечер сходим. Забыла, как мы его ждали! Весь город ждал! Поплакать успеем! Обещаю составить тебе компанию. Или ты из принципа не можешь такое важное мероприятие отложить?

– Считаю, что из принципа! – с вызовом бросила Катя и отвернулась, пытаясь понять, правильно ли поступила, когда выдала свой секрет. Вряд ли она боялась за его сохранность – Аня отличалась надёжностью банковского сейфа – Катя не хотела обременять её больше какой-то допустимой меры, только и всего. И вдруг поняла, что уже позволила этому случиться.

Тем временем Аня прочувствовала свою ошибку и вернулась к тому, что для Кати представляло особую болезненность.

– А потом? Ну, говоришь, два часа крутил пластинку? Потом ушёл?

– На следующий день пришёл, как ни в чём не бывало. Но осадок остался. И вообще... Иногда замечаю в нём что-то такое, что мне не нравится. На людях один, со мной другой. Иногда угрюмый. Запросто может обидеть и не извиниться. А мне, знаешь, жалко тратить время на выяснение отношений. Если честно, я как-то по-другому себе любовь представляла.

На этот раз Аня слушала очень внимательно, ни разу не перебив, потом вынесла вердикт, который больше напоминал диагноз.

– Знаешь, что я скажу, ты просто немного устала, запуталась, обиделась, что он вот так уехал. Нет, я ещё понимаю, если б он тебе запретил! Так нет же, просил, чтоб я с тобой ходила!

– Ещё скажи – умолял! – сказала Катя и рассмеялась.

– Ты – дурочка, что ли? – мгновенно отреагировала Аня и бросилась в наступление по всем фронтам. – За что ты себя наказываешь? Мы так мечтали услышать эти песни! Ну, уехал Лёня! Тоже мне горе! Ты, как влипла в эту свою любовь, так только и делаешь, что хандришь! Дура просто какая-то! И дёрнул меня чёрт дружить с такой дурой! – Она собиралась заплакать, но вдруг, будто испугавшись чего-то, сделала взгляд молящим и буквально вцепилась им в Катю. – Катюша, я не переживу, если ты не увидишь этого! Ну, только представь Монгола,

Барабана или лучше всего Ваську Ромашко! – Назвав несколько громких для Подвилья имён, Аня резко воздела руки к люстре на потолке и запела. – О, Белладонна, ай ла-ла-ла-ла!

Исполнение оставляло желать лучшего, но это был удар прямо в сердце. Катя бросила взгляд в сторону часов и, поняв, что времени для сборов почти не осталось, объявила итог сражения:

– 1:0 в твою пользу. Умеешь ты, Анька, найти ключик к моему сердцу.

Аня взвизгнула и, подпрыгнув на радостях, задела рукой люстру, которая угрожающе закачалась из стороны в сторону.

– Катька, я, наверное, пять килограммов сбросила за эти два дня! Боюсь, по дороге брюки потеряю!

– Вот! – Катя подняла вверх указательный палец и бросилась к шкафу. – Я, наверное, тоже брюки надену. Только не знаю, что к ним подобрать. Помогай, раз уж тебе так повезло с подружкой.

– Ну, не знаю, – явно давая понять, что выбор Кати не слишком ей нравится, Аня быстро отыскала взглядом красную юбку, потом достала её и приложила к себе. – Может, лучше юбку? Обожаю её! Она так тебе идёт!

– Нет, только не эту! И тебе не дам. Она же Лёнькина любимая. Не хочу, чтоб что-то напоминало о нём. Лучше платье!

– Платье мне тоже нравится, – с несвойственной ей поспешностью согласилась Аня, но, смерив подругу взглядом, замотала головой, – мрачновато, ты не находишь? К тому же прохладно, и придётся поддеть что-то. Пусть даже белая молния освежает, слишком строго получается. Во! На похороны идеально!

– Ага, на похороны любви, – мигом подхватила Катя и не сумела сдержать слёзы, взбухшие в глазах. Однако взгляд стал благодарным. – И зачем ты только со мной возишься?

– Из-за справедливости! – не моргнув глазом, отрезала Аня. – Просто, если ты, конечно, можешь понять, за тебя обидно. Я-то все эти песни слушала у своих одноклассников, а ты так и не воспользовалась приглашением Борьки и Сашки. Прямо, съедят они тебя!

– Не съедят, но неудобно как-то. Явлюсь такая, рассядусь на их диванах и музыку буду слушать! Что родители скажут?

– Да у них нормальные родители, прости, господи, не то, что наши! Дверь закроют и не будут мешать! А потом ещё и чаю предложат, как у нашего Трофимова было.

– Нет уж, я лучше на вечер! – отказалась от такой перспективы Катя. – Потом как-нибудь и записи послушаю. Не готова я по гостям шастать! Ещё не хватало!

Говоря это, она обыскивала глазами свой гардероб. Вряд ли можно было назвать изобилием то, что она видела, но при умелом подходе, комбинируя одну вещь с другими, ей удавалось создать несколько ярких комплектов, которые нравились её подругам. Гольф, чёрный, из приятной на ощупь, эластичной ткани, выторгованный у поляков, которые приезжали к родственникам на соседнюю улицу, был, можно сказать, палочкой-выручалочкой и подходил ко всему. Катя сбросила с себя школьную форму и через минуту предстала перед Аней с сияющим лицом. Бывали такие дни, когда она себе нравилась. Сегодня был именно такой день.

– Класс! – восхищённо воскликнула Аня, – совсем другое дело! Сегодня тебе чертовски просто идёт чёрный цвет. Я уж не говорю о том, как он подчёркивает значимость момента!

Катя кивнула. О каком моменте упомянула Аня, она вряд ли понимала, но теперь точно знала, что та читала книгу её судьбы или – что тоже верно – была послана ею.

10

Когда подруги достигли цели, зрительный зал бурлил от нетерпения. Обычные для любого клубного заведения того времени кресла, сколоченные по несколько штук, громоздились в два этажа по всему периметру. Святая святых, сцена, опутанная проводами и заставленная аппаратурой, безмолвствовала, но лишь подхлёстывала любопытство тех, кто нашёл себе местечко, и тех, кто только прибыл. Сарафанное радио работало лучше любых афиш, и поток молодых людей не прекращался.

Чего-чего, а зрелищ в Подвилье имелось предостаточно. Необходимую долю разрешённых удовольствий молодёжь получала на регулярных школьных вечерах, городских танцах и здесь, в ПТУ, которое готовило специалистов для сельского хозяйства. Здесь можно было посмотреть фильм, причём, совершенно бесплатно, послушать музыку, потанцевать и познакомиться. Нередко именно в этих стенах завязывались отношения, которые приводили людей в ЗАГС. Семья в те времена считалась ячейкой общества и охранялась государством. В школах преподавалась этика и психология семейной жизни. Разводы не приветствовались, а за подобное неблагоразумие люди расплачивались партийным билетом или карьерой.

Время, объявленное началом, давно вышло, и толпа стала проявлять признаки беспокойства. Однако границ дозволенного никто не переходил. Нарушение правил могло повлечь строгие ограничения, вплоть до прекращения вечера.

– Скоро здесь яблоку негде упасть будет! А ты идти не хотела, дурочка! Слушай, мне тут сказали, что Антонов тоже когда-то на танцах пел! Я, честно говоря, в шоке!

– А ты не знала? Точно знаю, что в Молодечно, – улыбнулась Катя и уже открыла рот, чтобы выдать источник, что снабдил её столь ценной информацией, как вдруг застыла, уперев полубезумный взгляд в сторону входа.

Аня сразу встревожилась.

– Ты чё, Кать? Ты что побледнела? Что с тобой?

Катя не отвечала. Она вообще перестала слышать голоса и звуки и, казалось, попала в другой мир, без стен и потолков, разукрашенный в необыкновенно яркие цвета, которых до этого не существовало в природе. Сердце колотилось в висках, в животе, вырывалось из груди. Глядя в одну точку, она никого не видела, кроме парня, который только что вошёл в зал, и сначала дождалась, когда он снимет шапку, и только после этого озадачила Аню вопросом:

– Ань, а кто это?

– Где? – не поняла та и принялась вертеть головой.

– Ну, вон, вошёл в голубом и красном, – уточнила Катя, махнув рукой в сторону входа. Незнакомец к тому времени спустился в зал и остановился в группе парней неподалёку от сцены. Уточнение сработало. Аня поняла, о ком речь и даже изобразила некое подобие радости.

– А-а-а, так это же Лёшка Астахов! Я с ним за одной партой в первом классе сидела, – пояснила она и, не позволив Кате опомниться, толкнула в спину обеими руками.

Эффект неожиданности вместе с силой удара оказались совсем не в пользу Кати. Всячески пытаясь сбросить скорость, она уткнулась в спину Лёши, потом узнала песню и, утонув в его огромных глазах, передумала извиняться и пригласила на танец.

Музыканты играли «Отель Калифорния».

Когда Катя с Лёшей вышли на улицу, оказалось, что наступила зима. Ветер к ночи совсем утих, и снег ложился на землю с бережной осторожностью, будто заметал их следы, пряча от любопытных глаз.

Говорят, когда встреча двух людей похожа на чудо, это судьба. Вряд ли Катя могла знать об этом, но всеми силами пыталась удержать время, осознавая какой-то частью себя, что про-

шлое и будущее, эти извечные спутники тревоги и беспокойства, мешающие человеку наслаждаться действительностью, утратили над ней власть. Привычный груз опыта, страха, сомнений – всё это было не про неё. Лёгкая, как мотылёк, она была собой, какой себя ещё не знала, лишь иногда смущалась под взглядом Лёши, а потом снова ждала, что он посмотрит и улыбнётся, едва подняв уголки губ. Память фиксировала каждый жест, каждую мелочь. Будто два странника из далёких и непостижимо близких миров они бродили по спящим улочкам города и говорили, не переставая. Темы рождались сами собой, легко и просто, и Катя ловила себя на мысли, что знает этого человека не первый год и уже говорила с ним обо всём, не один раз, поэтому предвидит то, что он скажет и даже как поведёт себя в следующий момент. Сдержанная по натуре, упрямая в панцирь запретов и комплексов, она не избавилась от них и всё-таки совершенно себя не узнавала. И хоть окоченела до дрожи внутри, не соглашалась поставить точку, – увлекала своего спутника – то в одну сторону, то в другую, и всякий раз, оказываясь у своего дома, символично водружённого на перекрёстке двух дорог, испытывала горечь какой-то огромной, невосполнимой утраты.

О Лёне Катя вспомнила дома, оказавшись в своей постели, и как-то вдруг, будто шла по лесу и увидела что-то страшное. Но даже в эту минуту осознания собственной вины видела перед собой глаза Лёши, продолжая разговаривать с ним мысленно и ощущая мурашки по всему телу от его взгляда и голоса. Что это было? Помутнение рассудка? Мираж? Сон? Катя на всё соглашалась только бы забыть о своём поступке, который оказался во сто раз хуже того, что совершил Лёня в ту памятную субботу после Осеннего бала. Сколько она пролила слёз в эту подушку, измучившись! Сколько получила косых взглядов, каждый из которых был будто нож в спину! Лёня ещё не знал, что предан, но она ненавидела и презирала себя со всей мощью своей чистоты и невинности.

Дать волю чувствам Катя хотела сразу, но сдерживалась из-за мамы, которая иногда ночевала здесь, в этой крохотной комнате с двумя кроватями. Слёзы сначала душили её, потом хлынули лавиной. Сдержат их не получалось. Прижавшись к холодной стене всем телом, Катя закрыла рот рукой, потом одеялом, как вдруг почувствовала на себе тёплые мамины руки.

– Что ты, девочка моя! Не плачь! Чшшш! – Пытаясь хоть как-то её успокоить, Надежда Ивановна гладила Катю по спине, по волосам, ни на миг не останавливаясь и ни о чём не спрашивая. Худшей пытки нельзя было придумать. Уворачиваясь от этой нежности, Катя вырывалась и вздрагивала от каждого прикосновения, как от удара плетей. Наконец, когда силы иссякли, резко развернулась и выдохнула:

– Мама, я изменила Лёньке!

Признание далось с трудом. Слёзы не останавливались. Катя боялась моргнуть и взглядывалась в родное лицо с таким трепетом, будто ожидала приговора высшего суда, не слишком надеясь на его милость. Взрослея, она перестала делиться с мамой своими переживаниями и бедами. То не хотела выглядеть глупо, то боялась огорчить. Сейчас был тот редкий случай, когда чувства не уместались внутри, били фонтаном, требовали живого участия. Катя сжалась, готовая к новому удару и вся превратилась вслух, как вдруг услышала голос мамы.

– Целовалась?

– Что ты, мама! – возмущённо отпрянула она, – нет!.. Но он мне очень понравился, – уже совсем тихо, словно боясь огласки своей тайны, призналась Катя и снова заплакала.

Надежда Ивановна понимающе улыбнулась и прижала её голову к своей груди. На Катю пахло запахом маминого тела. Тёплое ото сна оно источало тонкий аромат молока, для любого человека – аромат детства, той самой лучшей и по-настоящему счастливой поры, когда мама может решить любую проблему, просто прижав к себе, а потом подув на больное место. Всклипнув несколько раз, трогательно, совсем по-детски, Катя придвинулась к маме всем телом и потом обняла обеими руками.

– Это не измена, доченька. Поверь мне. Засыпай, а плакать не надо. Вот увидишь, утром тебе будет легче.

Так ли это, Катя не знала, но уснула в тёплых маминых объятиях, а потом всю ночь гуляла с Лёшей по заснеженным улицам Подвилья и мечтала о том, чтоб это никогда не заканчивалось.

11

– Давай, Катюша, поднимайся. Отец ушёл. А я с тобой голодная. Знаю ведь, давно не спишь, вертишься. – Надежда Ивановна говорила в открытую дверь и, увидев, что дочь поднимается, вернулась к своим делам, но продолжала делиться впечатлениями о сюрпризе, который преподнесла погода.

Катя не отвечала и не очень слушала. Все её потребности на данный момент сводились к тому, чтобы никто и ничто не напоминало о вчерашнем происшествии. Собственно поэтому и провалялась в постели дольше обычного, что хотела оттянуть неприятный разговор. И хоть чувствовала себя гораздо лучше, не принимала свой поступок и ни на минуту не переставала ругать себя.

– Что, даже не причешешься?

– Обойдусь, – Катя умылась, даже не взглянув на себя в зеркало, и села за стол. – Сырники? – Её лицо посветлело.

– Сырники. Решила тебя побаловать. А вечером блинчиков напеку. Ты ешь, ешь, пока горячие. – Надежда Ивановна кивнула в сторону окна. – Надо же, что погода вытворяет. Который год без снега Новый год отмечали, а в этом году, похоже, будем со снегом.

Катя улыбнулась и приступила к еде. Мама часто угадывала её мысли и даже желания, но сегодня превзошла себя: ни взглядом, ни делом не напоминала о том, что случилось.

Аня, забежав к обеду, беззаботно и весело болтала о всяких пустяках. Катя слушала её и глупо улыбалась. День тянулся бесконечно – сначала от завтрака до обеда, потом от обеда до ужина. Она не могла дожидаться, когда наступит ночь, и, как только забралась в постель, отдалась на волю воспоминаний, а потом смотрела всё тот же сон, где не было никого, кроме неё, Лёши и города, в который без объявления, в один день, нагрянула зима. Нагрянула и с тех пор мела, не устая и будто навёрстывая за те несколько лет, что была скупа на снег и морозы.

К четвергу город успели расчистить. Пушистые шапки снега, украсившие крыши домов, заборы, козырьки и отливы, не выдержали собственной тяжести и осыпались на землю. И только деревья пока ещё хранили своё убранство, хрупкое, нежное – до первого ветерка. Катя не припоминала такой красивой зимы и не могла вспомнить, когда в последний раз улыбалась. Если только наблюдая за птицами, которые опять устроили пиршество на кустах сирени. Каждую зиму она подкармливала их, сама делала кормушки. В этом году, со всеми волнениями, выпустила из вида.

– Тук-тук! – Голос Ани извинялся и как будто спрашивал, есть ли в доме кто-то из взрослых.

– Одна я, заходи.

– Слава богу, улыбаешься! А я с доброй вестью. Лёнька вернулся. Стрелку на шесть забил.

– На шесть? – зачем-то переспросила Катя, и этим ненужным вопросом окончательно себя выдала. Аня не растерялась и подсказала решение трудной задачи, над которой Катя билась все эти дни.

– Да рада ты, рада, просто не знаешь, что сказать! Уверена просто: ходишь и разговариваешь с ним. Не так?

– Так.

– Так вот, не вздумай ничего говорить! Меньше знает, лучше спит. Поняла?

– Поняла, Аня. Только ему всё равно скажут! Пусть не сегодня, потом, и будет ещё хуже. Так что я сама лучше. Уже с трудом терплю, если честно.

Аня возмущённо мотнула головой.

– Сама так сама, только скажи, не забудь, что это я тебя толкнула. – Лицо её вдруг стало виноватым. – Хоть убей, не знаю, что на меня нашло! И вообще, сидели бы мы лучше дома! Или знаешь, давай я с тобой пойду. Расскажу ему всё, как есть!

– А как есть, Аня? Лично я рада, что ты меня на этот вечер вытащила. Что с Лёшей познакомилась – тоже рада. – Катя смутилась этих слов и всё равно продолжила. – Мне другое покоя не даёт: я ведь думала, что знаю себя, оказалось, со-о-овсем не знаю! стыдно просто, понимаешь? Даже в зеркало на себя смотреть не могу!

– Ну ты и дура, Катька! – не стала молчать Аня. – Не знает она себя! Я тебя знаю! Уверена, даже за руку себя не разрешила взять! Что ты такого сделала, если разобраться? Гуляли, про книжки всякие говорили. Не так, что ли?

– Почти. Я поскользнулась, и он удержал меня за руку.

– И что? Всё сказала? Или ещё есть пикантные подробности? Самой не смешно? Знаешь, дуй-ка ты к своему Лёничке, а то опоздаешь! Мне с вами молоко бесплатно полагается, за вредность! Только я его не люблю! Если что, я дома.

Дверь захлопнулась раньше, чем Катя успела найти слова. Озвучив мысли, которые до этого упрямо наматывались на шпильку с названием «если», она испытывала некое подобие облегчения. И всё же не очень представляла, как будет смотреть в глаза Лёне. Считалось это изменой или нет, она совершила подлость и давно для себя решила, что не заслуживает ни Лёни, ни Лёши, ни кого-то ещё.

Где и когда произойдёт свидание, всегда было немного тайной. Лёня жил у больницы, на противоположном конце города, и передавал через Аню лишь время выхода из дома. И так уж повелось, что именно Катя успевала пройти большую часть пути, встречаясь с ним за сквером или на повороте к парку. Сегодня она тоже не слишком надеялась на что-то другое, как вдруг увидела его переходящим улицу у почты и остановилась, пытаясь осознать, тот ли это человек сорвал с головы шапку и бежит навстречу, не глядя по сторонам.

Катя следила за ним глазами и совершенно себя не узнавала. Каким-то другим, незнакомым, новым, казался не только город, весь мир. Хватило нескольких дней и одного единственного нового человека.

Лёня ничего не заметил, быстро пересёк наискосок ещё одну улицу и, подхватив Катю, как пёрышко, стал кружить, не обращая внимания на недовольные взгляды прохожих. Застигнутая врасплох его открытостью, Катя рассмеялась.

– Я так соскучился! – воскликнул он и, наконец, опустил её на землю. – Как ты тут без меня, не шалила?

Глаза Лёни сияли радостью, чем подтверждали его неведение, но Катя не стала менять планов.

– Не очень, – призналась она и добавила недостающих подробностей тем самым голосом, которым обычно усыпляют бдительность. – Меня Лёша Астахов проводил домой. Мы просто говорили. Вот и всё.

С лица Лёни сползла его обычная уверенность, и он уставился на Катю таким взглядом, будто отказывался ей верить. Мысленно Катя уже побывала в этой точке, причём не один раз, и всякий раз видела перед собой разгневанного, оскорблённого в лучших своих чувствах, человека. Сейчас перед ней стоял кто-то другой и настолько несчастный, что преуменьшить истинные потери показалось ей самой разумной мерой.

– Лёнь, ну это же не серьёзно, ты понимаешь, – сказала она и тотчас подтвердила эти слова правдивым взглядом. Соврать оказалось легче, чем выбирать между одним и другим. Но самое странное, к этому Катю подталкивал также и взгляд Лёни, которым он ощупывал её лицо и, казалось, искал на нём опровержение этому неприятному факту. Наконец тяжело выдохнул из себя досаду и, взяв Катю за руку, потащил в сторону сквера.

– Нас там ждут. Мы, вроде как, в кино идём. Надеюсь, Лёша не очень обидится? – нахмурив брови, сострил Лёня и, наконец, сделал взгляд обиженным.

Катя сразу затормозила и взмолилась.

– Лёнь, ты либо убей, либо прости!

– Да ладно! Пойдём уж! – бросил он и увлёк её за собой, обречённо махнув свободной рукой.

Для Кати поведение Лёни стало полной неожиданностью. Окончание этого вечера она представляла себе совсем по-другому. Скандал, разрыв, громкие обвинения. Катя переключалась на фильм, а потом снова копалась в себе и, то, казалось, потеряла что-то важное, то нашла, но пока не могла найти этому должного места. Но главное, чего никак не могла ожидать, что-то новое читала в глазах Лёни, который больше не смотрел на неё, как раньше, сверху вниз, а подолгу задерживал внимательный, а порой и печальный взгляд и потом усмехался своим мыслям.

Вот только Лёша не исчез из её мыслей полностью. Как бы она не запрещала себе, как ни пыталась вытеснить из своего сознания то ощущение чистоты и свежести, покорившее её душу при встрече с ним, он возникал миражом, чаще всего, перед сном, когда никто и ничто не мешало этому.

Катя жила так второй месяц и уже почти уверовала в то, что это был мираж, как вдруг столкнулась с Лёшей лицом к лицу прямо на улице.

Узкая обочина сработала как ловушка. Лёша остановился первым, но даже не подумал скрывать, что рад и счастлив такому стечению обстоятельств. Ничего предосудительного в том, чтобы обменяться несколькими словами, не было, но Катя не понимала, что творится с её сердцем и, кивнув коротко, опустила голову и прошла мимо. Однако чем дальше уходила от этого места, тем больше понимала, что сама судьба берегла их двоих для каких-то своих игр и даже назначила день и час. Сегодня – лишь подтвердила свои намерения. Кто мог подумать, что это только начало её забав.

12

Сбываясь в срок, мечта попадает в архив. Не сбываясь, превращается в навязчивую идею. Сбываясь с опозданием, может стать спасением, а может – несчастьем или бедой.

Все эти открытия, которые рано или поздно делает каждый человек, были у Кати где-то впереди. Одно не подлежало сомнению: на пути познания жизни и её законов, включая знаменитый закон подлости, она стояла обеими ногами.

– Ты, доченька, прямо на себя не похожа, – заметив странности в поведении дочери, не выдержала Надежда Ивановна. – Задумаешься и сидишь, в одну точку смотришь. Спрошу, не слышишь.

Катя вспыхнула, но лишь пожала плечами. Всего она могла ожидать от Лёни, но только не приглашения на вечер в его школу. Бывая там регулярно, Лёня успел использовать весь набор отговорок, чтобы не брать её с собой. И вдруг ясно дал понять, что не примет отказа.

– В Лёне дело? – снова решилась на вопрос Надежда Ивановна и, подумав, добавила, – не простил, может?

– С чего ты взяла, мама! Наоборот, в субботу идём с ним на вечер в его школу.

Катя очень старалась произнести это бодрым голосом, но что-то в нём насторожило её маму, которая сразу нахмурила брови и снова обратилась с вопросом.

– А этот парень, Лёша, кажется, не там учится? Даже не знаю, что сказать! Проверку тебе устроил? Для него твой взбрык, конечно, удар по самолюбию. Сама-то ничего не хочешь мне сказать?

– Что, мама? Не понимаю, о чём ты! Если о нас с Лёней, то всё хорошо. Правда!

– Я верю-верю, – замахала руками Надежда Ивановна, – просто беспокоюсь. Твой отец тоже присмирел, когда понял, что птичка могла упорхнуть из клетки, а теперь измывается. Самолюбие, знаешь, это такая штука, которую ничем не успокоить. Уж я-то знаю. Так что не ходила бы ты, мой тебе совет. Скажу, заболела. Мне поверит.

Катя опешила. И Алёся, и Анька, и мама – все в один голос упрасивали её не ходить на этот вечер, но, видимо, у неё тоже имелось самолюбие, и оно не позволяло ей трусить.

– Сама натворила делов, мне и отвечать, – коротко, но твёрдо ответила она, потом смягчила голос. – И не волнуйся. Если это экзамен, то я к нему готова. И не надо этих сравнений. У нас с Лёней другая история.

– Ах, вот в чём дело! Ну, как знаешь, дочка, тебе видней.

В голосе Надежды Ивановны чувствовалась насмешка, но Катя решила не обострять больной вопрос. Лёня представлял интерес и для неё тоже: когда она была верна ему, позволял себе всякие странности, теперь – в своём отношении к ней – был безукоризнен. Ни разу – ни словом, ни делом не напоминал о её проступке. Она, разумеется, наступила на его самолюбие, в этом Катя не сомневалась, но вместо того, чтоб потерять, только приобрела от этого шага. Лёня изменился и изменился в ту лучшую сторону, которой она могла совсем не узнать. И теперь всё чаще смотрела на него каким-то другим взглядом, в котором вместо прежней слепоты влюблённости появилось нечто жалостливое, сродни материнскому. И это был ещё один секрет, который Катя не открывала даже самой себе.

Самоуверенность юности – это корабль, который несётся на рифы на полном ходу. К чёрту чужие карты и лоции. Ты сам управляешь им, и это главное. И совершенно неважно, что этот маршрут не нов, что ты не первый и не последний, кому не терпится обойти всех на этом пути и первым достичь благословенных берегов счастья. Всё получится. Главное верить. Наверное, Катя тоже рассуждала подобным образом, сейчас она уже не помнила. Поэтому отказалась прислушаться к своему сердцу, которое больше, чем о себе, беспокоилось о чувствах других людей, и всё же больше всего – о безопасности Лёши.

Пытаясь нащупать мотив в поступках Лёни, она совершенно запуталась. Брать её с собой, когда весь город только и говорит о том, что она наставила рога своему парню, казалось верхом сумасбродства. И верхом глупости было не учесть тот факт, что редкая драка в этом городе обходилась без Лёни. Как показала встреча с Лёшей, он или совсем не умел скрывать чувства, или не видел в этом необходимости. И Катя всерьёз опасалась, что Лёня воспользуется правом обиженного и на глазах у всей школы преподаст ему урок.

Кто там что-то имеет против женской логики! Бойтесь женской фантазии! К назначенному дню Катя так вымоталась, что напугала Лёню.

– Ты не заболела? Температуры нет? – спросил он, едва вошёл в дом.

– Нет-нет, голова немного болит. Это от недостатка свежего воздуха. Как пришла из школы, так и не выходила на улицу.

Катя осмотрела себя в зеркале и, собрав в кулак остатки самообладания, улыбнулась Лёне через собственное отражение. Как и было заказано, она надела его любимую красную юбку. Прямая, с разрезом спереди, она подчёркивала стройность фигуры и действительно очень шла Кате, но сегодня, кроме того, подчёркивала цвет её щёк.

– Когда горят щёки, кто-то тебя хвалит. Если уши – обговаривает. Не знаю, правда ли, мама так считает.

– И моя тоже, – улыбнулась Катя и, ей показалось, покраснела ещё больше. Поводов для пересудов она предоставила достаточно, но если кого могла винить в этом, то только себя. Уже успела понять, что самое сложное в жизни – не усложнять себе жизнь.

– Я тоже нарядный, не бойся. – Лёня сделал шаг назад и, распахнув полы своей шубы из искусственного меха, выполнил разворот на одной ноге. На Катю пахло ароматом его одеколона. – Нравится? – Лёня озорно блеснул глазами и улыбнулся загадочно.

– Конечно, нравится. Девушки будут в восторге.

Катя пожалела, что сказала это, но Лёня в долгу не остался.

– Ну и хорошо. Нельзя терять формы! – потом подмигнул ей.

Обычно скупой на слова, сегодня он был как никогда разговорчив и всю дорогу до самой школы развлекал Катю всякими смешными историями из школьной жизни. Однако сразу поменялся в лице, когда понял, что танцы ещё не начинались.

– Что за фигня? Мы с тобой, вроде, не торопились! На кой нам их песни про партию и комсомол! Мне телевизора хватает! Как ни включишь, одно и то же! Ободзинского, вон, сожрали, когда он отказался про партию петь! – Лёня готов был развернуться, но смех зрителей быстро улучшил его настроение. – О, другое дело, – быстро передумал он и, схватив Катю за руку, потащил за собой. Шёл быстро, раскидывая колени в стороны, и, достигнув дверей, протолкнул её вперёд себя прямо в толпу опоздавших. Сам встал чуть позади и обеими руками обхватил Катю за талию.

В зале не осталось свободных мест, и вся эта живая и жадная до дешёвых зрелищ масса обрушилась на них всем своим любопытством. Этого момента Катя больше всего боялась. Лёня, напротив, совсем не закрывал рот и, как ей казалось, прятал что-то за этой не свойственной ему словоохотливостью, сдабриваемой смешками.

– Толян – Трубадур, вот умора! Про вечер сказал, а про главную роль не стал распыляться! Получит у меня! Лишил такого удовольствия! Шпана.

Катя терпеть не могла это слово, которым он будто бы жонглировал безо всякой на то надобности, однако улыбнулась и вновь вернула взгляд на сцену.

Постановка «Бременских музыкантов» в версии данного учебного заведения, располагающего собственным актовым залом, выглядела пародией, но именно в этом, видимо, и состояла её прелесть для зрителей, которым с появлением Лёни и его девушки пришлось делать непростой выбор между любопытством и любовью к искусству. Финал этой знакомой каждому истории был близок, и любовь к искусству оказалась важнее.

Раз уж Катя согласилась в этом участвовать, то точно не затем, чтоб восхищаться игрой артистов. Зал, следуя желанию увидеть Лёшу, она обыскала дважды и почти потеряла надежду, как вдруг обнаружила его среди друзей Трубадура, которые появились сразу, как только король обрёл свободу. Зрители аплодировали, а Катя пыталась унять эту предательскую дрожь во всём теле, которая возникала при одном упоминании этого имени. Если Лёня хотел устроить экзамен, то теперь было самое время посмотреть в глаза Кати. Там было всё – от страха до ожидания чуда, как у человека, уверовавшего в бога и впервые попавшего в храм. Но Лёня видел только её макушку.

Воссоединение любящих сердец подняло зрителей с мест. Овациям могли позавидовать лучшие театры мира. Артисты несколько раз выходили на поклон, наконец, выстроились в ряд и тоже аплодировали вместе с благодарной публикой. Катя избегала смотреть в сторону Лёши и всё же заметила, что повышенное внимание его сковывает. Место на сцене, в шаге от кулис, служило лучшим тому доказательством.

– Пойдём, шмотки в гардероб сдадим, – сказал Лёня и, взяв Катю под локоть, вывел в коридор. – Пока стулья растащат, аппаратуру на сцену вынесут. Знаю я эту историю. А пока школу тебе покажу. Класс, в котором учился. Даже не верится, что в армию скоро.

Он сказал это и ненадолго исчез за ограждением гардероба. Когда вернулся, Катя не стала ждать другого случая.

– Ты можешь не верить, конечно, но я буду ждать тебя.

– Да ладно, – небрежно бросил Лёня и стал подниматься по ступеням на второй этаж, – вон, пацаны рассказывают: первые полгода письма ещё приходят, а вот потом – приглашения на свадьбу. Только, знаешь, я не в обиде. Это личное дело каждого.

Он произнёс последнюю фразу и, наконец, повернулся лицом, на котором надёжно закрепил маску полного безразличия. Всё это – в том или ином воплощении – Катя уже слышала, не один раз, и не исключала, что Лёня попросту провоцирует её на какие-то действия, возможно, ждёт клятв, заверений в верности. Время стремительно неслось мимо, приближая тот день, когда вооружённые силы примут в свои ряды новых мальчишек, чтобы сделать из них мужчин. Историей с Лёшей Катя подпортила себе репутацию и просто пообещала самой себе, что непременно дождётся Лёню и будет писать ему каждый день, не меньше двух листов.

Вряд ли она способна была понять, что попала на наживку, как маленькая глупая рыбёшка – Лёне оставалось лишь подсечь добычу – и он вдруг снова начал шутить, рассказывать всякие смешные истории, мрачней лишь в те моменты, когда открывал дверь и заглядывал в пустой класс. Как было не поддаться искушению, отпустив собственную фантазию так далеко, чтобы рассмотреть в мельчайших подробностях даже тот день, когда он возвращается из армии ещё более красивый, возмужавший, без этих мальчишеских выходов, режущих слух словечек. Любуясь им, Катя всего лишь торопила время и угождала каким-то своим амбициям, тщеславию, но никак не сердцу и не разуму. Спор между ними не прекращался даже сейчас, пусть даже она и разрешила себе искупаться в жарком омуте Лёниных глаз до головокружения.

Тишина верхних этажей принадлежала им одним и нарушалась лишь звуком их шагов. Отскакивая от стен, он тотчас искажался эхом пустых коридоров и разлетался в стороны, создавая иллюзию присутствия кого-то ещё. Прошлое шло по следу, будоражило воображение и в какой-то миг всё-таки настигло Лёню, заставив замолчать. Прислушиваясь к голосам, которые доносились снизу, он иногда поглядывал на Катю и, достигнув лестницы, ускорился. В сапогах на высоких каблуках, Катя с трудом за ним успевала. Идя сюда, она имела лишь подозрения и теперь – один за другим – получала факты в пользу их обоснованности. Лёня действительно готовил ей экзамен. Первую её часть, в зрительном зале, Катя, видимо, сдала, раз он всё ещё тратил на неё своё время. Найти ей замену он мог легко, всего лишь щёлкнув пальцами. Она успела заметить, какими глазами на него смотрят девушки. На неё они смотрели, как на воровку, которая оттяпала у них самую лучшую часть пирога. Ужас состоял в том, что Кате

это пришлось по вкусу. Серая мышка примеряла на себя новую шкурку. Новизна ощущений скрашивала холодок тревоги, а чувство вины служило вдохновляющим фактором, позволяющим отыграть роль, как следует.

Торопясь достичь холла, пока не разошлись зрители, Лёня ни разу не оглянулся. Последний пролёт он преодолел в три шага и, развернувшись всем телом, застыл в гордой позе. Восторг сияющих глаз был явным перебором и ещё одним фактом в копилку незабываемых впечатлений. Именно этих нескольких десятков метров сквозь строй Катя боялась больше всего. В зале, куда Лёня повёл её после того, как галантно предложил правую руку, существовал хоть какой-то шанс затеряться и прикрыться музыкой. Расступаясь перед ними, толпа выглядела так, будто сверяла увиденное с тайным списком претензий и требований. Но Лёня нёс себя гордо как никогда. Раскланиваясь налево и направо, он иногда отвечал рукопожатием и всякий раз косил взглядом в сторону своей спутницы.

Роли были расписаны, как в плохой пьесе. Катя с трудом справлялась с собой. Коридор спасительно сузился и уткнулся в дверь, когда оттуда выбежал Лёша. Переодетый в свою одежду он, по всей вероятности, спешил к умывальнику с зеркалом, чтобы привести в порядок причёску. Крупные локоны длинных, до самых плеч, волос торчали в разные стороны, и, встретив преграду на своём пути, он попытался их пригладить, чем ещё сильнее обозначил смущение и ужасающую неловкость ситуации, которую усугубляло немалое количество зрителей и ограниченность пространства.

Уж если судьба бралась проучить Катю, то делала это как следует! Место, время, а также зрители, включая её саму вместе со змеем-искусителем – всё располагало к тому, чтобы Лёня ответил на вызов и порадовал толпу. В финале Катя почти не сомневалась, как вдруг увидела, что Лёня протягивает руку своему сопернику. Вряд ли Лёшу смутила его рука, скорее, то обстоятельство, что на неё опиралась Катя. Но таиться он не стал и, задержав взгляд на её взволнованном лице, кивнул и только после этого ответил Лёне крепким рукопожатием.

Этот момент стоил того, чтобы вписать его в свою память, что Катя и сделала, и при первой возможности пересказала Ане во всех подробностях.

– Вот уж я лучше бы сквозь землю провалилась! Говорила же тебе: за-бо-лей!

Катя рассмеялась, впервые за долгое время так радостно.

– Нет, ты не понимаешь, Аня, это надо было видеть! Я от Лёньки такого олимпийского спокойствия не ожидала!

Брови Ани взлетели вверх.

– А от Лёшки?

Катя затруднялась ответить. Лёшу она совсем не знала. Тот вечер, когда они кружили вокруг её дома, до сих пор казался чем-то из разряда «так не бывает». С Лёней всё было обыденно, как в жизни реальных людей. Катя не раз замечала, что ему скучно с ней, но вряд ли сама чувствовала нечто иное. Вчера Лёня оказался на недостижимой высоте её представлений о нём, и она приказала себе забыть всё неприятное, обидное, мучившее несовершенством. Приказала! Другое слово здесь не подходило. Ей с раннего детства было знакомо это состояние, когда рисуешь в своём воображении одну картинку, а на деле получаешь другую, но делаешь вид, что всё идёт в нужную сторону. Главное, чтоб никто не догадался, не проник глубже, чем ты сам себе разрешил. Слой, ещё слой, и спустя какое-то время ты сам не в состоянии добраться до этих глубин, чтобы спросить себя, какой из двух предложенных судьбой вариантов ближе к счастью, о котором ты мечтаешь украдкой, ложась спать.

Легко рассуждать об этом в сорок. А попробуй решить эту задачу в шестнадцать лет! Сплетни, пересуды, злорадство. Катя наелась этого сполна. А, заплатив по счетам совести, совсем успокоилась. Однако вопрос Ани заставил её прислушаться к себе.

– От Лёшки? – переспросила она и растерянно пожала плечами. – Мама говорит, что первое впечатление часто и есть самое верное. – Она осеклась, вспомнив о злополучном походе

и сразу сделала поправку. – Хотя, бывают и исключения. В каждом правиле они есть. А Лёшу я совсем не знаю. Кто он? Откуда?

Ресницы Кати стыдливо метнулись вниз, а румянец на щеках выдал чувства лучше любых слов.

Обычно лицо Ани бывало красноречивее всяких слов, но только не в тот момент. Она абсолютно беспристрастно, будто отвечала скучный урок, поведала то немногое, что знала.

– Я три года с ним училась. В первом классе даже за одной партой сидела. Пацан как пацан, ничего особенного. Правда, за косички меня не дёргал. Не было такого. Учился нормально, даже отличником был в первом классе. Сама не знаю, почему до сих пор помню. Странно. Хотя...

Аня прервалась и задумалась. То, что она устала в одну точку, свидетельствовало о том, что сейчас она скажет что-то очень важное. Водилась на ней такая особенность.

Кате знала об этом и не торопила.

– Мама у него умерла, когда мы в первом классе учились, – добавив взгляду сочувствия, сообщила Аня. – Девчонки шушукались об этом, жалели его. Он ведь не местный, здесь его бабушка живёт. Старенькая такая, на мою похожа. А после третьего класса он опять к отцу уехал. Так и ездил: туда – обратно. И там учился, и здесь. Теперь здесь, значит. Может, отец женился? Забыла я, как город называется. На «Б», точно на «Б», Барановичи или Бобруйск, Борисов, может? Я их всегда путаю. Отец ведь у него тоже военный.

– Все бабушки похожи, – задумчиво произнесла Катя, чувствуя, как её тоже захлёстывает жалость. – Он ничего не сказал мне о маме.

Анька возмущённо хмыкнула.

– Ну, ты смешная! Как ты себе представляешь это? – Она вышла на середину комнаты и поклонилась. – Здравствуйте, господа хорошие, у меня нет мамы.

Получилось зло и глупо, обеим стало стыдно.

– Да, ты права, об этом не говорят, – грустно согласилась Катя.

– Люди о многом умалчивают. Так постепенно и учатся врать себе.

– Это же глупо! – совершенно искренне возмутилась Катя. Быть честным с собой гораздо труднее, чем быть честным с другими. Эта истина ещё требовала доказательств. Аня пожалала плечами и развела руками в стороны. Казалось, знала больше, чем говорила и видела дальше, чем её незадачливая подруга, имеющая талант влипать во всякие неприятности.

– Знаешь, – сказала Аня, подумав, – у него ещё тогда, в первом классе, были такие взрослые глаза, будто о жизни он знал больше других. Хорошо его помню. Помню, наблюдала за ним, так жалко было. А он держался, молодец... Ужас, зачем я тебя толкнула? Выходит, я во всём виновата! Я же вижу, как ты мучаешься!

Катя улыбнулась и замотала головой.

– Нет-нет, ты точно ни в чём не виновата, Аня. Я бы сама к нему подошла. Теперь уже точно знаю. Видимо, так было надо. Всё просто совпало в тот день. Звёзды так сложились. Помнишь, даже снег выпал, первый снег. И не растаял!

Катя боялась признаться в этом даже себе и, произнеся вслух все свои тайные мысли, отблагодарила Аню взглядом. Однако Аня всё равно продолжала себя ругать, это угадывалось по выражению её лица, которое в конце стало виноватым.

Катю окружало много людей, и много людей среди них было хороших. Но человек, который мог так сочно называть её Катькой, как это делала Аня, существовал в этом мире пока только в единственном экземпляре. А разве умел кто-то взваливать на себя часть её вины или обзывать дурой, хлётко и даже зло, но совсем не обидно? Анька, Аня, Анечка. Даже критикуя какие-то действия Кати, она подбирала такой тон и такое выражение лица, что той хотелось заплакать от умиления. Из этих трогательных моментов складывалась эта девичья дружба,

которая после каждого испытания, что выпадало на долю Кати, только крепла, делая этих девчонок всё ближе и всё родней.

– Вот чтоб я без тебя делала, Ань?

– А я? – переспросила Аня и сама ответила, – со скуки бы померла! А с тобой – всегда в гуще событий!

Она смеялась, а в глазах стояли слёзы. Катя обняла её и тоже заплакала. Шторм, отнявший много душевных сил, закончился. Экзамен она сдала и имела возможность расслабиться, до следующего раза. Жизнь, как она успела понять, устроена также как школьная программа: усваиваешь материал по теме, потом получаешь оценку и переходишь на следующий уровень или остаёшься на второй год, отнимая у себя годы жизни. Вот только понимаешь это не сразу, именно потому, что врёшь себе. Это была теория, всего лишь теория, известная всем. Но далеко не все применяли её на практике. Катя пополнила число этих людей и даже не заметила. Она сдала экзамен Лёне, но, как выяснится позже, не своей требовательной и щедрой на всякого рода испытания судьбе, которая не собиралась делать поблажек и уже готовила очередную проверку своей нерадивой ученице.

13

Зазвонил телефон. Вздвогнув от неожиданности, Катя удивилась, когда обнаружила себя в своей квартире, за тысячу с лишним километров от Подвилья.

– Привет, Катя. Ну что, вы едете?

Голос Бориса будто извинялся за что-то.

– Да, завтра, – ответила она и сразу, будто боялась передумать, спросила, – скажи, Борь, что же всё-таки случилось?

Борис ждал этого вопроса, но не нашёл сил ответить сразу и сначала выпустил воздух, потом снова набрал и лишь тогда начал говорить.

– Сказали, сердце. Мне после Андрея звонила Людка. Хотела тебе звонить, но я сказал ей, что ты в курсе и приедешь.

Вопрос, прозвучавший в последнем слове, тотчас же вывел Катю из достигнутого равновесия. Утро она провела, рассматривая школьные фотографии. Чёрно-белые отпечатки времени, той, ушедшей в небытие эпохи, они смягчили удар и помогли приглушить боль потери. Затишье было временным. Катя уже успела это понять. Отчаяние накатывало волнами, отступало и снова билось о далёкие берега памяти. Что человек без неё? Пустой сосуд? Чёлн без вёсел? Сколько ни гребь руками, первая же волна отбросит тебя назад, в преисподнюю страхов, сомнений, неудач, где подобно золотым крупичкам в золотоносном песке сияют моменты радости. Отдавшись на волю этих приливов и отливов, мыслей о похоронах Катя всячески избегала и, видимо, по этой причине не нашлась, что ответить. Борис не стал торопить события и, пообещав перезвонить, простился.

Гул машин за окном, ворвавшийся в комнату вместе со звонком, постепенно слился с потоком мыслей. Все они, от первой и до последней, вращались вокруг Сашки...

Так бывает, что люди друг друга не держат, и не отпускают. Они просто есть, как столетние тополя в старом парке над озером или верстовые столбы вдоль дороги. Как луна или звёзды. Семнадцать лет Катя не видела с Сашкой, но лишь теперь поняла, что заменить его ей не кем. Он непостижимым образом врос в неё – как показал его уход – врос глубже, чем она могла себе представить. С отцом было точно так же. Тогда она тоже наводила порядок в альбомах, перелистывая страницы своей жизни, но, видимо, всё-таки выбирала другие маршруты и была не столь строга в оценке собственных поступков. Сегодня – не жалела себя ни капельки. Память оказалась щедрой и в той же мере беспощадной. Катя столько всего вспомнила, что была немало удивлена. А ведь ещё близко не подошла к тому, о чём мечтала забыть все эти годы.

Альбом лежал на коленях, открытый на фотографиях, вряд ли уместных среди семейных снимков. Уничтожить их Катя не сумела, а её муж не стал препятствовать тому, чтобы все люди, которые были частью её прошлого, продолжали жить на этих молчаливых листах. Наверное, в такие моменты, когда теряешь кого-то из близких или дорогих людей, и приходит желание прочесть заново книгу, написанную жизнью, в которой кто-то был отдельной главой, кто-то – всего лишь страницей. О ком-то имелось лишь несколько строк, но даже эти строки Катя вписала в память тем аккуратным, почти каллиграфическим почерком, которым вела переписку с этими людьми в дни далёкой юности. Сашка смотрел на неё почти с каждой школьной фотографии. Поход на озеро после девятого класса, первомайская демонстрация, день последнего звонка, который, казалось, звенел в ушах и вместе с потоком воспоминаний уносил назад, в те времена, когда все они были бессовестно молоды и беззастенчиво наивны.

Слёзы не слушались, текли по щекам, размыли лица, когда на глаза попался снимок, который вернул Катю в тот день, когда состоялся конкурс военно-патриотической песни.

Катя рассмеялась, вытерла слёзы и, скользнув взглядом по каждому из ребят, остановилась на Сашке. Прошло столько лет, а она помнила это так, будто только вчера вышла с ним на сцену...

Узнав, что именно Краммер будет отстаивать честь класса на таком важном мероприятии, Марина Александровна пришла в ярость.

– Что-о-о? Краммер? Только через мой труп!

Ничего другого Катя не ожидала. Марина Александровна возненавидела Сашку едва ли не с первого дня и, будь на то её воля, обвинила бы во всех бедах человечества, случившихся задолго до его рождения. Однако у Кати на этот случай был припасён аргумент.

– Марина Александровна, ну сами подумайте, тринадцать участников – это вам не три и даже не пять! Чем таким я смогу удивить жюри! Ну, прописклявлю песню, а с Сашкой у нас здорово голоса сочетаются. У меня высокий, звонкий, у него – такой приятный баритон с хрипотцой. Мы уже попробовали. А с ансамблем – это будет нечто!

– С ансамблем? С каким таким ансамблем?

Катя ожидала и этого вопроса и этого удивления, но ответила как можно спокойнее.

– Вокально-инструментальным: Ерёмин, Овсович, Белый.

Учительница брезгливо поморщилась. Данная троица была у неё не слишком в чести, но магия двух первых слов – на что и был расчёт – сработала безотказно.

– Хорошо, приступайте, но так и скажи своему Краммеру: если что, я ему не завидую. Да и этим тоже! А-а-ансамбль!

– Они уже репетируют, дома у Ерёмкина, – мигом сориентировалась Катя. – Но нам бы ключ от кабинета физики. У Вовочки нет ударной установки. Насколько я поняла, никому такая идея ещё не пришла в голову, мы – первые. Да и не у всех столько талантов, чтоб ансамбль собрать.

Марина Александровна довольно нервно отреагировала на слово «талант» и, смерив Катю взглядом, сверху вниз, добавила строгости и объявила:

– Ну что ж, с тебя и спрошу с первой, запомни! Сегодня можете начинать. Ключ возьмёшь в учительской. Я распоряжусь!

Катя была так рада, что едва не расцеловала её. Когда-то она пользовалась безграничным доверием этой женщины. В последнее время с трудом находила общий язык. Впрочем, вряд ли была одинока в этом: Марина Александровна раздражалась по любому поводу. Если его не было, легко изобретала сама.

Две недели подготовки к конкурсу прошли под девизом: «Всё ужасно! Ничего не получится!» Марина Александровна повторяла эти слова к месту и не к месту, будто боялась, что победа вынудит её пересмотреть отношение ко всем, в особенности к Сашке.

Недоверие всегда обидно, но действует по-разному. Кто-то опускает руки, кто-то, напротив, работает, не покладая рук. Подопечные Кати выбрали второй вариант: оттачивали каждую ноту, с репетиций расходились в сумерках, да и то лишь потому, что их выгонял школьный сторож.

Выросшая на большой сцене Дома культуры, она легко могла представить, как будут звучать голоса в просторном зале с хорошей акустикой. Но одно дело представлять, а совсем другое стоять за кулисами, в шаге от заветной цели.

– Песня «Тишина». Исполняет вокально-инструментальный ансамбль 10 «В» класса.

Сердце вздрогнуло и принялось отбивать ритм в такт аплодисментам. Одеревеневшие ноги не слушались. Катя оглянулась и поняла, что решимость, с какой проходили репетиции, оставила её товарищей. Сашка превзошёл всех и выглядел так, будто там, на сцене, его собирались скормить львам.

– Эй, 10 «В», зрители ждут, – вмешался ведущий, дав понять, что намерен вручную вытаскивать артистов, но Катя остановила его взглядом и, преодолевая страх, двинулась к микрофону, стоящему в центре сцены.

Мальчишки последовали за ней. Сергей сел за ударную установку, Вовочки вышли с гитарами наперевес и встали чуть позади Кати. Сашка рядом с ней не появился. Она лихорадочно осмотрелась вокруг и вдруг увидела его стоящим у второго микрофона, в тёмном углу, у самых кулис. Сделала жест рукой, но он потупил голову и дал понять, что не двинется с места. Сергей не стал ждать и, трижды задев тарелки, позволил вступить гитарам, после чего Кате пришлось запеть:

– Соловьи-и-и, не пойте больше песен, соловьи-и-и, в минуты скорби пусть звучит орган, поёт о тех, кого сегодня нет, скорбит о тех, кого сегодня нет, с нами нет...

Голос Кати, звонкий и взволнованный, оторвался от сцены и взмыл под высокие своды зала с такой лёгкостью, что она с трудом подавила в себе желание улыбнуться. Серьёзность песни не позволяла улыбок и переглядываний. Весельчак и хохотушка – далеко не лучшее сочетание для выполнения поставленной цели. На последней репетиции они уделили этому внимание, условившись не смотреть друг на друга. Оказалось, предусмотрели не всё. Микрофон – а Катя чувствовала, что дело в нём – на репетициях был в единственном числе. Это в какой-то степени усложняло задачу – и в то же время – делало созвучие голосов идеальным. Сейчас – притом, что ожидания полностью оправдались – второго голоса она не различала и, пытаясь понять причину этой странности, всё-таки оглянулась и упёрлась в Сашку вопросительным взглядом. Однако он ещё сильнее втянул голову в плечи и стал исподлобья, почти враждебно, смотреть вокруг.

Смелый и решительный, когда кому-то требовалась помощь или поддержка, он взял и испугался публичного выступления! Кто мог это предвидеть, и кто мог сказать, почему из обеих колонок, выставленных на край сцены, Катя слышала только себя! Смысл песни ускользал и рассыпался в пыль. Забитый до отказа зрительный зал разил неприступностью. Лица людей сливались в одну уродливую гримасу. Кате страшно мешал её белый передник с белыми колготками, но больше всего – сапоги-чулки. Мама потратила на них всю свою зарплату, и теперь не только соседи, но и вся округа получила доступ к тайнам Шкловских. Скандал, который устроил отец, Катя вспоминала с содроганием. Мир, оплаченный миллионами человеческих жизней, больше напоминал театр военных действий. Люди превращались во врагов, живя под одной крышей! Она старательно вытягивала ноты, однако все эти терзания отразились на её лице и обесценивали все усилия.

– Этот бой, он позади уже у нас с тобой... Остался кто-то на чужой земле-е-е, остался кто-то на чужой земле-е-е, той земле-е-е... Соловьи-и, не пойте больше песен, соловьи-и, в минуты скорби пусть звучит орган...

Катя почти смирилась со своей участью, когда на неё снизошло озарение. Решив, что дело совсем не в Сашке, а именно в ней самой, она несколько ослабила голос и стала прислушиваться. Мера оказалась бесполезной: голос Сашки Катя так и не услышала, зато констатировала возбуждение зала, особенно первого ряда, где сидели учителя старших классов, в том числе Марина Александровна, которая нервно заёрзала в кресле и стала шептаться с соседями.

– Тишина-а-а-а, над полем боя снова тишина-а-а-а, как будто не было и нет войны, и мы в объятьях мирной тишины-ы-ы-ы, нет войны-ы-ы-ы! Соловьи-и, не пойте больше песен...

Вместо стандартных двух с небольшим минут песня длилась целых пять! Катя сама её выбирала и только сама знала, что за гордой осанкой скрывалась трусиха, у которой сердце уходило в пятки, как только учитель называл её фамилию. И всё же какая-то черта её характера не позволяла сдаться и даже обнаружить слабость. Боец по натуре, Катя ни разу не забыла слова и ни на минуту не прекратила искать причину, по которой не слышала голос второго солиста. Наконец, испробовав все варианты, набралась храбрости и совсем перестала петь. Зал

в ответ на это ожил и, казалось даже, заколыхался в такт какой-то другой мелодии. Марина Александровна подпрыгнула на своём стуле и принялась тереть платком очки-колёсики. Если что-то удерживало Катю на месте, то только взгляд, каким она металась по сцене в бессильном гневе. Катя допела с большим трудом и рванула за кулисы с последним аккордом, даже не поклонившись.

Сашка успел отойти в сторону и, рыдая от смеха, приближался к самой настоящей истерике. Не лучшим образом выглядели также оба Вовочки с Сергеем, которые появились сразу после Кати. И только она ничего не понимала и единственная из всех встретила Марину Александровну с тем выражением, которое полностью соответствовало её громким предсказаниям.

Смех стих, как по мановению волшебной палочки.

Лицо учительницы покрылось пятнами. Она бессильно хватала воздух ртом, не зная с чего начать свою обличительную речь.

Мальчишки воспользовались этим и приступили к оправданиям.

– Марина Александровна, простите, мы не специально!

– Так получилось. Простите!

– Это микрофон у Сашки был выключен! – наконец всё объяснил Ерёмин, и Кате показалось, что на неё вылили ведро воды.

– А я думала, что я слишком громко пою! – сказала она и виноватым взглядом обвела всех присутствующих.

Однако для Марины Александровны это уже не имело никакого значения. Она с привычным высокомерием оглядела всех и остановила взгляд на главном виновнике всех своих несчастий. Тот стоял с опущенной головой и изучал носки своих ботинок. Он ничего не говорил в свою защиту, лишь изнывал от чувства вины, которое было таким страшным, что не оставило ему ничего, кроме этой позы.

Победа, такая желанная и такая близкая, не просто ускользнула из рук. Она показала изнанку, обернувшись не только поражением, а позором. Катя мысленно возвращалась на сцену и, представляя своё выступление во всех его красках, с трудом сдерживала слёзы.

Наконец к Марине Александровне вернулась способность изобличать врага.

– Я так и знала! Я чувствовала! Вы все просто изменники! В такой день! Вы, вы, вы... предали своих товарищей! Не оправдали надежд! Это вредительство! Я этого так не оставлю!

С этими словами она засемила обратно в зал, оставив ребят наедине с грустным выбором – отсидеться здесь или вернуться к зрителям и искупаться в насмешках.

– Нет, я тут теперь и останусь! – тоном, в котором звучала угроза, объявила Катя.

Сашка метнул в её сторону виноватый взгляд и ещё ниже опустил голову.

– Хотя, какая фигня! – быстро передумала она, – пусть сами в следующий раз выйдут и попробуют, как это легко, когда на тебя смотрят сотни глаз!

Мальчишки одобрительно загалдели, и Сашка осмелился поднять голову. Взгляд его не изменился, но он хотя бы смотрел всем в глаза.

– Пойдёмте, – уже не столь уверенно позвала Катя и сделала пару шагов к ступеням, – не бойтесь, я первая пойду, – после чего гордо подняла голову и почти бегом спустилась в зал.

Увлечённые очередным выступлением, зрители даже не повернули головы. Катя заняла своё место, и Сашка сразу оказался рядом. Какое-то время они следили за происходящим на сцене, потом он наклонился к Кате и с чувством прошептал ей в ухо:

– А я бы пошёл с тобой в разведку.

Он всё ещё выглядел виноватым, но говорил серьёзно, будто давал клятву. Впрочем, для любого советского человека это были не просто слова, это была высшая степень доверия, которое один оказывал другому. Промолчать, улыбнуться, напомнить о том, что они оба – каждый по-своему – оказались не на высоте, – Катя сразу отмела все варианты.

– Я тоже, если что, – ответила она и только после этого улыбнулась глазами. – Имей в виду.

Сашка покраснел и, кивнув поспешно, смутился чего-то и вернул взгляд на сцену. О чём он думал и какими словами бичевал себя за свою природную стеснительность, Катя могла угадать без труда. Она тоже себя ругала. Сбилась со счёта, сколько раз обозвала себя дурой и не слишком понимала, чем таким заслужила честь пойти в разведку с этим человеком. Но, несмотря на то, что случилось на этой сцене, доверить свою жизнь Сашке она бы не побоялась и была не просто рада, а по-настоящему счастлива, что в этом маленьком и ничем особо не примечательном городке ей повезло встретить людей, для которых её маленькая, смешная, нелепая жизнь представляла ценность.

14

Если оперировать историческими терминами – а для 10 «В» это давно стало нормой – к середине третьей четверти обстановку внутри этого школьного организма вполне можно было охарактеризовать как революционную. Марина Александровна использовала все методы, чтобы удержать власть, ребята – с трудом терпели её тиранию. В конфликт, что делало честь сильной стороне, редко втягивались внешние силы. Пока ещё учительница сама справлялась с революционными массами, как вдруг сюрприз преподнесла Любовь Сергеевна Сорова.

Это была женщина лет сорока пяти крупного телосложения и крутого нрава, которой для достижения дисциплины хватало одного взгляда поверх красивых роговых очков. Приличное знание английского демонстрировали единицы, и, заслушивая ответ ученика, она зачастую использовала стул, как успокоительное средство. Стоит дать себе поблажку в чём-то раз, другой, и ты раб привычки и мишень для насмешек. Раскачиваясь на стуле, Любовь Сергеевна будто испытывала его на прочность и параллельно с этим ковырялась в ушах при помощи обычной спички, на которую наматывалась вата. Все эти действия, включая изучение содержимого ушных раковин, стали неотъемлемой частью учебного процесса. Любовь Сергеевна нисколько не смущалась этого и после нескольких лет упорных тренировок научилась вести урок, развалившись на стуле и практически его не покидая. Новеньких это коробило первое время, но потом даже они отказались от претензий, научившись смотреть на этот недостаток сквозь пальцы. Тем более что других недостатков у Любви Сергеевны не водилось. Свой предмет она знала, любила и преподавала от звонка до звонка, не тратясь на всякие недостойные глупости. Этим, видимо, и была обусловлена быстрота, с какой девочки выполнили команду, построившись у доски. Шеренга растянулась от стула, на котором сидела учительница, до самой двери за считанные секунды. Однако Любовь Сергеевна даже не повернула головы и продолжила изучать свои холёные руки с какой-то странной отрешённостью, ей абсолютно не свойственной.

Мальчишки забеспокоились первыми, и тогда она соизволила оглянуться, но выглядела так, будто видела перед собой экспонаты в музее дешёвых подделок.

Не в силах понять замысел учительницы, девочки пришли в смятение и стали переговариваться, чем побудили её к началу действий.

– Ты и ты, – она указала пальцем на двух учениц, – можете сесть на место. – Потом вернулась к тем, кто остался, и силой осуждения во взгляде заставила их упереться глазами в пол. Катя находилась среди тех, кто терялся в догадках по поводу истинных целей этого мероприятия, но подозревала, что бои за высокие идеалы коммунистической нравственности дошли также до уроков английского.

– Вот это да-а-а! – воскликнул кто-то из мальчишек, и Любовь Сергеевна вскочила, но, не поняв, кому предъявить претензии, обыскала класс взглядом и снова повернулась к доске.

Ситуация становилась всё более комичной. Мальчишки начали переглядываться, и Сашка нашёл этот момент удачным, чтобы вспомнить прошлое, а заодно немного разрядить обстановку.

– А ничё у нас девчонки, Славик не соврал, как на подбор! Надо им почаще у доски строиться. – Он имел что добавить, но учительница хлопнула ладонью по крышке своего стола и так взглянула на Сашку, что заставила замолчать на полуслове.

Каждый, кто был этому свидетелем, успел сложить одно с другим и понимал, что поводом для такого необычного начала урока послужило не что иное, как длина школьной формы. Сразу бросилось в глаза, что у доски остались лишь те, кто не торопился следовать веяниям моды и оставил платье коротким. Многие, и Катя в том числе, донашивали форму с прошлого года. И только две девушки, те самые, что отправились на место, носили такую длину, чтобы не

столько понравиться учителям или соответствовать капризам моды, сколько прикрыть недоделку природы.

Видимо, Любовь Сергеевна всё-таки переоценила свои педагогические способности, так как вместо смирения, к которому призывала девочек всеми действиями, получила обратный эффект.

– Смейтесь? Вы смеётесь? Да я бы на вашем месте из дома постыдилась выйти! А вы приходите в школу, смотрите в глаза своим одноклассникам! Что будет дальше? – спросила она и, подняв тонкие дуги бровей, которые строго соответствовали последней моде, сделала выражение своих глаз таким, будто видела это неприглядное будущее во всей красе. Взгляд был сердитым и говорил так много, что, казалось, не просто ошупывал, а раздевал девушек. Однако Любовь Сергеевна этого показалось мало, и она резко, не сделав даже перехода, подхватила подол платья Кати и подняла вверх. Катя едва успела опустить его руками, но, так и не поняв, насколько ей удалось это, уперлась глазами в пол и больше не поднимала.

– Стриптиз на английском! Вот повезло, так повезло! – обрадовался Борис, но Любовь Сергеевна, которая только-только успела сесть, вскочила и закричала:

– Встать! Молчать!

Дальнейшая экзекуция прошла без комментариев. Девочки, наученные горьким опытом Кати, придерживали юбки. Ничуть не смущаясь своих действий, Любовь Сергеевна дошла до конца шеренги и гордо объявила решение:

– Итак, я запомнила, какова длина ваших юбок и сколько можно отпустить. Завтра я проверю, как выполнено моё условие. Пора навести здесь порядок. И я не завидую тем, кто меня слушается!

До конца дня все только и говорили об этом происшествии на уроке английского. Девочки сокрушались и искали способ обойти требования учительницы. Мальчики, пусть даже не разделяли этих самых требований, остались довольны выбором темы урока и предвкушали продолжение.

Вечером Катя отпорол подол и, обрезав лишнее, подшила его на прежнем уровне, за самый край. С этой задачей она вполне могла справиться сама. В чём испытывала затруднение, так в поиске настоящей причины, побудившей Любовь Сергеевну уронить себя в глазах учеников.

На следующем уроке Любовь Сергеевна была сама любезность, но, как и обещала, построила девочек и, обойдя всех, снова подошла к Кате.

– Совсем другое дело, Катя! Прямо приятно посмотреть! Такая милая девочка.

После обвела класс одобрительным взглядом и кивнула Кате с улыбкой.

Похвала учительницы пришлась по вкусу всем без исключения, а для Сашки стала подарком.

– А мы чё, мы тоже самое, Любовь Сергеевна, говорим!

Он вроде бы не сказал ничего особенного, но что-то в его голосе прозвучало такого, что вернуло лицу учительницы недовольное выражение. Но, вспомнив, видимо, что второй урок растрачивается впустую, она обошлась без эффектных сцен.

– И что же ты, Краммер, говоришь?

– Да что любо-дорого посмотреть! – немного доработав слова Любови Сергеевны, ответил Сашка и подмигнул Кате.

В отличие от учительницы, мальчишки сразу поняли, что девочки всё-таки обвели её вокруг пальца. Катя оказалась далеко не единственной способной ученицей. Однако для неё это не стало последней битвой. Потеряв жертву в лице Ирины, Марина Александровна присматривалась к этой роли кого-то ещё. Её темперамент требовал войны. Мальчишек ей было мало и, вероятно, было мало того, что на Кате лежала часть её обязанностей, включая выставление оценок в дневники, а также в экран успеваемости. Успеваемость самой Кати, как и её

поведение, не вызывало нареканий. Платье было то же, что в прошлом году и далеко не самое короткое в школе. Однако Марина Александровна нашла этот повод удачным, чтобы развязать очередное сражение прямо посреди урока, вызвав Катю к доске.

– Мне бы на твоём месте, Катя, было стыдно ходить в таком платье! – оборвав её на полуслове, Марина Александровна продолжала сидеть на стуле, но сумела подобрать лицу такое выражение, что, казалось, смотрела сверху вниз. Если разобраться, она не сказала и не сделала ничего нового, – Любовь Сергеевна уже опередила её. Но тогда Катя была не одна, а сегодня чувствовала себя так, будто стояла на площади, привязанной к позорному столбу. От неё – и это понимал каждый – ждали резкости или какого-то необдуманного поведения, но Катя сделала вид, что не поняла смысла претензии:

– А мне мама выбирала это платье, и оно мне нравится.

Слёзы туманили взор. Класс плыл перед глазами. Тишина звенела. И вдруг её разрезал металлический голос Сашки.

– А вы признайтесь, Марина Александровна, что вы просто завидуете!

Сашка так твёрдо произносил слова, будто загонял гвозди в древесину, при этом буквально пронзал учительницу глазами. Сам даже не соизволил подняться с места, чем взбесил её окончательно, и она взвилась как петарда и, выкрикивая что-то бессвязное, принялась бегать у доски.

– Да- да, завидуете! – повторил он, – ведь у вас, судя по всему, никогда не было таких красивых ног, как у Кати!

Только теперь Катя осмелилась оторвать глаза от пола. Сашка к тому моменту поднялся, и ей показалось, что она видит перед собой Самсона, именем которого его называли в узком кругу. И голос Сашки, прекрасно поставленный, и фигура, уже налитая мужской силой, и даже взгляд, которым он преследовал и, казалось, добивал неприятеля, всё это были слагаемые будущих огорчений и будущих побед этого человека, красивого внешне и красивого внутри.

Классу не пришлось делать выбор: мальчишки и девчонки поднимались с мест, один за другим, пока не встали стеной. Катя тоже заняла место в этом строю и уже оттуда наблюдала за тем, как гнев Марины Александровны становится бессильным.

Именно с того дня Марина Александровна поставила её вне своего покровительства, совершенно открыто выказывая неприязнь, и наравне со всеми, кто был ей неугоден, наказывала занижением оценок. В конце четверти, понимая, что подпортила этим общие показатели, занималась приписками и исправляла.

Дети – существа подневольные: подобные меры называли штрафными санкциями и, боясь лишиться удовольствий, старались не пропускать уроков истории.

15

Вторым и третьим уроком по пятницам стояла физкультура. В третьей четверти, ради лыжной подготовки, их всегда совмещали. Таскать лыжи с собой не требовалось. Каждая школа имела необходимый набор спортивного инвентаря, который постоянно обновлялся. Физическое воспитание школьников в советском государстве было поставлено на постоянную основу. Лыжи с ботинками хранились в спортзале и туда же возвращались после урока. Ввиду небывало снежной зимы ребята регулярно выходили на пробежку вдоль берега реки вместе со своей учительницей, Верой Вадимовной, которая не в пример Марине Александровне умела вовлечь их в то, от чего сама получала удовольствие.

– Итак, на следующем уроке сдаём нормы ГТО. Сегодня была репетиция! И кто из вас, мои дорогие, посмеет сказать, что мы зря потратили время?

– Дурных няма-а-а! – за всех ответил Славик, чем заслужил дружный смех одноклассников, а также учительницы.

– Ну, Вячеслав, ну, шутник! – Насмеявшись вдоволь, Вера Вадимовна хлопнула его по плечу и, повернувшись к ребятам, занятым переобуванием, воодушевлённо продолжила, – щёчки порозовели, глазки блестят! А утром, помните, какие вы были утром? Даже слов не найду нужных!

– Сонные тетери! – подсказал Славик, и снова учительница хохотала громче всех. Фигурой и даже некоторыми манерами она немного напоминала Марину Александровну, но имела массу отличительных черт, среди которых выделялось умение посмеяться над собой. Девочкам, заставляя отжиматься, она всегда говорила: «Не ленитесь, занимайтесь спортом и обязательно будете такими же красивыми как я». Потом выпячивала свою огромную грудь и непременно смеялась. В присутствии мальчиков немного сдерживала порывы и, заканчивая урок, никогда не скупилась.

– Ну, ладно! Встречаемся через неделю. На том же месте! Все сегодня молодцы! Просто все! И погода не подвела! А зима! Это же просто чудо!

С этими словами она, наконец, скрылась за дверью, оставив ребят в некотором недоумении, за которым последовал обычный обмен мнениями.

– Вроде, ровесницы, а небо и земля!

– Да, жаль, что не Вера у нас классная!

– Просто бомба какая-то! Всегда на позитиве!

– Бомба нас на следующем уроке ждёт! – возразил Славик и, подмигнув девочкам, добавил, – от нашей Марины с самого утра искры, если кто не успел заметить!

– Точно, у нас же история следующим уроком! – опомнилась Света, которой сегодня уже досталось на орехи за опоздание на алгебру. – Надо бы от греха поторопиться!

Учитывая насущные потребности учеников, Вера Вадимовна всегда заканчивала урок чуть раньше. Так что предпосылок для нарушения режима не было и в помине. Однако мальчишки, которые на переменках бегали покурить к речке, всё равно умудрялись опаздывать. Сегодня, видимо, учли предостережение Славика и появились вовремя. Опаздывала сама учительница. В классе она появилась после звонка, но сначала не торопилась посадить всех на место, добиваясь абсолютной тишины, потом, когда это случилось, ткнула пальцем в бумажку, которая валялась на полу, и с видом человека, которого переполняла гордость, объявила:

– В этом свинарнике я не буду вести урок! Отвечать мне будете в коридоре! – потом, семена короткими ножками, прошмыгнула за дверь.

Проводив учительницу удивлением на лицах, ребята дружно уткнулись в учебники. Воздух насытился шорохом страниц и загустел. Спустя минуту дверь скрипнула, и голова Марины Александровны, просунутая в щель, назвала имя первой жертвы.

– Борис Окишин! – Она замешкалась, видимо сочтя неуместным «к доске», и тотчас скрылась за дверью.

Возглавлять список неугодных Борису приходилось впервые. Он обвёл класс удивлённым взглядом, но даже не шелохнулся, лишь произнёс с улыбкой:

– А я наивно полагал, что меня любят меньше. Польщён!

Не дождавшись Бориса в коридоре, Марина Александровна снова просунулась в класс и позвала настойчивее:

– Окишин, ты где?

– Да здесь я, Марина Александровна. Спасибо, но лучше я здесь посижу.

– Два! – оценила она эту неуместную благодарность и исчезла. Пытаясь продемонстрировать полную беспристрастность в выборе жертв, Марина Александровна непременно делала паузу, и этим очень забавляла своих учеников. Любой из них, последний двоечник, мог составить полный список её избранников, ошибившись лишь в последовательности, но только не сегодня. После Мишки, Сашки и Вовочки Ерёмкина фамилия Кати прозвучала громом среди ясного неба. Класс на это отреагировал дружным гулом и застыл в ожидании момента, когда Марина Александровна повторит своё требование. Её выбор удивил всех, но только не Катю. Марина Александровна давно примерялась к ней и сегодня лишь удовлетворила своё низменное желание. Но Катя не доставила ей удовольствия. Видимо, уже тогда понимала, что лучше умереть от голода, чем от стыда.

– Извините, Марина Александровна, но я тоже не пойду, – произнесла она в ответ на повторное приглашение.

– Два! – с деланным равнодушием бросила учительница, – теперь Овсович идёт!

Каждый раз, назвав имя следующего кандидата на двойку, она исчезала за дверью с такой поспешностью, что сообщить об отказе было просто некому. С Овсовичем тоже произошло так. Сам он принадлежал к старожилам и нередко соперничал со Славиком в меткости замечаний, причём делал это с той долей невозмутимости, которая в этом деле была необходима всё равно как дрожжи для опары.

Выждав минуту, учительница снова просунула голову в дверной проём и даже придала лицу такое выражение, будто после стольких отказов всё ещё на что-то надеялась. Самой ей подобное поведение не казалось комичным, и это больнее всего било по чувствам ребят. Вряд ли это был класс, это была бомба или пороховая бочка, готовая взорваться в любой момент.

– Овсович, ты где? Долго я ждать буду? – на этот раз более нервно обозначила своё беспокойство учительница, и Вовочка не смог отказать себе в удовольствии и использовал этот благоприятный момент, чтобы взорвать порох.

– Ну, что вы, Марина Александровна, я по «зауголлям» не отвечаю!

Голова Марины Александровны исчезла одновременно с тем, как класс взорвался от смеха. Мотивы её поведения ребята давно находили странными, но на этот раз выглядели так, будто не верили в реальность происходящего. Время от времени они сверяли свои ощущения друг с другом и снова погружались в истерику. К концу всё-таки притихли, осознав, видимо, что память подотрёт ластиком многие места, но этот урок истории забыть не позволит.

16

«Жизнь в городе начинается только тогда, когда в него входят военные!» Именно так начинается один известный фильм, и именно это во многом, если не полностью, определяло когда-то судьбу Подвилья. Во всяком случае, Кате Шкловской повезло жить в этом городе именно в то славное время.

Каждый год, и это стало законом, город принимал пополнение в виде офицерских кадров, а также членов их семей. Таким образом происходило смешение разных слоёв населения, что накладывало отпечаток на все сферы жизни и непременно сказывалось на общем уровне культуры и образования. Важным показателем этого можно было считать язык. Катя бывала в соседних районных центрах и успела заметить, что люди там разговаривали на ставшей привычной смеси белорусского, польского и русского языков с сильным белорусским акцентом. В Подвилье этим грешило только старшее поколение. Молодёжь разговаривала по-русски, причём безо всяких диалектических особенностей. Кому не повезло в этом смысле, так это тем, кто прибыл из других регионов страны и вынужден был здесь, в Белоруссии, получать аттестат о среднем образовании. Исключения для таких детей не делалось: белорусская литература стояла обязательным предметом для всех, независимо от уровня владения языком.

Для новеньких это стало настоящим испытанием. Чтение книг белорусских авторов ничем не отличалось от перевода иностранного текста, и, как положено в таких случаях, сопровождалось работой со словарём. «Белорусы», благодаря этому, тоже черпали немало нового, повышая свой уровень.

– Катька, а ты знаешь, как будет по-белорусски слонёнок? – спросил Сашка и, не дождавсь ответа, стал давиться смехом. – Я как узнал, не могу остановиться. Третий день смеюсь!

Он явно не врал и не преувеличивал, едва сказал это – начал задыхаться. Слезы взбухали в его глазах и скатывались по щекам. Катя с улыбкой следила за тем, как её друг постепенно приближается к истерике, и уже собиралась оказать ему поддержку, когда в разговор вмешался Борис.

– Тоже мне комедия! Это вы ещё украинского не слышали! У меня там все родственники, так я с утра до вечера только и делаю, что смеюсь, когда туда приезжаю. Так что ваше сланяня – просто фигня!

– Сланяня? – удивилась Катя и не солгала ни капли, – впервые слышу, верите, как и про перочинный ножик, как его там, забыла!

– Стизорик! – смягчив всё, что только можно, на русский манер, любезно подсказал Борис и хотел рассмеяться, вдруг замер и поднял вверх указательный палец. – О, вспомнил, какое слово произвело на меня сааамое сильное впечатление, даже два. Это из нашего, белорусского, если кто не понял. Первое – это твар, что значит лицо, – он умолк и даже сделал попытку представить это лицо, но лишь замотал головой. – Второе – притульность.

– Притульнасьць, – смеясь, поправила его Катя.

Сашка сразу перестал смеяться.

– Это ещё что такое? Такого ты мне не говорил, друг называется! – обиженным голосом, будто от него скрыли нечто необычайно важное, произнёс он и так посмотрел на Бориса, что тот взмолился.

– Всё, всё! Погорячился, был не прав! Готов искупить свою вину. Притульность – значит равновесие.

Сашка вытарашил глаза и приготовился дать волю чувствам, но Катя его опередила.

– Это достаточно редкое слово. Тоже из словаря? Только ты его изуродовал! У нас говорят: згубила притульнасьць. – Она не смягчала язык и произнесла два последних слова именно так, как они звучали с учётом всех требований. Для неё это было также просто, как говорить

по-русски. Но, видимо, эта лёгкость и приводила в изумление парней, у которых не получалось всё сразу. Если твердело «р», то слетала «ы». Если «а» оставалась на месте, не получалось окончание. И ни разу при их обоюдном старании не выговаривалось это странное сочетание «зг». Предприняв несколько попыток, мальчишки отдались тому, что никогда не вызывало у них затруднений.

– Потеряла равновесие, что тут смешного? – сделала перевод Катя и вдруг перешла на шёпот. – Советую вам взяться за ум, мальчики! Вдруг Марина Александровна под дверью подслушивает. Девчонки сказали, застукали её как-то за этим интересным занятием.

Видимо, девчонки не обманули, едва Катя сказала это, учительница вбежала в класс на такой скорости, будто соревновалась со звонком. Тот всё-таки настиг её у учительского стола, однако не смог заставить оторвать глаз от журнала.

Это был плохой знак. Заняв места, ребята терпеливо дожидались разрешения, чтобы сесть. Марина Александровна не торопилась и сначала выдержала красноречивую паузу и только после этого посадила их жестом руки. В этом она не имела себе равных. Это был жест полководца, но никак не учительницы, которая давно и не без оснований подозревалась в горячей нелюбви к своему предмету. Чтобы не преподавать его, она постоянно изобретала разные способы, но чаще других использовала журнал.

Класс замер и с этой минуты напоминал единый организм, который сосредоточенно следил за её пальцем, который нервно перекидывал листы справа налево, а потом пробегал по ним, как и положено при обыске, сверху вниз.

Наконец старания учительницы увенчались успехом, и она с победным видом посмотрела в сторону Сашки.

Два неполных года не прошли для него зря. Прекрасно изучив повадки Марины Александровны, он иногда позволял себе маленькую месть в ответ на её откровенную агрессию. Особых познаний в области психологии для этого не требовалось: любой ученик в классе мог поиграть в провидца, настолько Марина Александровна была предсказуема.

Явно испытывая её на прочность, Сашка оглянулся назад и, богатырским жестом прикрыв глаза, стал смотреть на Катю. Реакция учительницы оказалась мгновенной.

– Что это ты там высматриваешь, Краммер?

– Да это сонейка мне на Шкловскую мешает смотреть!

– Вон из класса! – крикнула Марина Александровна и тем же пальцем, которым обыскивала журнал, указала на дверь.

Спорить Краммер не стал: неторопливо, по-медвежьи, прошествовал мимо учительницы и всё-таки скосил глаза в сторону Кати. Марина Александровна перехватила его взгляд и с ненавистью, какой ей было не занимать в этом вопросе, впиалась взглядом в свою, некогда любимую, ученицу. Ей очень хотелось придраться к Кате и, пока она искала повод, его предоставил Славик.

– Это что ещё за поведение на уроке? Сидит тут, зевает! Хоть бы рот прикрыл! Что ты себе позволяешь? – взвизгнув напоследок, возмутилась учительница и так быстро оказалась рядом со Славиком, что он немного смутился, но талантливо разыграл недоумение и путём неимоверных усилий заставил себя подняться со стула.

– Извините, Марина Александровна, но я что-то приболел.

– И что же это за болезнь, позвольте спросить!

Взгляд учительницы не предвещал ничего хорошего, но Славик не стал скрывать от одноклассников всей правды и, выдержав многозначительную паузу, как умел только он, ответил, смакуя каждое слово:

– Агульная млявасць, абыякавасць да жыцця, асабліва да працы.

Смех потряс даже стены, а Марина Александровна, предприняв попытку перекричать всех сразу, выскочила за дверь.

– Ну всё, счас дирик явится, начнёт мозги парить! – сказал кто-то из парней, когда страсти немного улеглись.

– Нет, ну что вы нашу Маринку не знаете! – оспорил это мнение Славик и предложил свою версию, – отсидится в учительской, а потом придёт как ни в чём не бывало. Если к дирику, это ж всплывёт, что история у нас не преподаётся. А вот теория и практика скандала – это каждый день!

– Смех смехом, а нам ведь экзамен сдавать! – благоразумно заметила Леночка Тишко и смутилась взглядов, обращённых в её сторону. Однако любопытство Бориса спасло её от этой неприятности.

– А как эта твоя болезнь переводится?

Чувствовалось, что этот вопрос давно не давал ему покоя. Задавая его, Борис продолжал хихикать, и Славик покровительственно улыбнулся и уже с меньшим удовольствием выполнил его просьбу.

– Общая слабость, безразличие к жизни, особенно к работе, – он на минуту прервался, ожидая оваций, и, не дождавшись их, удовлетворился редкими смешками, потом театрально развёл руки в стороны. – А я что говорю: белорусский язык – это сила! Русский на его фоне – просто бледная копия.

Вряд ли говоря это, он преследовал целью вбить клин между двумя братскими народами, – всеми своими деяниями он лишь призывал к тому, чтобы новенькие отдались изучению белорусского языка без остатка. С тех пор, как в классе появились эти девять парней, уроки белорусской литературы стали поистине незабываемы. Произношение их было настолько невоспроизводимо, что напоминало бутерброд из белого хлеба с маслом и вареньем, на который взгромоздили толстый кусок солёного, щедро сдобренного перцем и чесноком, сала. Их, как следует и в нужном месте подвешенные, языки вдруг становились костными и непослушными, и каждый урок заканчивался смехом, притом, что сама Нина Семёновна крайне болезненно реагировала на каждое исковерканное слово.

В тот памятный день белорусская литература стояла следующим уроком. На дом была задана басня, а это могло означать только одно – Нина Семёновна даст новый материал и будет опрашивать всех, включая новеньких. Сама она, разумеется, понимала, как сильно рискует, назвав первым Бориса Окишина, однако менять выбор не стала.

Борис был не из тех, кто мог придти на урок не подготовленным, и, хихикнув для порядка, бодрым шагом вышел к доске. Класс замер в ожидании праздника. Нина Семёновна скрестила руки на груди и приготовилась слушать. Борис не смутился и начал читать: « У одном селе, не важно где, ходил баран у череде. Разумных баранов нагул же немного, но этот так дурней дурного».

– Всё-всё- всё! – вдруг прервала его Нина Семёновна и сразу перешла на белорусский. – Чуць гэта вышэй маіх моц! – потом сморщилась, как от зубной боли, укоризненно покачала головой и даже схватилась за сердце, как всегда, когда кто-то истязал родной язык. Правда, нашла это недостаточным и добавила, на этот раз по-русски. – Хватит! Довольно! Достаточно! Слышать это выше моих сил! Кто нам расскажет басню как следует?

В ответ на её призыв взметнулся лес рук, не считая нескольких ленивцев и, конечно, новеньких. Кондрата Крапиву дети просто обожали. Это был белорусский Крылов, и его произведения никогда не оставляли их равнодушными, что случилось и на этот раз с его знаменитой басней о дипломированном баране.

Катя едва ли не первой подняла руку, однако Нина Семёновна остановилась на Леночке Тишко. Та обрадовалась, почти бегом вышла к доске, но, встретившись взглядом со всем классом, сосредоточившим на ней внимание, смутилась и даже покрылась румянцем.

– Давай, Ленка, давай, покажи класс этим русским! – беззлобно подбодрил её Славик, жестом давая понять новеньким, что сейчас Лена покажет им фигуры высшего пилотажа. За

это время та справилась с волнением и гордо объявила: « Дыпламаваны баран. Кандрат Крапива».

Класс снова замер. Лена кашлянула для верности и начала бодрым голосом:

– Ё адным сяле (не важна – дзе)
Хадзіў Баран у чарадзе.
Разумных бараноў наогул жа няма, —
А гэты дык дурней дурнога —
Не пазнае сваіх варот:
Відаць, што галава слабая.
А лоб дык вось наадварот —
Такога не страчаў ніколі лба я:
Калі няма разумніка другога,
Пабіцца каб удвух,
Дык ён разгоніцца ды ў сцену – бух!
У іншага дык выскачыў бы й дух,
А ён – нічога.

Она рассказывала с удовольствием, делая интонацией ударение на важных моментах, отчего в классе царила полная гармония: ребята улыбались, Нина Семёновна наслаждалась этим. При этом она всё время одобрительно кивала головой, давая понять своим ученикам, что согласна с каждым словом и довольна своей ученицей.

– Другі баран – ні «бэ», ні «мя», а любіць гучнае імя! – торжественным голосом прочла мораль басни Лена, и новенькие, не сговариваясь, зааплодировали. Нина Семёновна дала им время и, продолжая улыбаться, кивнула головой. Овации прекратились.

– Я с вами абсолютно согласна и не имею ничего против, чтобы оценить рассказ Лены на отлично.

Лена взвизгнула и под одобрительный гул ребят проследовала на место.

Славик не был бы самим собой, если бы ни воспользовался ситуацией.

– Ну, вот, а я вам что говорил! Вот оно – мастерство! Да что там! Вам, дети мои, ещё учиться, учиться и учиться, – он на минуту замешкался, будто не решался произносить эту сакраментальную фразу, но всё-таки махнул рукой и взял на себя ответственность, – как завещал великий Ленин!

Ребята засмеялись, а Нина Семёновна не стала делать из этого трагедию, напротив, улыбнулась и даже нашла для Славика несколько добрых слов:

– Дай Бог, Вячеслав, щоб эта твоя способность изо всего делать спектакль как можно чаще помогала тебе в жизни.

Класс затих. Славик чувствовал себя несколько недооценённым, однако придал лицу серьёзное выражение, будто мог в эту минуту видеть будущее. Нина Семёновна любовалась одухотворёнными лицами ребят, ребята смотрели на неё влюблёнными глазами. За этим всех и застал звонок.

Кто б мог подумать тогда, что слова Нины Семёновны окажутся пророческими. Славик – балагур и весельчак, без которого этот класс невозможно было представить, не избежал участи своего поколения и в составе ограниченного контингента советских войск попал в Афганистан. Судьбе было угодно, чтоб он вернулся живым, но каждый понимал, что тяжёлые армейские будни бойцов, его фронтовых товарищей, были скрашены мастерством, отточенным здесь, в стенах этой школы, на глазах учителей и одноклассников. И не важно, кто из них ел сытнее или был лучше одет, – дети оказались умнее взрослых и попросту игнорировали разницу, которая одним – будь они глупыми и ограниченными, позволяла зазнаться и употребить на низкие

нужды, другим – озлобиться и этим загнать себя в угол. В этом школьном коллективе ничего подобного не произошло, и Катя вспомнила свою учёбу в старших классах, как мирное сосуществование двух цивилизаций.

Что именно двух, она не сомневалась и себя относилась к менее развитой. Лишний раз убедилась в этом, когда приняла участие в сочинении открытого письма комсомольцам нового тысячелетия.

И там, в пионерской комнате, где для этой цели собрались лучшие ученики школы, и по дороге домой, Катю не покидало ощущение стыда за недостойность своих мыслей.

– Интересно-интересно, что же такого вы писали, раз ты явилась домой пунцового цвета!

– Да, – махнула рукой Катя, – что писали, не так важно. Куда важнее, о чём каждый из нас думал. И главное, вожатая, как назло, говорит: «А вы подумайте, о чём бы вы хотели спросить комсомольцев нового тысячелетия!» Один мальчик не растерялся и говорит: «Спрошу, будут ли джинсы в свободной продаже». Все как рассмеялись! Не поверишь, я тоже про джинсы подумала, но не только. Ещё про фрукты разные. Ну, сама посуди: апельсины я хотя бы пробовала однажды, а вот бананы видела только по телику или на картинках. А в телике говорят, что Новый год в Советском Союзе пахнет мандаринами! Сейчас к Ане зашла, а она угощает меня шоколадным пряником!

– А они бывают шоколадные? – совершенно искренне удивилась Надежда Ивановна. – Я считала, что мятные! Других у нас и в продаже нет! Да и те не всегда купишь! Вкусный?

– Не поверишь, у меня те же слова вырвались, а пряник я так и не попробовала. Стыдно как-то! Что Аня подумает! И сегодня было стыдно: сочиняю письмо, а сама пытаюсь представить, как будет выглядеть наш мир в 2000 году. И самое ужасное, ни о чём другом как о мандаринах и бананах думать не могу! – Катя дошла до этого места и с трудом сдержала слёзы. – Вот же зараза, и там чуть не расплакалась! А мечтаю я, кстати, о гораздо большем. Так и вижу, что вы с отцом переехали в хорошую квартиру с водопроводом и центральным отоплением. Нет-нет, опять не то! Хочу, чтоб все люди жили по-человечески. Чтоб город наш привели в порядок. Школу наконец построили, как и обещали, с бассейном. Чтоб люди путешествовали по всему миру и каждый день бананы ели и апельсины.

– О, куда загнула! С твоей фантазией только в волшебники!

Катя вытерла слёзы и улыбнулась. Нарисованная ею картина действительно напоминала сказку или несбыточную мечту. Каждый, кто жил в этом городе с самого детства, знал, что маленькие города снабжались по остаточному принципу, а дефицитные товары распределялись ещё на уровне райкомов и заведующих складов, попадая лишь к нужным людям. Мама у Ани работала простым продавцом в гастрономе и, вероятно, тоже попала в круг этих людей. Дом их можно было назвать полной чашей: ковры, хорошая мебель, хрусталь, сам дом – огромный, свой приусадебный участок. Атрибуты благополучия, мечта советского обывателя, для большинства граждан страны – несбыточная.

Армия, и это тоже знал каждый советский человек, была одним из китов советского государства, и система распределения товаров в военных городках существовала иная. Впрочем, как раз это было вполне объяснимо: кита следовало кормить, как следует. Очереди там тоже не были редкостью. Мальчишки иной раз делились подробностями и даже сравнивали с тем, что удалось повидать за границей. Но для Кати это пока ещё не стало весомым аргументом, чтобы подозревать свою родину в преступлениях перед своим народом. Она доверяла ей как своей маме и легко находила оправдания любым её деяниям. К тому же знала, что во всём виноваты империалисты, которые развязали гонку вооружений. А чего стоило поднять страну из руин после этой страшной войны! И разве можно было не протянуть руку помощи Кубе или Анголе, Вьетнаму или Корее? Мир не просто так разделился на два лагеря, – люди хотели справедливости и свободы. За это проливалась кровь, теперь уже и в Афганистане. Вот о чём

думало её поколение, которое не сомневалось в том, что нужно совсем немного потерпеть и, конечно, учиться, учиться, учиться...

Юность тем и прекрасна, что смотрит на мир сквозь розовые очки под аккомпанемент любимых мелодий. У каждого поколения свои герои, кумиры тоже свои и своя, одна на всех, музыка – спасительное зелье и дополнительный повод для непонимания и споров между детьми и их родителями. Катя не спорила с отцом, когда тот пытался судить современную музыку. Она обожала старые пластинки и по его любимым песням, как по следам, охотно сбегала из своего некрасивого настоящего в другие миры и там искала тот, особенный и прекрасный, где отец умел улыбаться, радовался мелочам, дарил радость другим людям и был полон надежд и устремлений. Сам он давно забыл туда дорогу. Гитара пылилась на стене. Трогать пластинки в его присутствии Катя не осмеливалась.

Поглощённая мыслями, она ела суп и не замечала, что мама изучает её так внимательно, будто пытается их прочесть.

– Господи, мне кажется, ты сейчас заплачешь, доченька!

– Я? – немного удивилась Катя и мотнула головой. – Тебе показалось, мамочка. Мальчишки обещались зайти сегодня. Так что надо поторопиться с уроками.

– Поторопись, – вдруг погрузнев, ответила Надежда Ивановна и добавила, – и им бы надо пораньше приходить, а то, как назло, как отец с работы, так и они являются!

– Вот-вот, я тоже ни жива, ни мертва!

– Понимаю. Я в деревне росла, и у нас там всё проще было. Иной раз прямо в нашей избе народ собирался, отец только радовался, что все на глазах будут. Никогда не запрещал. Так что для меня поведение твоего отца – тоже в некотором смысле удивление. А мальчишки, не бойся, ничего не замечают: ни этой нашей бедности, ни того, как твой отец себя ведёт. Не затем они сюда ходят.

Надежда Ивановна не в первый раз касалась этой темы, и Катя не сдержалась.

– Зачем же, позволь спросить?

– А что ты злишься? Я ведь говорю только то, что вижу. А вижу я гораздо больше, чем ты. Сама когда-то своё счастье проглядела, потому сейчас начеку. Не желаю тебе такой участи.

– Я пока не собираюсь замуж, если ты заметила.

– Заметила, но можно и сейчас таких дров наломать, что за всю жизнь потом не разгрёбёшь. Чего, думаешь, отец твой простить мне не может? Я ведь перед самой свадьбой испугалась. Нравился мне один парень, но казался мне молодым слишком, без опыта. Твой отец видел, как он за мной ухлёстывал, по ночам под окнами ходил. Выведу корову утром, а он сидит на лавочке, смотрит преданным взглядом. И теперь этот взгляд вижу. А Шкловский был старше, уже хоть как-то о жизни думал, не пил, не курил. Не за богатство я шла, за человека. Так мне казалось. Я же крестьянская дочь, так на жизнь смотрела, чтоб на земле этот человек обеими ногами стоял.

– Я всё это знаю, мама, ты мне уже рассказывала.

– Да, рассказывала, но иной раз не грех напомнить. Смотрю я на твоих друзей и вижу, как они тебя с глаз не спускают. И сама я не вижу в тебе ничего особенного, симпатичная, рост, осанка, фигурка хорошая, ноги красивые, недаром учителя цепляются. Вроде как гораздо приличнее, когда некрасивые ноги показывают. Но я не о том, они в тебе что-то большее видят, а так только в одном случае бывает, когда любовь.

– Мама! – Катя даже вскочила и повысила голос. – Какая любовь! Дружим мы! Можешь ты это понять!

– Могу, – спокойно ответила Надежда Ивановна, – но я не слепая. Вот скажи мне, Сашка сейчас вроде как с Аней дружит. Идёт мимо её дома к тебе, потом к Ане. Есть у тебя этому объяснение?

– Я же и говорю, дружим мы! – стояла на своём Катя, однако взгляд её отразил растерянность. Ей самой это тоже казалось странным. За время, что она знала мальчишек, никто из них так и не завязал серьёзных отношений. Чего ради они к ней ходили? Сказать честно, страшно усложняли ей жизнь! Дружить с ними Катя предпочла бы подальше от своего дома и теперь уже не только из-за отца, но из-за этого постоянного внимания со стороны мамы.

– Ты, конечно, как хочешь, можешь и дальше ничего не замечать, но я скажу, что оба эти парня неровно к тебе дышат. Слыхала, так теперь говорят. У Сашки – так просто всё на лице написано! А вот Борис – скрытный. Но меня не проведёшь.

– Чего ты добиваешься, мама? – уже совсем загнанная в угол, спросила Катя и посмотрела на маму с мольбой. – Поссорить нас, да? Так для меня это окно в другой мир. У нас ведь здесь как? Купила какая-нибудь Галя новое пальто или сделала стрижку модную, и всё, нос так задрала, что не знаешь как к ней подойти! А они, вон, и за границей пожили, а ведут себя так, будто мы ровня!

– О! Это мне знакомо. У нас в деревне тоже так было. Так это от недостатка ума! Какой прок гордиться тем, чего твои родители добились! Сам покажи, чего ты стоишь! Аня, кстати, тоже, вон, в богатстве живёт, а нос никогда не задирает. Я ведь грешным делом подумала, что Сашка её за то и выбрал, что дом свой, приданое будет. Но нет, чем больше смотрю, тем больше понимаю, адресом она ему подошла. Ему лишь бы к тебе поближе. Попомни моё слово, ненадолго это!

Любой подобный разговор напоминал пытку и просто вынуждал Катю замечать какие-то вещи, а потом вести спор с самой собой. Однако в любом таком споре побеждало мнение, которое нравилось ей больше всего. Мама судила по старинке, а Катя вполне допускала, что дружба между мальчишками и девчонками возможна. Мир очень изменился. Человек полетел в космос, атом себе на службу поставил, изобретал всё больше способов помочь людям в быту. Что для него какие-то там отношения полов, если не новая глава открытий! Катя не исключала, что учёные уже работали над их усовершенствованием, уж слишком много вокруг было несчастных людей, таких как её родители. Построить коммунизм без решения этой проблемы не получится. Отдельным пунктом в кодексе строителей коммунизма стоял вопрос о воспитании нового человека. И такие люди уже были. Чем не пример новенькие? Класс с их приходом преобразился до неузнаваемости! Катя тоже чувствовала, что растёт вместе с ними.

Было бы желание, а аргументы в его пользу всегда найдутся! Именно это произошло с Катей. Так, шаг за шагом, она училась лгать себе и, увы, была в этом совсем не одинока.

17

Всё утро Катя пыталась подобрать наряд на предстоящий вечер. Но, перепробовав все варианты, ни в одном себе не понравилась. Присутствие мамы тоже не способствовало принятию решения. Занимаясь домашними делами, Надежда Ивановна то и дело заглядывала в комнату и что-нибудь советовала.

– Ну что, никак не можешь выбрать? Я бы на твоём месте сегодня юбку голубую взяла и к ней что-нибудь тёмное, для контраста. Ты – светленькая, и тебе очень идёт чёрный цвет, а юбка эта полуклеш, да ещё широкий пояс с кулиской, просто загляденье будет.

Катя тоже склонялась к этому варианту, однако настроение, подпорченное Лёней накануне, не добавляло ей сговорчивости.

– Не мрачновато? Да и юбку эту я уже надевала.

– И что? Думаешь, все твои одноклассницы обновок себе нашили? Марина Александровна, тоже понятно, к своему единственному костюму белый кружевной воротничок прицепит. А вот мамочки новеньких – это не зна-а-аю. Думаю, имеют все возможности, чтоб переплюнуть всех вас. Я по родительским собраниям сужу, всегда нарядные, как на праздник. Офицерши, одним словом. А тут – женский день всё-таки!

Катя выслушала маму, но не стала говорить, как не нравится ей эта затея. Мамочки новеньких, как пить дать, затем и взялись устроить праздник на дому у Вовочки Ерёмина, чтоб перемыть всем косточки да ещё, наверное, похвастаться друг перед другом причёсками и нарядами. В этом смысле, конечно, вечер предстоял интересный. Катя давно уговаривала маму поменять причёску и обзавестись обновками, но та так привыкла на себе экономить, что даже сегодня причесалась и повязала волосы косынкой. Отец с утра даже не вспомнил их поздравить, – как обычно, сделал вид, что никакого праздника нет.

– Да, забыла спросить, Лёня тебя уже поздравил? Как он, вообще, согласился тебя отпустить? Не ревнует ещё к твоим мальчишкам?

– Это ты у него спроси. Я так лично вечером его увижу.

– Вот как! – что-то почувствовала Надежда Ивановна и нахмурилась. – Вижу, не очень у тебя настроение, не праздничное. Лёня уже показывает свой характер?

И снова мама была права. В ближайшем времени Лёне предстояло уйти в армию, и он всё чаще стал проявлять свой нрав. Вчера, к примеру, когда Катя отпрашивалась на праздник, действительно напоминал ревнивого мужа. Но она нашла, чем успокоиться: ревнует, значит, любит. Раз любит, значит, есть ради чего ждать Лёню из армии. Катя уже пообещала и не могла взять свои слова обратно, более того, не позволяла себе подобных мыслей. Предстоящие два года ужасали её полной неопределённостью, но вера в лучшее побеждала. Когда у человека есть цель, он способен на многое и гораздо сильнее того, кто живёт пустой тратой времени и сил. Сил у Кати хватало. Времени – тоже. Когда тебе всего шестнадцать лет, десять из которых прошли в стенах школы, время измеряется учебными неделями. Катя всегда поражалась его стремительной быстроте, когда заполняла дневник по воскресеньям, этим себя и успокаивала. Но с приближением момента «Х» всё чаще и чаще вспоминала тот пасмурный осенний вечер, когда ансамбль «Крылья» давал в городе прощальный концерт, после которого всем составом отбыл в Афганистан для выполнения интернационального долга. После танцев все высыпали на улицу и со слезами на глазах провожали своих кумиров. В страну из Афганистана уже начали приходить первые цинковые гробы.

– Что я хотела сказать тебе, доченька, – вдруг, немного смутившись чего-то, расстроила мысли дочери Надежда Ивановна. – Хочу повиниться перед тобой. Сначала сделала, потом подумала, что это может тебе навредить.

– О чём ты, мама? Разве можешь ты мне навредить? Ты же о себе совсем не умеешь думать!

Надежда Ивановна смутилась и с трудом сдержала слёзы. Однако преодолела замешательство и приступила к объяснениям.

– Не стала я тебе рассказывать, помнишь, пришла с родительского собрания расстроенная. Так вот, тогда всё и случилось. Стали про восьмое марта говорить, про выпускной. И так Марина Александровна Крамера с языка не спускала, а тут прямо с цепи сорвалась. Я смотрю, все головы даже опустили, так стыдно было слушать, вот я и не выдержала. Встала и всё ей высказала. Так, мол, и так, дружит с моей дочкой, ничего плохого за ним не вижу, и нечего тут его при всех поносить. Не для того мы вам своих детей доверили. Она мне в ответ: «Детей?» «А кто они для вас, не дети? – говорю, – что ж вы тут делаете в таком случае?» Что тут началось! Все начали кричать! Сашкина мать в слёзы. Хотела я к ней подойти, но не решилась, особняком они держатся.

Слушая рассказ мамы, Катя металась между недоверием и крайней степенью удивления, потом бросилась ей на шею.

– Мамочка, какая же ты у меня молодец! Как же я горжусь тобой! Поверить не могу, ты ли это! Не пойму только, почему ты расстроилась?

– Так, говорю же, как бы она теперь мстить тебе не стала. Вон, смотрю, двойки по истории стали появляться.

– Так это же самое смешное! Налепит двоек, а потом в конце четверти замечает следы. Как же, не хочется лишать класс хорошистов! И так мы не сильно впереди! Знаешь, что я думаю, она, может, не такая уж плохая, вон, в библиотеке могла бы работать или медсестрой даже, а вот учитель из неё никакой, это каждая собака в школе знает. Общение с детьми высвечивает в людях все их недостатки как рентген. Так мне кажется.

Надежда Ивановна выслушала дочь и усмехнулась.

– Да, выросла ты у меня, совсем большая и умница. Как рентген, это ты хорошо сказала. Хорошо, что поговорили, а то покоя мне это не давало. Пожалела сто раз, что доброе дело сделала.

– Не-е-ет, – рассмеялась Катя, – о добрых делах не надо жалеть. Надо было давно вмешаться. Интересно даже посмотреть, как она сегодня вести себя будет. Расскажу потом.

– Только это уж завтра к вечеру. Мы с отцом в деревню. Не сидится ему в городе.

Катя кивнула. Рассказ мамы очень поднял ей настроение и повлиял на выбор наряда. Теперь уже она не спорила, учла все советы и напоследок покружилась.

– Боже мой! – всплеснула руками Надежда Ивановна, – ты и так у меня высокая, а в этой юбке как будто выше стала. А талия, так просто как у Гурченко в «Карнавальная ночи». Широкий пояс правильно работает. Лёня прав, что ревнует. Только не всегда ревность о любви говорит.

Кате не понравилась последняя фраза, но она заметила слёзы в глазах мамы и обняла её за плечи. Она была в самом начале пути познания себя и этого странного мира и не стала доверять чужому опыту. Это был её первый женский праздник в роли чьей-то девушки, и теперь уже она могла на полном основании претендовать на то, чтоб тот стал незабываемым. Судьба услышала её голос, правда, поняла так, чтобы впредь продумывать свои желания.

18

Надежда Ивановна не ошиблась в прогнозах и ничуть не преувеличила: принимающая сторона устроила показ причёсок и модного платья, Марина Александровна облачилась в свой унылый – синего цвета – костюм, украшенный белоснежным воротничком из дешёвого кружева. Он немного оживил её близорукие глаза, но те, видимо, так привыкли к требовательности, что не могли отступить от своих привычек полностью. И всё-таки желание показать себя с лучшей стороны побеждало. Как только поступал запрос, Марина Александровна охотно находила несколько добрых слов для каждого из своих учеников. Интерес мамочек новеньких, как и положено, распространялся на девочек. Наслышанные о школьных баталиях, они талантливо подыгрывали Марине Александровне и тем самым позволяли реализовать ей свои лучшие качества.

Находясь под прицелом любопытных взглядов, девочки чувствовали себя не слишком уютно и с надеждой поглядывали в сторону комнаты Вовочки. Единственное, что было известно, там намечались танцы. Мальчишки, с видом заговорщиков, сновали туда и обратно, внося некое разнообразие в эту скучную картину, которая всё больше напоминала смотрины. Но лимонад и сладости, от которых столы ломились, смягчали все неприятности.

– Ну вот, будет хоть что вспомнить! – закинув в рот очередную конфету, описала чувства большинства Леночка. – Что ни говори, а новенькие наши, что надо. И предки ничего так. Только бы меньше пилились!

– Это точно! – с улыбкой согласилась Катя и, вспомнив свой разговор с мамой, перешла на шёпот. Прибыв на праздник в числе последних, девушки не могли похвастать выгодной позицией и, находясь в зоне повышенного любопытства, не забывали о мерах предосторожности. – Ты, кстати, слышала про последнее родительское собрание?

– Как твоя мама за Сашку заступилась? Как же! Конечно! Мамка мне сразу рассказала. Всё забываю тебе сказать, какая она у тебя молодец!

– Молодец-то молодец, да я вот только сегодня узнала. Смотрю теперь на Кролика и диву даюсь: как талантливо она играет роль души компании!

– Это да! Прямо, воротит! А эти офицерши всё у неё выпрашивают про всех, а потом плятятся всей толпой! О, о тебе говорят, как пить дать! А наша, глянь, и тут на высоте, хвалит. Сияет прямо, будто сама тебя родила и воспитала! Да ещё нарядила как куклу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.